LUDMI DE LA NUEZ

Моя жизнь — что это было?

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Какую жизнь можно считать прожитой не зря? Я не знаю точно. Скорей всего, жизнь человека, свившего своё гнездо, не мечущегося по странам и весям и хорошо делающего одно своё дело. Моя жизнь — нечто другое; это жизнь по эмоциям, по страстям, жизнь женщины с бунтарской и авантюрной душой. И всё же, надеюсь, она прожита не зря. Но вам, читателям, оно будет виднее.

- Моя жизнь — что это было?
  -
  - Предисловие
  - Моё начало
  - Хусейн
  - Дочь. Хусейн — продолжение
  - А жизнь продолжалась
  - Отстойные годы
  - Я — гид
  - Франсиско
  - Юля
  - Франсиско (продолжение)
  - Смерть мамы
  - Эмиграция
  - Иммиграция
  - Год второй
  - Лена
  - Поездка в Дамаск. Хусейн
  - Болезнь и смерть Франсиско
  - Пребывание в Америке. 2001—2002 г.г.
  - Новая жизнь — с сыночком
  - Московские школы Олега
  - И снова Испания, теперь уже надолго
  - Отношения с сыном. Разное другое
  - Тимур
  - Мысли о себе

Моя жизнь — что это было?

Ludmi de la Nuez

Безумству храбрых
Поем мы песню,
Безумство храбрых —
Вот мудрость жизни!

(М. Горький, Песня о буревестнике)

© Ludmi de la Nuez, 2019

ISBN 978-5-0050-9970-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Давно мне советовали написать мемуары. Но особого желания не возникало. И вдруг, несколько месяцев назад, мне захотелось сесть и написать о себе, о своей неспокойной жизни, о моем времени. Почему? А потому, что то, что раньше меня не интересовало — жизнь моих предков, их судьбы, их характеры, — стало очень интересно на закате своей жизни. А спросить-то уж некого. Все ушли. Вот я и подумала, что вдруг и моим потомкам, (если они будут, конечно), захочется что-то узнать о нас…

И ещё. Не один раз, когда я рассказывала о различных эпизодах и историях своей жизни, мне говорили: «О, ты о себе целую книгу можешь написать!»

Да, я знаю — я устроила себе такую жизнь, что почти каждая из ее многочисленных историй тянет на сюжет художественной книги. Так, может, и, вправду, кто-то из умельцев пера, прочтя мои воспоминания, напишет на их основе нечто художественное?.

Да, и ещё — нота бене: я писала здесь правду. Не исповедь, но правду. Может, кому-то будет неприятна, и, в первую очередь, тут подумалось о детях. Но — что было, то было, и не обо всем, что было и от чего страдала, я здесь рассказала. Это всё же мои мемуары, а вы напишете свои…

Моё начало

Сначала о родителях. Моя мама — Полина Фёдоровна Мишурова, родилась 28 декабря 1914 года в дер. Дягилево Вяземского р-на Смоленской области в семье кузнеца. Её мать, моя бабушка Матрёна Романовна. была из крестьян среднего достатка, родила восемь детей, из которых остались в детстве живыми пятеро. Её отец — Мишуров Фёдор (кажется, Фёдорович) скончался в 1940 году.

Бабушка дожила до 96 лет, умерла в 1976 году. Она не жила с нами, но часто приезжала к нам, или мы с мамой ездили в гости к маминой сестре, где жила бабушка, так что она была почти с нами. Это была до самых последних дней худощавая, стройная, с сохранившейся талией (*я всё чаще задаюсь вопросом — откуда у крестьянки, много рожавшей, такая фигура, а, между прочим, у меня, вовсе не крестьянки, самая крестьянская?),* очень приятная внешне старая женщина, немного только портили её привлекательность толстые очки, которые она носила из-за плохого зрения. Во время войны она находилась в оккупации у немцев, её просторный дом заняли немецкие офицеры, а она вместе с другими женщинами из деревни провели много месяцев в землянке. Я знала, что при отступлении немцы дом подожгли, и она осталась без дома, поэтому и жила все годы до смерти у старшей дочери и не слишком приветливого зятя, полковника кавалерии. (*Мама меня повезла как-то во взрослом возрасте в эту деревню и показала на пригорок, где стоял их дом).* Бабушка говорила, что, если бы могла, то написала бы большую книгу о всём пережитом. Но, к сожалению, я не очень приставала к ней с расспросами, а она рассказывала немного. А написать она сама бы ничего, конечно, не смогла, как из-за плохого зрения, так и от слабой грамотности — она окончила всего два или три класса. А вообще, она была очень мудрой, умела со всеми поддержать разговор, при этом у неё был такой смоленский говор, над которым мы посмеивались, мне казалось, что это чистая деревенщина, а это был просто местный диалект, близкий к белорусскому языку.

Интересно, что у всех братьев и сестёр Мишуровых (кроме мамы и Леночки) были очень кудрявые тёмные или тёмнорыжие волосы и не типичные для славян крупные, чуть-чуть на выкате, зелёные глаза (это уже у всех них). И фамилия была какая-то искусственная, кажущаяся надуманной. Мы с двоюродной сестрой Аллой Савченко гадали об этом уже после смерти бабушки, спросить было некого, да, может, и бабушка нам ничего бы не объяснила. (Она только рассказывала про какого-то барина,

у которого, вроде, служила, её мама).

Хочу отметить, что бабушка очень близко к сердцу восприняла и полюбила мою дочку и в своём очень преклонном возрасте помогала моей маме в моё месячное отсутствие ухаживать за 9-месячным ребёнком, стирая пелёнки и т. д. У меня о ней сохранились самые тёплые воспоминания.

Мой отец — Виктор Степанович Быстрых, родился 13 февраля 1912 года на станции Слюдянка Иркутской области в семье железнодорожного служащего. Его отец умер тоже очень рано, до войны. Мать — Ольга Афанасьевна также была многодетной, вырастившей семь детей. Умерла она в Ленинграде, где жила в доме старшей дочери, в возрасте 76 лет. Я первый раз увидела её, когда в 15 лет приехала к ним на зимние каникулы. И ещё, кажется, один раз. Кроме этого, мы с ней не общались. Помню, как по приезде она хотела, чтобы я её поцеловала, но я была девочкой неласковой (в отличие от Марины — моей двоюродной сестры, жившей много лет вместе со своей бабушкой, и постоянно целующей и ласкающей свою бабулю) и мне не хотелось целовать «чужую» (как я её воспринимала) толстую женщину (моя-то баба Мотя была стройной и изящной). Теперь жалею об этом, конечно, ведь я была единственным продолжением её погибшего сына!..

Моя мама закончила школу-семилетку в районном центре, г. Вязьме и в 15 лет приехала в Москву, чтобы учиться в техникуме. Поначалу она жила у брата Николая, который уже работал в Москве, где у него была маленькая 7-метровая комнатёнка в двухэтажном деревянном доме без удобств. Она уже почти заканчивала техникум нефтяной химической промышленности, когда его перевели в Тюмень. Если не ошибаюсь, она в Тюмень тогда не поехала, а вот позже она всё же оказалась в Тюмени. Но до этого уже поработала в Сыктывкаре. (Когда я была маленькая, мне казалась совсем неинтересной её специальность «нефтесмазочные материалы», а вот теперь мы совсем по-другому смотрим и на специальность, связанную с нефтью, и на сами эти богатые нефтедобывающие города). Года в 23 у мамы была большая любовь (не как теперь, а чистая, без интима) с одним молодым человеком, которого сослали на север за полярный круг («*модно"же было тогда ссылать*!), они переписывались, но со временем его там «охмурила» какая-то женщина с ребёнком; мама очень переживала, но, несмотря на раскаянные письма жениха, измены ему не простила.

Работая на аэродроме Тюмени в лаборатории масел мама познакомилась с моим будущим отцом. Он летал по всему Северу на пассажирских и грузовых самолётах, т.е. работал в системе ГВФ (Гражданский Воздушный флот). Виктор так влюбился

в красавицу Лину (а моя мама была очень красива), что грозился выброситься из самолёта, если она не выйдет за него замуж. Маме исполнилось 26 лет и надо было уже, действительно, подумать о замужестве. И они поженились, точнее, просто расписались в загсе, как раз перед войной.

Перебазировались в аэропорт Внуково, когда началась война. Осенью 41 года мама со своей младшей сестрой Леночкой, студенткой МГУ, были эвакуированы в г. Уфу. Мама была уже беременна мной, когда случилась трагедия — после каких-то обязательных земляных работ Леночка заболела брюшным тифом и скоро умерла. Эта трагедия была для мамы самой ужасной. Младшую 18-летнюю сестрёнку, подававшую большие надежды в учёбе, все любили как-то особенно, а кроме того, моя мама чувствовала ответственность перед своей матерью, находившейся в оккупации и без того хватившей лиха, за Леночку, которую увезла собой в эвакуацию — *увезла и не сберегла.* Вины маминой в том не было никакой, девушку вообще сначала лечили от малярии и, когда поняли, что это тиф, было уже поздно, но беда была ужасной… *(Уже в семидесятые годы мама поехала в Уфу, пошла на кладбище, где была похоронена её сестрёнка и привезла горстку земли примерно с того места, которую захоронила рядом с могилой своей мамы.)*

В общем, свою беременность мама проходила в глубоком стрессовом состоянии. Не говоря уже о такой всеобщей беде, как война, самое её горькое начало. Да и бытовые условия были совсем не лёгкими — в одной маленькой проходной комнате жило три человека (ещё какое-то время жила Алевтина, средняя сестра отца, не считая папы, который только бывал наездами, вернее, налётами, или лучше, прилётами.

Я родилась в Уфе 22 июля 1942 года. Вскоре мама вернулась из эвакуации и поселилась в поселке аэропорта Внуково.

В начале июня 1943 года погиб в воздушном бою мой дядя — младший брат папы — Борис Быстрых, военный лётчик, герой Советского Союза**. (В прошлом году ему был торжественно открыт бюст в родном городе Бабушкин в Забайкалье.)** Узнав о гибели брата отец, работавший в аэропорту секретарём парторганизации и делавший внутренние рейсы, настойчиво попросился на фронт. В ноябре 1943 года при выполнении боевого задания — вылета за линию фронта к партизанам Краснодарского края, при невыясненных обстоятельствах, его самолёт потерпел крушение. Маме пришло сообщение, что отец пропал без вести. И только в феврале 1944 года лесник обнаружил в лесу обломки самолёта и останки экипажа и пассажиров — всего 12ти человек. Маму и других вдов членов

экипажа призвали полететь в то место, чтобы опознать (идентифицировать) своих мужей. И мама летала и в том лесу буквально собирала косточки отца**. (В 1975 году я, не без труда, нашла захоронение отца в братской могиле в селе Адагум Крымского района Краснодарского края).**

Мне мама лет до семи говорила, что папа без вести пропал. И какая-то надежда теплилась во мне. Но вот, когда мне было уже десять лет, как-то мне приснился сон, что папа пришёл, сон был долгий и неясный, и потом папа исчез, и я проснулась под впечатлением этого сна, папы не было, и тогда я отчётливо поняла, что его и не будет, н и к о г д а! И я зарыдала и долго и безутешно плакала…

Очень смутно помню, что во Внукове у меня была какая-то недобрая нянька — мама работала, конечно. А потом. когда мне было три годика, мы переехали в ту маленькую комнатушку в Москве, на Б. Екатерининской улице, где когда-то мама жила с братом, но брат женился и уехал, комната освободилась. И ещё смутно помню — кажется, это был день Победы, 1946й год, (мне три года), мама меня разбудила после дневного сна, сказала, что на улице праздник и мы пойдём гулять и хотела одеть, но я вырвала у неё из рук чулочки и кричала: «сама, я сама», я решила, что большая и могу одеваться сама, но у меня долго ничего не получалось, но я всё равно не давала ей себя одеть — я была упрямая и несговорчивая… (*А на день Победы в 1945 году мама, как она говорила, ходила по улицам и плакала от своего горя…)*

Мама тут же устроилась на работу на парфюмерную фабрику, находившуюся в 15 минутах ходьбы (на 3й Мещанской ул.), и меня с трудом устроила в детский сад в Марьиной Роще. И тот сад я очень хорошо помню — потому что он был отвратительный. Помню, как меня заставляли пить горелое молоко, от запаха которого меня тошнило, я давилась, а нянька заливала мне его в рот; помню, как укладывали спать в тихий час в мешках на террасе зимой в мороз, телу не было холодно, но холодный воздух спёрывал (*вот придумала слово!)* дыхание; помню, как я однажды обкакалась и как нянька на меня кричала; и, наконец, помню, как пришла к нам зубной врач проверять зубы, и после проверки всех детей стали называть фамилии тех, кому надо было пломбировать зубы, и я стояла и тряслась от страха услышать свою фамилию, и я её услышала, и меня позвали в кабинет, засверлили ужасной бормашиной, которая издавала звуки, равные звукам перфоратора, вгрызающегося в бетон, мне поставили пломбу. И ночью у меня началась ужасная боль, у меня раздуло щеку, я сильно плакала, и утром мама повезла меня в платную зубную поликлинику. Там мне сказали, что будет

больно, но придётся потерпеть — надо было вскрывать пломбу, туда попала инфекция, но «мы думаем, ты храбрая девочка и выдержишь»; после этих слов я с внутренним содроганием, но с внешней решимостью *(как же! -я должна была не разочаровать их и подтвердить, что я храбрая*) вошла в кабинет и действительно, терпела ужасную боль, без крика и стона — я хотела показать себя храброй и смелой -, но эту боль я запомнила! (*Это же надо — для лечения зубов не было анестезии!)* Потом мне положили на зуб лекарство, похвалили за терпение и мученья закончились. Но в тот детский сад мама меня больше не повела.

Скоро мама определила меня в детский сад почти рядом с её работой, и в этот сад я ходила уже до школы. Он, конечно, был лучше прежнего, и воспитатели там были хорошие, и на дачу мы выезжали с садом летом, но питание было всё же однообразное, фрукты и свежие овощи были редкостью, да после лета мама вычёсывала мне волосы, полные гнид и поэтому остригали нас всех, чтоб не завшиветь. Вот там воспитательница рисовала мне за поведение красные или чёрные квадратики, и чёрных или смешанных было немало — всему виной было моё упрямство и строптивость. Но в то же время я с удовольствием ходила в этот сад, там было интересно. Читать по слогам я стала к шести годам, а до этого, уже зная буквы, взяла как-то школьную тетрадку, разрезала её пополам, наверно, чтобы было удобней в ней писать, вывела на обложке заголовок: *Пушкин* (!), но дальше дело не пошло — сочинять стихи не получилось.

В 1949 году я пошла в школу No244, что в Самарском переулке. Для меня это было огромное событие, ведь я уже давно мечтала о школе, и вот, наконец, я ученица 1"А», и я собиралась учиться только на отлично! Мама подолгу сидела со мной, выводя моей рукой

красивые буквы по чистописанию, учив писать по прописи, (и потом у меня был лучший в классе почерк), но в первой четверти я получала больше четвёрок, чем пятёрок (отметки начали ставить сразу), и я не была среди первых, кому разрешили с карандаша перейти на ручку с чернилами (я попала лишь во второй заход). Но постепенно, моим прилежанием и маминой помощью я вышла в число самых лучших учениц (школа была женская), а скоро стала круглой отличницей.

Я любила учиться, я любила делать уроки, я даже с удовольствием придумывала и рисовала в тетрадках по арифметике красивые бордюры, (так нам велели), разделявшие домашний урок от классного. Я находилась в доме одна, мама прибегала в полпервого дня, разогревала мне обед, оставляла

кастрюльки с супом и кашей на тёплой с утра печке, закутанными в полотенце, и убегала на работу. Делая уроки, я слышала за окном, как играют во дворе ребята, мне хотелось гулять, но мама меня учила, что «сделал дело — гуляй смело», и я придерживалась этого правила, потому что оно отвечало моему желанию: быть лучшей, быть примером. Потом, часа в 4 вечера я выходила на улицу, а детей уже во дворе почти не оставалось — они в это время шли садиться за уроки, да зимой уже и темнело, мне было немножко жаль, но на следующий день я своего распорядка не меняла. Как-то в классе я обнаружила опечатку в букваре, которую до меня не заметили, и моя первая учительница Софья Акимовна (уже довольно пожилая), произнесла: «Двести лет тебе жизни, Люся»; а во втором классе я предложила решить задачку другим способом, и опять услышала то же её пожелание, вот оно мне очень и запомнилось.

И всё-таки одну тройку во третьем классе я получила. Надо было дома сделать рисунок к сказке» Волк и лиса» («Мерзни, мерзни волчий хвост»), я, не понадеявшись на себя, попросила маму нарисовать волка с примерзшим в проруби хвостом, и мама нарисовала; и, когда нам раздали тетради после проверки, открыв свою, я увидела: 3. Дома я плакала и досадовала на маму, так подведшую меня своим неудачным рисунком! А мама ещё смеялась и утешала меня!

Запомнился ещё один эпизод. Наша учительница жила одна, и вот как-то она заболела и мы, несколько девочек, пошли её навещать. Жила она в 7-этажном каменном доме, который впечатлил меня. Она угостила нас чаем, а потом мы стали относить чашки на кухню, чтобы помыть их. Чашки были хорошие, из тонкого фарфора. И я одну не удержала в руках, она упала и разбилась (я же не приучена была ни к кухне, ни к уборке посуды, мама мне не разрешала вообще ходить на кухню, где у нас пахло керосином, только умывалась там по утрам). Учительница вышла из комнаты и строго спросила, кто разбил чашку. И я не призналась. Я, видя её лицо, испугалась её гнева и того, что она теперь будет меня не любить. Я проявила трусость, и мне очень жаль и чашку и того, что я Вам не призналась, Софья Акимовна. *(Хотя и не очень понимаю, какое уж имело значение, кто разбил чашку, ведь понятно, что это было сделано ненарочно).*

Несколько слов про наши бытовые условия. Как я уже сказала, наш дом был без удобств. Вода приносилась из уличного колодца, уборная на четыре дырки, грязная и вонючая, была во дворе, мама меня туда не пускала, для меня был горшочек; еда готовилась или на примусе с керосинкой, или на печке —

голландская печь топилась с коридора, мама вставала при температуре зимой в комнате градусов 13—14 и растапливала печь к моему подъёму в школу; в квартирке кроме нас жили три семьи *(причём социально самые разные — одна семья из 4 человек - интеллигенты, вторая — парикмахер и его жена, тоже нормальные соседи, а вот третья — там жила женщина, работавшая дворником, у которой и дочь и сын были в тюрьме, потом вернулась дочь из тюрьмы, сидевшая, якобы, за воровство, наверно, за какую-нибудь ерунду, а сына я так и не увидела, так мать и потом дочь были молчаливы и с нами не общались)*. Во дворе у нас был сарай с дровами, мне очень нравилось там бывать, там стоял прекрасный запах древесины, и я там мастерила себе самокат. На улице были одни деревянные дома, хотя центр города был недалеко, но именно наши три Екатерининские улицы (Большая, Малая и просто), расположенные за садом ЦСКА, представляли из себя забытое захолустье. Позже при строительстве Олимпийского стадиона и Олимпийского проспекта все было снесено, и эти улицы просто исчезли.

Мы, дети той улицы, были предоставлены сами себе. Я очень много гуляла, особенно нравилась зима (зимы тогда были снежные и морозные): мы залезали на крыши сараев и с них прыгали в сугробы; мы играли в «царь горы», мы катались на коньках с ледяной горки, которую устраивали во дворе родители; мы катались по самОй Екатерининской улице на коньках, благо что машин практически не было. Сначала у меня были коньки, привязывающиеся к валенкам, а в 9 лет мама купила мне настоящие коньки с ботинками, назывались они «английский спорт», это были не «канады» и не «норвежки», но уже и не «снегурки» какие-то, но всё же после валенок на них поначалу мне было трудновато кататься и я стала кататься сначала на одном коньке, и я так лихо каталась на нём, отталкиваясь одной ногой, по нашей Екатерининской, что потом, надев второй конёк, уже не испытывала никаких трудностей с катанием). Ну, а летом — в первые же летние каникулы мама отправила меня в лагерь, и так было каждый год, отправляла или в одну, или в две смены. Я не возражала и не роптала: во-первых, я уже привыкла к нахождению в казённых учреждениях даже летом, а, во-вторых, другого выхода у мамы не было, ей надо было работать, а с дисциплиной на работе в сталинские времена было очень строго. Дач у людей сразу после войны было мало, дети летом ездили в деревни, у кого там были родственники. У нас же деревни не было — её сожгли немцы.

На своей парфюмерной фабрике мама познакомилась

с одним грузином, приехавшим из Тбилиси на какую-то продолжительную стажировку, и у мамы с ним был роман в течение почти двух лет, что он находился в Москве. Мне дядя Валико очень нравился, он иногда приходил к нам в гости, точнее — уж какие гости в 7-метровой комнатушке, — заходил за нами, чтобы поехать куда-то гулять. Мама, очевидно, его очень любила, потому что, когда он уехал в свой Тбилиси, и она услышала, что он, кажется, вернулся к жене, она так переживала, что у неё началась гипертония. (Он что-то писал ей, но она не отвечала). А вообще, когда я была ещё маленькая, я помню разных маминых поклонников, она же была очень интересной женщиной, но к одним она не была благосклонна, а у других не было своего жилья — вопрос жилья стоял очень остро! И мама оставалась одна.

Весной 1952 года маме после долгих хлопот и совсем непросто удалось добиться улучшения жилищных условий — нам предоставили комнату 10м2 в коммунальной квартире с удобствами на Сретенке, точнее в одном из её переулков с интересным названием Последний. В квартире был газ, уборная, ванная и даже телефон! Ещё было две семьи соседей. С одной из них мама время от времени ссорилась, потому что семья была нахальной, меня эти разборки удручали, я понимала, что мама права, что они наглеют, но мне всё равно это было неприятно. Я видела, что мама стала очень нервной, что она плохо спала. Мама устроилась на работу в химическую аналитическую лабораторию в соседний Сухаревский переулок, опять, чтобы быть поближе к дому, ко мне.

В конце третьего класса, после переезда я пошла в другую школу, No 255. Правда там уже с третьего класса изучали немецкий язык, но со мной позанималась учительница, и к концу года я нагнала программу. Учить иностранный язык мне очень нравилось, и я давно мечтала об уроках иностранного языка, правда, я мечтала учить французский, но в большинстве московских школ был немецкий.

5 марта 1953 умер Сталин. Мы с мамой обе горько плакали, а бабушка (она как раз ночевала у нас) почему-то не плакала. Стояли морозы, но мама решила пойти со мной в Колонный Зал на прощание с вождём, это был последний день прощания, и мы уже знали, что очень много людей погибли в давке в очереди, но в последний день всё было организовано лучше, везде стояли кордоны и оцепления. Мы, конечно, не встали в многочасовую очередь, а моя находчивая мама преодолевала со мной кордоны, каждый раз долго, иногда очень долго упрашивая милицейского офицера пропустить нас, и так мы смогли пройти не меньше

десяти кордонов и наконец, встали в ближайший поток уже около Колонного зала и смогли проститься с нашим тогда любимым товарищем Сталиным.

Поначалу я училась также на отлично, но в пятом классе стали появляться четвёрки, портилось моё поведение, я время от времени проявляла свой, как называли, гонор. Надо сказать, что учителей в этой школе я не особенно любила и её директора тоже. В шестом классе в школу и в наш класс пришли мальчики — произошло «слияние» мужских и женских школ, и поначалу всё это было очень любопытно. Не знаю, как другие девочки, а я мысленно выбирала себе, кто бы мог мне понравиться, и мне сразу нравились три мальчика, каждый по-своему. Но один мальчик мне всё же нравился больше, и я чувствовала, что, кажется, и я ему нравлюсь. Его звали Олег Кормилицын, жил он также в Последнем переулке, только в конце его. Учился он неважно, но он был очень подвижный, юркий и безобидный, никогда не обижал девочек; внешне небольшого росточка, но очень крепкий. Как-то уже в 7 классе, я написала ему записку: «Алик, давай дружить». И с замиранием сердца ждала ответа. Он прислал мне ответ: «Давай». Я была на седьмом небе, но, по правде, сама не знала, как это — дружить? Ну, наверно, вместе идти из школы домой, может быть, вместе иногда делать уроки… И в тот день, помню, у нас был урок физкультуры — лыжи в парке Останкино; после катания на лыжах мы с Аликом пошли вместе на трамвайную остановку, по пути зашли в булочную и купили четвертушку чёрного хлеба. Мы ломали и ели тот пахучий свежий хлеб, и я помню ощущение счастья — от того, что мы идём с ним вдвоём, едим этот хлеб и нам так хорошо! И ещё подумалось мне тогда: ведь нам же только по тринадцать лет, и как же ещё долго ждать, пока будет хотя бы шестнадцать, чтобы можно было взять друг друга под ручку и, может, даже поцеловаться. И ещё: если мне так хорошо от того только, что я иду с ним рядом, то какое же чувство я бы тогда, через несколько лет испытала от объятий и поцелуев?..

Но больше в том возрасте быть нам вдвоём с Аликом не приходилось, только весной того же года мы поехали с ним на площадку ВДНХ, чтобы он учил меня кататься на велосипеде. И вроде научил. В восьмом же классе он связался с одной разбитной компанией ребят из нашего класса, и он перестал мне нравиться. А после восьмого класса Алик ушёл из школы и поступил в ПТУ. На время мы расстались.

Больше в эти подростковые годы ничего особенно интересного в моей жизни не происходило. Я смотрелась в зеркало и ненавидела себя за свой крупный нос, красневший

на морозе, какие-то вдруг маленькие глазки, за свою фигуру, я *стеснялась себя*. Я стала большим интровертом и с виду была хмурой, даже угрюмой. Я очень любила читать, взрослые книги я не читала, брала из районной библиотеки им. Тургенева детские и приключенческие повести, и от них меня было не оторвать. Пожалуй, самая любимая книжка у меня была «Граф Монте-Кристо», ещё «Овод». В восьмом классе, после того как мама подарила мне на д.р. фотоаппарат (самый дешёвенький, не с плёнкой, а с кадрами негатива), я увлеклась домашним фотопечатанием, накупив все необходимые для этого принадлежности. Летом по-прежнему ездила в лагеря, а иногда — в Вязьму с бабушкой к тёте Марусе. Когда я перешла в 9й класс, маме удалось достать мне путёвку в лагерь ГВФ на Чёрное море (ст. Якорная Щель под Сочи), и я впервые полетела туда на самолёте, причём не пассажирском, а каком-то специальном, бесплатно предоставленном для детей из Москвы и Внуково. Это был ИЛ14 и летели мы очень долго, больше 4 часов и здорово болтало, меня подташнивало, в общем, это было не то, что на современных лайнерах…

С мамой отношения были не очень. Мама в отпуск (пока я была в лагере) ездила в дома отдыха по путёвкам. И вот как-то познакомилась там с одним мужчиной. Свой роман они продолжили в Москве. Он был, как бы, в разводе, но жил на одной площади с женой, и зимой, я так понимаю, им пойти было некуда, и иногда вечером он оставался у нас в нашей 10метровой комнате с мамой, я ложилась спать, а они сидели на диване и целовались и миловались; они думали, что я сплю, а я, затаив дыхание, лежала и во мне всё горело от чувства гадливости, которое я испытывала и к нему, и к маме, и я не могла уснуть, пока мама не выпроваживала его. Дело ещё в том, что он мне очень не нравился, я интуитивно отвергала этого человека, и, когда мама заговорила о том, что дядя Артемий сделал ей предложение, я буквально восстала, меня уговаривала тётя Таня и, наверно, ещё кто-то, но я говорила, что ненавижу его и с ним жить не буду. (Действительно, жить в нашей комнате втроём с каким-то чужим мужиком я не намеревалась). В конце концов (из-за меня) их отношения стали рушиться и постепенно сошли на нет. Но неприязнь к матери у меня осталась надолго. Конечно, мама ни в чём не была виновата, она была женщиной, и у неё вхолостую проходила её женская жизнь, её молодость, а ни для любви и ни для секса не было никаких условий. Но я в том возрасте воспринимала вещи согласно возрасту…

Я уже не была отличницей, хотя по русскому, литературе,

математике и истории с географией была одной из трёх самых сильных учениц, а моим слабым предметом было черчение (у нас долго не было вообще преподавателя, а потом они всё время менялись.) Самая круглая отличница у нас была Юля Толстова, маленькая симпатичная девочка с огромным лбом, как у молодого Ленина. Она была для меня почти кумиром, потому что успевала и заниматься в театральном кружке, и играть на пианино, и быть секретарем комсомола в школе. Но иногда и она спрашивала меня, приходя в класс, решила ли я какое-то очень трудное уравнение, и я, просидев накануне три часа над этим уравнением, отвечала, что решила и была горда тем, что была единственной в классе, кто справился с ним. Юля Толстова была несомненной умницей, просто, думаю, иногда у неё не было трёх часов, чтоб досидеть до победы. (*Думаю, что её имя было мне так приятно, что и я назвала свою дочь этим именем. Интересно, что Юля Толстова, поступив на мехмат МГУ, вышла замуж и родила раньше нас всех, и назвала она свою первую дочь Людмила; потом у неё родилось ещё трое, а она стала учёным — математическим лингвистом; да, незаурядная она была личность*!) Надо сказать, что у нас была очень сильная математичка, она, конечно, имела своих любимчиков, но и мне доставались от неё несколько раз пять с плюсом, а они дорогого стоили. К 10му классу моя внешность стала выправляться, и я приободрилась. Начались выпускные экзамены. А между экзаменами наша теплая компания — 3 девочки и 3 мальчика, все парами, я — с Аликом, (мы возобновили с ним общение), шли в Уланский переулок к беседкам (как раз за зданием Корбюзье) и целовались, целовались…

Свой выпускной вечер я как-то и не запомнила, только долго хранила красивое по тем временам платье из серебристого муара, которое мне сшили в ателье. После долгих раздумий — у меня не было явного влечения к определённой профессии, я подала документы в инженерно-строительный институт на факультет городского строительства и хозяйства; (я ошибочно думала, что это специальность широкого профиля и на моём градостроительном факультете не придётся столько чертить, как на общестроительном). Вообще то я мечтала или о математическом факультете МГУ, или о журналистике, но мне нужно было обязательно поступить, т.к. тогда мне ещё год, до 18-летия должны были бы выплачивать пенсию за отца (450руб.), которая была выше, чем стипендия, так что рисковать, идя туда, где очень высокий конкурс, я не могла. Конкурс на выбранный факультет был 6 человек на место. Нужно было сдать пять экзаменов, и весь июль я занималась с репетиторами

по математике и по физике. Набрала необходимое количество баллов, сдав два экзамена на 5 и три на 4. Ура, я поступила! Мама купила мне путёвку в дом отдыха на 12 дней, и я впервые самостоятельно туда поехала.

Детство кончилось. Начинался новый этап моей жизни.

Юность, незадавшееся замужество, новая любовь.

В сентябре 1959 года началась моя учёба в МИСИ. Но вместо полной студенческой жизни нас ждал новый указ Хрущёва о том, что студенты, не имеющие производственной практики, должны приобрести её в течение двух лет, совмещая работу с вечерней учёбой. И нашу группу направили в строительное управление, где девушек определили на разные объекты ученицами маляра. (Самым интересным эпизодом на этой работе была работа в Большом театре, где мы что-то красили, кажется, окна. Чтобы пройти из одной половины здания в другую, самым коротким путем была сцена, и мы, как-то, набравшись наглости, пересекли ее во время дневного спектакля, мы, конечно, шли за задним занавесом декораций, но то, как мы с Лианой, проходили с ведрами краски, всё равно заметили.) Я работала в паре с Лианой Ахуба, приехавшей из Гудауты, с которой мы в дальнейшем подружились, хотя из-за моего и её ещё более упрямого характера часто ссорились. Началась трудная жизнь, надо было вставать очень рано, ехать к 8 часам на окраину Москвы, переодеваться в рабочий комбинезон, работать до 14:30 (я, будучи ещё несовершеннолетней, работала 6 часов), приехать домой часов в 16, а к 18 часам ехать в институт на лекции. Но, пообедав дома, меня обычно, после вдыхания на стройке краски и пыли, смаривало в сон, и я часто пропускала занятия. Особенно я стала избегать начертательную геометрию, которую я не понимала и только каждый раз думала, что зачем идти на очередную лекцию, если уже отстала, сначала надо самой сесть и разобраться в предмете с самого начала. И так я предмет запустила, что к концу первого курса у меня по нему стояли одни двойки и меня не допускали к экзаменам. Когда я призналась в этом маме, она позвонила на кафедру заочного строительного института и договорилась с репетитором; этот репетитор выполнил за меня все упражнения и эпюры, разъяснил мне суть построений, в общем за три-четыре занятия поднатаскал меня так, что я сдала зачёт по начерталке, меня допустили к экзамену и экзамен я сдала на троечку, но сдала! За меня переживала вся группа и, когда я вышла за дверь экзаменационной и, выдохнув, сообщила: три! все ребята тоже вздохнули с облегчением и стали

меня поздравлять. Потом это была моя единственная тройка в дипломе.

Зато по высшей математике я была лучшая, и потом полюбила такие предметы, как теоретическая механика, сопромат и, не сразу, но и железобетонные конструкции. Летом Лиана пригласила меня и ещё двух девочек к себе в Гудауту на море. Второй раз в жизни я купалась в Чёрном море. Там однажды меня чуть не изнасиловал один абхаз, который увязался за мной ещё с пляжа, когда я одна вздумала пойти в горы. Поначалу он был настроен очень серьёзно, я безуспешно сопротивлялась тому, чтобы он повалил меня, я умоляла его, и, по счастью, он был не такой дикарь, внял моим мольбам (а, может, извиняюсь, кончил во время борьбы) и даже проводил до дома Лианы, где с ней и её матерью и познакомился, и потом наведывался в гости, но я уже одна никуда не выходила. Это был мне, дуре, урок и за свою бесшабашность, и за всегдашнюю наивность насчёт «чистых» намерений мужчин. Через месяц мы с одной девочкой возвращались в Москву, ехали в плацкартном вагоне, я, как всегда, на второй полке, помню, у нас закончились деньги и мы около суток (ехали двое суток) ничего не ели и не пили, я тихо лежала, внизу за столом трапезничали соседи по вагону, и, вот одна из них догадалась и предложила нам немного денег, и я на следующей станции, стремглав бросилась на перрон и купила хлеба и каких-то консервов… Вот так мы жили тогда. (Конечно, я спросила её адрес и деньги вернула с благодарностью). На втором курсе мы ещё полгода продолжали работать на всяких строительных объектах, но с нового семестра нас всё же перевели в институте на нормальное дневное расписание; мы, наконец, простились с нашей бригадой маляров-матерщинников, с нашими грязными комбинезонами, и нам присвоили по 3му разряду маляров. Началась нормальная студенческая жизнь.

Однажды на студенческом вечере в актовом зале института я обратила внимание на одного красивого усатого брюнета, студента, но явно, не нашего факультета. Он мне очень приглянулся, и я была уверена, что он грузин. (А грузины мне, как и моей маме, очень нравились). Но потом я на время его забыла. Я продолжала встречаться с Аликом, и у меня была не институтская компания, а своя — Рита, с которой в школе я просидела за одной партой года три, и Алеся, которая жила в соседнем со мной дворе; с ними и с их молодыми людьми мы и проводили с Аликом праздничные вечеринки. Как-то раз, я помню, отмечали День Конституции 5 декабря, я выпила лишнего (я ещё не знала свою норму — две рюмки водки) и проснулась в постели на полу рядом с Аликом. Но мне было так плохо,

кружилась голова, что ни о чём таком запретном я и думать не могла, я вышла на мороз и ходила по двору, пока тошнота и кружение не прошли. Утром я возвращалась домой, во дворе стояла моя мать и ждала меня — я же ей не позвонила и не предупредила, что не приду — и она со словом «проститутка» дала мне пощёчину. И опять я очень долго чувствовала неприязнь к ней, не столько за пощёчину, сколько за оскорбление, ну, сказала бы — шлюха, хотя тоже было бы слишком, но проститутка — это вообще было не про меня. Сейчас я её почти понимаю — ведь она всю ночь волновалась, не спала, но не надо было всё же меня так называть, мне это было очень оскорбительно. Но я сказала выше, что мама была уже очень нервным человеком.

Перейдя на третий курс, летом я опять поехала в Гудауту с одной из подружек из общежития, где жила Лиана. На вокзале нас встречала Лиана и ещё …Лёсик, тот прошлогодний абхаз, чуть меня не изнасиловавший. Обалдеть! Он всё никак не хотел отстать от меня и, наверно, хотел втереться мне в доверие, он мне даже немножко стал нравиться, оказывается, он был учителем истории, но — их дикарские формы отношений к русским девушкам! — понятно, что от него надо было быть подальше. Благополучно вернувшись в Москву, мы с Олегом-Аликом стали говорить о женитьбе. В армию его не взяли, т.к.обнаружили порок сердца; он работал токарем на одном закрытом авиационном заводе; правда, жить нам было абсолютно негде, но мы больше думали о другом — о близости на законных основаниях. Мама, разумеется, была против, во-первых, для неё было главное — моя учёба, во-вторых, ей претила мысль, что её дочь-студентка будет спать вместе с парнем, — она это и не скрывала, а, в-третьих, у себя в комнате она, точно, не хотела видеть будущего зятя. Тут, правда, к ней пришли свататься мать Алика и его старшая сестра, но она им прямо всё это высказала. И тогда мать Алика вбросила фразу, мол, всё равно они уже спят. И мама была обезоружена. А я не знала, как возразить: да, было дело, мы как-то зимой поехали к нему в деревню — он хотел повидаться с другом детства, жившим в этой деревне, который только что пришёл из армии; от станции 43й км нужно было идти километра два по лесу, в лесу было много снега, я в него проваливалась, и Алик нёс меня на руках; в пустом нетопленом доме было очень холодно, там стояла одна кровать с периной и тёплым одеялом, и мы легли вместе и, конечно, были тесные объятия и поцелуи, и попытки парня, но в последний решительный момент я «не давалась». Тогда всё же было большим табу терять девственность до свадьбы. Так что де факто его мамаша была

права, но, так сказать, де юре, а именно это было важно для мамы, она ошибалась и ввела маму в растерянность. И она сдалась.

Алик жил с матерью в 12-метровой комнате, находившейся в подвале. Я подумала, что поначалу поживу у него, а потом, может, удастся что-то снять, хотя в те времена, когда все жили стеснённо, мало кто что-то сдавал, ну, иногда старушки сдавали какой-то «угол». Но — желание было выше разума -, и мы подали заявление во Дворец Бракосочетания на ул. Грибоедова, только недавно открывшийся. Регистрация и свадьба состоялись сразу по окончании зимней сессии, кажется, 26 января 1962г., мне было19 с половиной лет, Алику20. Свадьбу справляли в квартире его средней сестры, было человек30родственниковигостей. Ночью мы вернулись в комнату Алика, у нас должна была состояться настоящая брачная ночь, но она была испорчена: часа через два в комнату ввалился его старший брат, прибывший буквально накануне из Магадана, где он отбывал срок, он был абсолютно пьян и завалился спать около нашей кровати на полу. (Накануне он говорил, что ему есть, куда пойти и где остановиться, и вот…) Я всё же настояла, чтобы Алик удалил его из комнаты, и эта возня с пьяным долго продолжалась, так что ночь была испорчена.

Но на следующий день мы уезжали в Вязьму, к тёте Марусе, и она уж создала нам все условия для того, чтобы молодожёны могли насладиться друг другом. И мы наслаждались близостью. Мне с моим Альчонком было тогда очень хорошо. Потом снова начались занятия, я попыталась жить вместе со свекровью, и тут я узнала, что, во-первых, она пьющая, а, во-вторых, Алик именно ей отдавал всю свою зарплату, а она экономила на нас, кормила такой едой, которую я есть не могла, варила супы из субпродуктов и голов, и через пару месяцев я не выдержала и всё чаще стала оставаться у мамы (мы же жили в 4-х минутах ходьбы). Я стала пытаться снять комнату, ничего подходящего не находилось по нашим скудным деньгам, а, когда вроде нашла и предложила Алику пойти её посмотреть, он отказался, сказал, что не хочет жить в чужом доме, хочет жить в своём. Я обиделась и окончательно вернулась к себе домой. Так не заладилась с самого начала наша совместная жизнь.

Но мы продолжали наши спорадические отношения, и осенью, когда я была уже на 4 курсе, я обнаружила, что беременна. Я, конечно, не была готова к появлению в 20 лет ребёнка, но приняла эту весть как должное: раз должен быть ребёнок, значит будет ребёнок. (Мама поможет!) Но буквально недели через две после обнаружения беременности, как-то утром у меня начались сильнейшие боли, а в туалете началось

кровотечение со сгустками крови. Я страшно испугалась, вызвала с работы маму, вызвали скорую, врач сказала, что это выкидыш, и меня увезли в больницу. И в больнице мне устроили экзекуцию: врачиха, которая стала делать мне чистку, не только не сделала никакой анестезии, но и всё время приговаривала, что она уверена, что я что-то сделала для того, чтобы был выкидыш, и драла меня нещадно. Это всё — и сам выкидыш, и боль, и отношение врача, привели к нервному срыву, я лежала в палате и горько плакала. Алик приехал навестить меня, ко мне не пускали, и он послал мне очень тёплое письмо, в котором просил прощения за всё своё легкомыслие и уверял меня, что у нас ещё будет ребёнок, и, может, не один. В общем, он меня поддержал и хотелось верить.

Но мы продолжали жить не вместе. И вскоре Алик опять стал срываться и выпивать, а, выпив, он из доброго парня превращался в агрессивного. Очередным летом мама уехала в свой отпуск в дом отдыха, и Алик пришёл пожить ко мне. Но после получки он, во-первых, приходил довольно выпивши, а, во-вторых, когда я спрашивала его про деньги — ведь он питался у меня, он мне говорил, что денег нет, он сначала кому-то там отдал долг, а остальное отдал матери, и, скорей всего это было правдой; первый раз я смирилась с такой ситуацией, а после второй получки с тем же ответом, сказала ему, что раз так, пусть уходит.. Вернулась с отдыха мама, и вот, как-то раз, Алик пришёл к нам в квартиру с братом, совершенно пьяные оба (что брат был алкоголик, это я знала),стали кричать, обвинять маму, что она нас с Олегом разлучает, а, когда мама указала им на дверь, брат набросился на маму с кулаками, а мне досталось от Олега. Естественно, нашим отношениям пришёл конец. И не сразу, но, в конце концов, я подала на развод.

Про Алика хочу дописать тут. Вскоре ему с матерью дали комнату в Свиблово, а этажом ниже — комнату его брату. Брат вскоре спился и умер. Алик спивался дольше. Его выгнали с завода, он устроился в ближайший магазин охранником. Раза два я приезжала навестить его, всегда неожиданно для него, и каждый раз он очень радовался моему приезду, если мать его начинала ворчать на меня, он говорил, чтобы она замолчала; провожал меня до дома и говорил, что дурак — надо было ему признать моего ребёнка, но теперь уже поздно. (Конечно, это были только слова спивающегося человека). А я всё же чувствовала жалость к нему и жалость по несбывшемся мечтам молодости о счастье. Последний раз я пришла после поездки на Кубу, и мне никто не открыл. Вышла женщина из соседней квартиры и сказала, что Алика убили — воры проникли ночью в магазин и зарезали его

ножом. А я думаю, что это было подстроено его соседом по квартире — милиционером, претендовавшим на комнату Алика, который после смерти матери совсем опустился, и этот милиционер не раз грозился упрятать Алика в тюрьму. Где похоронен Алик соседка не знала и мне спросить было не у кого. Сейчас бы я очень хотела бы прийти на его могилу, но где она?..

Как-то в институте я увидела в библиотеке того «грузинчика» и сказала своей приятельнице из группы, что вот смотри, кто мне нравится, а она рассмеялась и говорит: «Да это ж Хусейн, араб из Сирии, он живёт в нашем общежитии». Я заметно расстроилась иностранец это уже не то, это не наш парень. Но, видимо, она сказала ему про меня, и при следующей случайной встрече на лестнице он, улыбнувшись, поздоровался со мной и даже что-то спросил. Я покраснела, что-то ответила, и убежала; и каждый раз, как только я замечала его появление, я брала расчёску и зеркальце, причёсывалась и смотрела, как выгляжу, и только затем появлялась ему на глаза. Мы здоровались, и я быстро проходила мимо, но мимолётная встреча гулко отдавалась в моём сердце. Я считала себя абсолютно недостаточно красивой для такого красавца, как он. Это как влюбиться в какого-нибудь кинозвезду, вы же не будете искать с ним встреч и на что-то рассчитывать, у вас есть своя земная жизнь, а кинозвезда — она только для платонического обожания.

Хусейн

Хусейн — была его фамилия, имя было Абдеразак, но почему-то все называли его Хусейном. Он был на два года старше меня, т.е. 1940го. Он был из крестьянской религиозной мусульманской семьи из Алеппо. Невысокого роста — 174 см, худощавый. А лицо?! Это было само совершенство! Чёрные волнистые волосы, белые зубы, не знавшие пломб, персиковая кожа, красивые губы, правильный арабский нос и глаза… Эти глаза цвета тёмного шоколада сводили меня с ума, не от красоты, хотя они были красивы, а от их взгляда, от которого мне становилось не по себе, настолько он был глубок, особенно, когда он хмурился, тогда его взгляд был, как чёрная туча, предвещавшая шторм. И кто я была в сравнении с таким — не красавцем, нет, этого было бы мало, — а с фатальным арабом!..

Я знала, что арабы, приехавшие учиться в Советский Союз, давали у себя перед выездом подписку не жениться на советских девушках, а, значит, никаких серьёзных отношений с ними не получится. Но важно ли мне это было тогда, когда внутри меня пылало пламя.

Хусейн был очень серьёзным студентом, много занимался, был отличником и усиленно готовился к защите диплома.

В следующий мой приход к нему после ночной Москвы одними поцелуями контакт не ограничился. Но это было нечасто. А мне хотелось его видеть, общаться с ним, пусть безо всякого скоротечного секса, а просто быть рядом и чувствовать его прикосновение.

Но так и было до того самого момента, когда Хусейн, защитившись на отлично, должен был покинуть нашу страну. Накануне его отъезда я приехала в общежитие к Лиане, у Хусейна собралась мужская компания из арабов, они там пили, я постучалась в его комнату, передала ему эклеры, которые испекла сама (в первый раз!), он поблагодарил и продолжил веселье с друзьями. Я осталась ночевать с Лианой. Рано утром Хусейн постучал и простился. Это было ужасно. Правда, он сказал, что через год приедет поступать в аспирантуру. Забрезжила слабая надежда увидеть его когда-то.

У нас же началась производственная практика. Наша группа с 4 курса разделилась по специализациям: одна подгруппа — благоустройство городов, а вторая, которую предпочла я, — мосты, тоннели, дороги и городской транспорт. Поэтому практика была связана с городским транспортом. А потом начался наш последний семестр, это уже был, как бы, 6й курс,

когда мы должны были делать дипломную работу. И думать о постороннем не было времени. Тема моего диплома была — Полная развязка (т.н. «кленовый лист») на пересечении двух магистралей в г. Владивостоке. 24 декабря 1964 был день защиты диплома. А я слегла с ангиной. Пришла на защиту с температурой 38,5. Но защитилась успешно, поставили 5. И скоро мы получили дипломы. Ура! Начиналась взрослая жизнь.

Меня распределили на работу в проектный институт Гипрокоммундортранс, занимавшийся проектированием городских мостов, тоннелей, путепроводов в городах всей страны. Но, во-первых, оклад был недопустимо мал — в отделе инженерных сооружений, куда меня направили, он составлял 81руб. в месяц, а, во-вторых, в институте был отдел геодезии, где оклад был всё ж чуть повыше — 85руб, но главное — там ездили в командировки, а, значит, фактический заработок был больше, ну и поездки меня привлекали. И я определилась в этот отдел, а в начале марта я уже летела в длительную командировку в город Душанбе.

Душанбе, Душанбе, я тебя никогда не забуду. Не только потому, что ты, и в самом деле, был хорош тогда, в советские годы, а и потому, что было много трудностей у меня на первом трудовом пути в этом городе.

Первое приключение состояло в том, что на пути в самолёте мы узнали, что в Душанбе случилось землетрясение; нас посадили в Ташкенте, там мы просидели почти сутки в отеле, все пассажиры перезнакомились, и один таджик одолжил мне своё пальто, т.к. в Душанбе выпал снег (впервые, наверно, за сто лет), а я летела в тёплую южную весну и не захотела брать с собой тяжёлое пальто (курток тогда не носили). Прибыв, наконец, в гостиницу Душанбе, мы просидели три дня в ожидании прекращения снегопада; за это время мама мне выслала моё пальто, а ещё — я сидела в номере, скучая и сходя с ума от бесконечной таджикской тянучей монотонной музыки и пения, раздававшихся по радио. Но надо сказать, что, наверно, благодаря долгим часам внедрения в мозг этой музыки, она постепенно стала мне нравиться, а одного исполнителя я просто обожала.

Наша миссия состояла в снятии топографического плана для прокладки нового троллейбусного маршрута. Начальник группы для начала поставил меня делать абрисы (зарисовки точек на местности с привязкой расстояний) для составления геодезической карты трассы. И вот как-то в конце марта лил сильный дождь, мостовая была заполнена водой, арыки, проложенные в городе вдоль всех дорог между проезжей частью

и тротуаром, не были уже видны. И я, сойдя на остановке троллейбуса у гостиницы, где мы жили, совершенно забыла про их существование и пошла напрямую и, конечно, плюхнулась в арык, заполненный несущейся по нему водой. Моя книжка абрисов с проделанной почти за месяц работой выпала из внутреннего кармана пальто и её унесла вода. Но я заметила пропажу только, когда пришла в номер. Я в ужасе бросилась на улицу, не надеясь найти свои абрисы. Я шла вдоль арыка и, пройдя с километр, заметила в воде сначала один листок, потом другой, третий. Принесла в номер, стала их сушить. И, в основном, смогла восстановить замеры, а то, что нельзя было восстановить, в конце месяца мы доснимали. Но как же кричал на меня начальник, грозясь вычесть всё из моей зарплаты и отправить в Москву с позором! (*Этот старый развратник поначалу всё подъезжал ко мне, но обозлился, когда у него ничего не вышло. А вообще, нравы командировочных геодезистов, как я увидела, были очень свободны)*.

Через месяц я покинула отель «Таджикистан» старого образца, с коврами и тараканами, и устроилась жить в более современный отель «Душанбе», немного доплачивая из своих денег за место в двухместном номере. Кроме того, не хотела находиться под постоянным оком начальника, (чем опять вызвала его неудовольствие). У меня постоянно менялись соседки, но мне они, как правило, не мешали, и мне, наоборот, было почти со всеми ними интересно.

Погода наладилась, становилось жарко и мы начинали работу в 7 часов утра, а летом и в 6:30. Моя жизнь и работа тоже налаживались. Мне нравилось рано вставать и начинать работу, пока не наступала жара. В 14:30 мы её заканчивали, я заходила на рынок, покупала вкуснейшие помидоры и фрукты и шла в гостиницу. А вечером занималась обработкой полевых материалов; по выходным встречалась с русскими друзьями, которых приобрела в Душанбе, в основном, это были московские энтузиасты, любящие горы. Один раз побывала в оперном театре на опере «Евгений Онегин», было очень интересно: в зале сидело человек двадцать, не больше, а роль Онегина исполнял какой-то толстый бухарский еврей (у них отличительная внешность), хор русских девушек также состоял из таджичек — очень прикольно! Но всё равно это было замечательное для Таджикистана время, когда развивалась культура. Душанбе был многонациональным городом. *(Теперь ничего этого там нет, как нет и русских, которые были вынуждены уехать оттуда)*.

Однажды я предприняла давно задуманную поездку в Варзобское ущелье, туда, где всей страной строилась арочная

плотина Варзобской гидростанции. Помню, приехав туда, ходила, всё смотрела по страшной жаре, был выходной день, к сожалению, мало кого было видно в жаркий полдень, очень хотелось пить, так что пришлось набрать в ладошку коричневой речной воды, смешанной с песком из-за быстрого течения, процедить эту воду сквозь пальцы и пить её.

В конце июля после выполнения всех работ мы возвращались в Москву; ехали в купе, забитом дынями, виноградом и персиками, которые мы везли домой. Мама попробовала таких сладких фруктов, какие прежде ей есть не доводилось.

В сентябре я записалась в лист ожидания на городские двухгодичные курсы испанского языка (желающих было так много, что сразу было не попасть). Я давно уже хотела пойти на курсы или испанского, или английского языка — языки меня влекли. Испанский же язык был в моде, и на это повлияла кубинская революция. *В 1962 году Фидель Кастро, лидер этой революции, приехал с первым визитом в Советский Союз, он посетил множество городов, но его визит и выступление в Волгограде были особенно впечатляющими, Фидель прочувствовал весь героизм наших солдат, он чуть не плакал; многие писали ему письма со словами восхищения, эти письма зачитывались по радио, и я тоже послала ему письмо, где среди прочих строчек пообещала выучить испанский язык; Фидель пробыл в нашей стране около месяца, день его отлёта держался в секрете, и вот, когда по радио объявили, что Фидель улетел, я не смогла сдержать слез. И долгое время ещё Фидель оставался моим кумиром.*

В сентябре я уехала в следующую командировку в г. Ульяновск. Она была более короткая. Город мне понравился, я, естественно, посетила дом-музей семьи Ульяновых, помню ту заснеженную улицу с двухэтажными деревянными домиками.

В декабре я вернулась в Москву и, в связи с предстоящей учёбой (с января) на курсах перешла в отдел инженерных сооружений, где стала заниматься проектными работами. Скоро наш главный инженер отметил меня как хорошего работника, я получила должность старшего инженера и оклад на десять рублей повысился.

В декабре 1965 или январе уже 1966 года я поехала в гости к Ниночке в общежитие на Студенческую. И там узнала, что вернулся Хусейн. Конечно, это было радостное известие. И как раз встречаю его в коридоре Он расспросил меня о моей жизни, я сказала, что с мужем развелась, и, по-видимому, это известие его порадовало; он предложил встретиться и пойти куда-нибудь. Я купила билеты в Большой театр на оперу «Севильский

цирюльник» и предложила ему пойти со мной. Он согласился. Так начался второй этап наших отношений, более тесный и длительный, и, в итоге повлиявший или даже определивший мою дальнейшую жизнь.

Встречались по выходным, иногда в среду, зависело от нашей загруженности. Я пошла на курсы, занятия были три раза в неделю, задавали очень много на дом, я прилежно занималась; у Хусейна в аспирантуре тоже была большая загруженность. Он уже жил в комнате один. Маме он нравился: как же, такой красавчик, да и очень вежливый и уважительный.

И иногда даже мама приезжала в общежитие в гости, Ниночка с ней очень подружилась и боготворила маму (особенно за мамин правильный и красивый нос в отличие от ниночкиного большого армянского носа, впрочем гармоничного на её приветливом лице). Мама тоже к ней привязалась — она от меня не много ласки видела, а Ниночка была само ангельское обхождение, она и меня осыпала комплиментами, а кому не приятно их слышать! В общем, мама, как и Лиану, поддерживала Нину, как бы заменяя им мать. Обе они, и Лиана, и Нина, были абсолютно честные и благородные натуры, что меня и маму с ними и сблизило, и на всю жизнь. *(Мы, живя в разных городах и странах, продолжаем поддерживать минимальный контакт и по сей день).*

Летом Хусейну дали путёвку в санаторий в Ялту, и он предложил мне поехать вместе. В Ялте мы с трудом нашли для меня …балкон, комнату найти не смогли, всё было заполнено приезжими отдыхающими. (*В прошлом году я побывала в Ялте один день, и я пошла искать тот дом, где я снимала этот балкон и куда Хусейн приходил ко мне иногда на ночь. Но — увы — за пятьдесят два прошедших с той поры года так всё изменилось, что я только очень приблизительно определила это место*). Когда мы прогуливались по набережным, на Хусейна засматривались девушки и даже делали ему комплименты, не стесняясь меня. Я же была счастлива — мы всё время, кроме его процедур и приёмов пищи, были вместе. Но как-то и сильно поссорились. Да, и такое бывало, ведь характер у меня был негибкий, и, несмотря на то что я побаивалась гнева Хусейна, я всё же не становилась уступчивой, особенно, если это касалось политики, и, если ссорились, то он, бросив мне уничтожающую фразу, уходил, оставляя меня в отчаянии.

Иногда на меня накатывало, что вот он уедет, а я не представляю себе жизни без него, и от этого у меня портилось настроение, а своё плохое настроение я скрывать не умела. А потом страдала и ждала звонка. Через какое-то время, казавшееся мне очень долгим, он звонил, ну, а, если я

чувствовала, что довела человека, то, в конце концов, сама ехала к нему мириться.

Как-то у Лианы в комнате собралась компания, был там один грузин, мы запели популярную в то время грузинскую песню со словами «Я хочу тебя целовать, но поток я не в силах унять…» Хусейн вышел из комнаты, он приревновал меня к тому грузину, говоря, что тот «хотел меня целовать». Ещё вспоминаю пару случаев смешной и нелепой ревности Хусейна, я его убеждала, как могла, в полной глупости его придирок, а он говорил — ну, что я могу поделать, если у меня такое ревнивое сердце.

Зимой 67года я обнаружила, что беременна. Сказала об этом Хусейну. Собственно, я знала его вердикт — никаких детей, ему нужно закончить учёбу и в этом вся его миссия в Советском Союзе. Он предложил деньги на аборт. И я решила пойти навстречу, ведь он меня предупреждал обо всём. После аборта, когда я вернулась домой, помню, у меня поднялась температура, и он был очень нежен и ласков со мной. А мне, дуре, только это и надо было — мне было и плохо, мне было и хорошо, раз любимый со мной. Но я сказала ему, что больше абортов делать не буду. И сама по совету врача стала предохраняться.

В следующие свои каникулы — летом 1967 года Хусейн поехал в Сирию. Вернулся с подарками. Его сестра связала для меня два красивых шерстяных джемпера, Хусейн же подарил мне очень красивое кольцо в виде золотого лепестка с рубином посередине. Потом и в Москве купил мне золотое кольцо с рубином, которое я носила до последних лет, не снимая.

Шло время. Я работала, меня даже избрали секретарём комсомольской организации всего института. Конечно, про связь с иностранцем там не знали. Мама как-то завела разговор о том, что мол, навряд ли ты, Людмила, выйдешь замуж, так, может уж, родишь ребёнка от красивого мужчины… Но пойти на это специально я не решалась, я боялась реакции Хусейна, если он поймёт, что я вознамерилась от него забеременеть. И, всё же, это случилось. Да, я однажды, только однажды, допустила оплошность и не предохранилась, в те дни, которые называются безопасными.

И вот — случилось. Было 30 апреля, канун первомая. Приехал Хусейн, мы собирались пойти гулять. И тут я сообщаю ему новость. Он как бы и не удивился, говорит: «А я знал». -«Что ты знал? Я сама об этом только вчера узнала у врача». И он мне напоминает наш разговор про книжку про сексуальные отношения, которую мы достали (такие книжки были редкостью в то время*). Где-то в конце марта мы обсуждали её, я тогда говорю, рассуждая вслух будучи дурой и простофилей, что вот всё*

мне понятно про беременность, а непонятно, может ли женщина забеременеть сразу от двух мужчин, ну, сначала от одного, а потом сразу и от другого. (Вот мне это и до сих пор не очень понятно). А Хусейн тогда и говорит: «А почему ты спрашиваешь?» Я отвечаю: «Да просто так, интересно». Потом разговор перешёл на другие темы и забылся. *А, выходит, он его не забыл и вытащил свой «камень из-за пазухи».* Для меня это был шок, я такого поворота не ожидала. Я сказала, чтобы он не придумывал глупости и что на этот раз я никаких абортов делать не буду. Он отвечает: «Ну, раз ты сама всё решила, мне делать тут больше нечего». И ушёл.

Я осталась в глубоком смятении и отчаянии. Я знала, что Хусейн может быть жестоким, его слова способны хлестать сильнее пощёчин, но не ожидала **такого** бреда и **такой** жестокости.

Я твёрдо решила ничего не предпринимать и родить ребёнка. Только мне было страшно. Страшно от его жестокости и предательства. Потому что шли дни, а он не звонил, не появлялся.

Как-то, когда я была в квартире одна, я упала в обморок и потеряла сознание, когда чуть сознание стало возвращаться, я доползла до соседней квартиры и попросила позвонить на работу моей маме. Мама тут же прибежала (благо, что работала в десяти минутах от дома). Но через пару недель, когда мы пошли с мамой на Центральный рынок, я снова почувствовала слабость, у меня подкосились ноги, я потеряла сознание, мама удержала меня, потом посадила на землю и стала звать помощь. Меня окружили люди, вызвали скорую помощь, а я постепенно стала приходить в себя, я уже стала слышать возгласы мамы, и хотела её успокоить, что вот сознание моё возвращается, что я не умерла, но язык мне не повиновался. Приехала скорая, они, услышав про то, что у меня три месяца беременности, сразу всё поняли, помогли и отвезли домой. Мама, не отойдя от испуга, позвонила Хусейну, он сказал ей, что приедет. И он приехал.

О, что это было! …Он сел рядом с моей постелью и стал уговаривать меня… и вспоминаются слова романса:

«Он говорил мне — будь ты моею,

….

Он обещал мне прелести рая.

Но — не любил он, нет, не любил он,

Нет, не любил он меня»…

…Он говорил мне: «Люденька, надо сделать аборт. Потому что я сомневаюсь. Да, хоть и на один процент сомневаюсь, но не должно быть и одного». Он говорил мне: «Вы скоро

получите квартиру, мы будем жить вместе и тогда вот может быть ребёнок. Но — только не этот, раз я сомневаюсь».

И я тогда верила ему, и он разрывал мне душу, потому что я только и могла мечтать о рае с ним… Но — я не могла ни рисковать собой и в очередной раз подвергать себя риску остаться бесплодной, ни предать уже формирующееся живое существо, сидящее внутри меня.

И я сказала ему, что этот ребёнок его и только его, что я ни в чём перед ним не виновата, и что делать аборт я уже не могу.

Ну, что ж — он встал и ушёл. Навсегда — уже теперь это было понятно.

(Теперь я понимаю, что эти просящие его слова были блефом, он просто очень боялся моей беременности и рождения именно ЕГО ребёнка). Но тогда я свято верила ему, я же считала его наичестнейшим человеком в мире. И сочувствовала ему в его неподвластной ему ревности, что ещё больше разрывало моё сердце!)

Я окончила курсы испанского языка. Ходила на работу, и кое-кто уже стал замечать мой животик. А дома я плакала, не спала, билась в истериках.

Съездила на двенадцать дней в дом отдыха, сначала чуть успокоилась, но потом опять.

Меня пугало моё будущее матери одиночки — тогда это было достаточно униженное положение. Но это было ничто по сравнению с теми страданиями, которое мне принесло предательство того человека, которого я так высоко превознесла, считая его самым бескомпромиссным и честным человеком на свете. Который был моей большой любовью. Да, я всегда допускала мысль, что он уедет, я слышала о том, что там ему приготовили уже молодую невесту, но не может же он оставить меня и ещё неродившегося, но уже будущего ребёнка теперь, пока он здесь, в Союзе. Но это было ещё не всё, что меня так терзало: он оказался ещё и трусом, и клеветником, он оклеветал меня! В общежитии, между тем, Нина с Лианой устроили ему громкие разборки, возмущённые его клеветой на меня, а он им кричал во всеуслышанье: «Не мой ребёнок, не мой ребёнок». И я вообще стала допускать и объяснять эту клевету тем, что и раньше подозревала в нём лёгкую степень шизофрении, а теперь решила, что это у него обострение в связи с патологической ревностью и страхом. Ниночка пошла к зав. кафедрой факультета, который руководил кандидатской работой Хусейна, и рассказала ему о недостойном поведении его аспиранта, он вызвал Хусейна на беседу, а тот сказал всё то же самое — что он не уверен, что

это его ребёнок. Просто обезоруживающий аргумент — ну что на это мог возразить профессор. Никаких ДНК тогда не существовало или не делалось.

«Как истомилась душа моя
— ночью и днём только о нем…»
— эти слова из арии Лизы в» Пиковой даме» точны для моих чувств.

Как-то после одной из моих истерик, (у меня уже было 6 месяцев беременности), мама не выдержала и сказала, что едет со мной поговорить с Хусейном. Мы поехали в общежитие. Мама осталась на улице, а я поднялась к Хусейну, чтобы его попросить выйти к маме. Вахтёр, знавшая меня, сказала на проходной: «Там у него Дора». Я не очень поняла, поднялась на этаж, постучала в комнату, Хусейн чуть-чуть приоткрывает дверь, и, увидев меня, тут же её захлопывает, но я уже вижу, что на кровати сидит девица. Вижу, но — не верю — нет, это невозможно, Хусейн по моим мыслям должен бы был все эти месяцы страдать по-своему, мучиться сомнениями или угрызениями совести, а он — что, развлекается?.. Вышел Хусейн, за ним незаметно выскользнула девица и исчезла. Я стою в коридоре, подхожу к нему, спрашиваю: «Хусейн, это же неправда! Скажи, это неправда?» А он, без всякого замешательства, из обороны в атаку, отвечает: «Неет, это правда. И я не хуже тебя и почему бы мне не делать то, что ты себе позволяешь!» И убежал вниз по лестнице, скрываясь от меня. Но на улице встретился с моей мамой. Я тоже вышла и говорю маме плача, что там у него была женщина. А Хусейн кричит маме, уходя: «Полина Фёдоровна, встретимся на суде. Пусть суд признает моё отцовство»…Негодяй знал, что никакой советский суд не был практически возможен с иностранцем, про ДНК я уже сказала.

Обе разбитые и подавленные мы поехали ночевать к тёте Тане, ехать домой и быть один на один с бедой было немыслимо. Да мама, возможно, боялась, что я что-то с собой сделаю. Мы вдвоём с мамой лежали у т. Тани на полу, я не спала и проплакала всю ночь. Мне стало совсем ясно, что Хусейна я потеряла навсегда. Потому что, если бы даже предположить, что он когда-нибудь повернётся лицом ко мне, к ребёнку, то я уже не смогла бы его простить по-любому.

Прошло ещё время, наступил конец декабря, день родов приближался. 26 декабря в 8утра я почувствовала слабые схватки. Мы с мамой оделись и поехали в Московский областной институт акушерства и гинекологии, что на Покровке, где я уже завела

историю болезни. Меня приняли, нянька побрила и повела в палату. Я лежала весь день с постепенно увеличивающимися схватками. После шести начались плохо переносимые схватки, дали кислородную подушку, уколов тогда не делали. В восемь часов десять минут вечера (напротив висели часы) я родила доченьку, весом 3630г и ростом 53см. Ужас боли наступил потом, когда меня зашивали, обезболивающие уколы почему-то не помогали и я орала.

А на следующий день для меня был ужас, ужас: у меня поднялась температура и меня захотели перевести в инфекционный корпус. На улице стоял мороз 30гр. Со мной должны были перевести ребёнка, и вот этого я боялась больше всего, что он простудится и всё тогда. Я сопротивлялась, я стала звонить маме, хотя еле стояла на ногах — внизу всё у меня тянуло пудовой тяжестью, но что могла сделать мама, если они всё решили. Пришлось подчиниться и меня повели по подземному переходу в тот корпус, где могли лежать и венерические больные. Там мне впервые и принесли Юленьку на кормление. Когда дети в их комнате плакали перед кормлением, моя кричала особенно требовательно, её сразу все полюбили, потому что у малышки были чёрные волосы и вообще она была красотка. Там я пролежала целых две недели, т.к. швы из-за инфекции стали расходиться и меня кололи антибиотиками. В общем, в обычном роддоме, может быть, всё было бы лучше.

Встречали меня мама и тётя Таня, и не могли налюбоваться моей доченькой.

Бунтовниковы (молодцы!) принесли самодельно сделанную кроватку, потому как магазинная стандартная в нашей комнате не поместилась бы. А мои сослуживцы купили красивую коляску.

Лиана, учившаяся тогда в аспирантуре, специально поехала к Хусейну и поздравила его с рождением дочери. Спросила, собирается ли он зарегистрировать ребёнка, на что получила ответ — конечно, нет. Но умничка Лиана смогла стащить его фотографию, стоявшую на тумбочке, для памяти об отце, так сказать…

…Отчество ребёнку я дала своё, т.е. моего отца.

Дочь. Хусейн — продолжение

Началась новая жизнь — с доченькой Юленькой. Мама ушла на пенсию и помогала во всём — стирка пелёнок, подгузников, их глажка и т. д. Все мои подруги приезжали посмотреть на ребёнка и все были в восторге от её прекрасного личика с чёрными глазками и волосиками цвета красного дерева. Однажды какая-то бабушка на улице, увидев Юлюню в коляске, всплеснула руками и запричитала, что «ой, ну — сущий ангел, берегите этого ребёночка». Своим молоком я кормила Юлю до двух месяцев, потом не стала — боялась, что моё нервнопсихическое состояние передастся ребёнку, да и молоко пропадало уже.

Когда Юленьке исполнилось полгода, мы получили — как семья погибшего и стоявшие в очереди на улучшение — двухкомнатную квартиру 44,5 кв. м. на ул. Ибрагимова, недалеко от м. Семёновская. Мы были очень рады месту, т.к. недалеко от нас жила семья сестры мамы и там же бабушка, и ещё в 12 минутах ходьбы находился огромный Измайловский лесопарк, куда мы ходили с дочкой гулять, когда она немного подросла. В июне 1969 года мы переехали в новую квартиру, в которой прожили потом много лет.

По стечению обстоятельств Хусейна перевели в общежитие, находившееся недалеко от нашей улицы, в нескольких остановках автобуса (недалеко от м. Электрозаводская). И вот как-то в летний день я села в автобус с ребёнком на руках и поехала к общежитию. Моей целью было — чтобы папочка увидел своего ребёнка для того, чтобы он запечатлелся в его памяти. Вышла… и увидела впереди спину Хусейна, направлявшегося к общежитию. Я закричала: «Хусейн, Хусейн!», он услышал и ускорил шаг, но так как я продолжала его звать, и другие люди смотрели, он изменил тактику — направился в гущу кустов, где стояла скамейка (знал, где укрыться!), я за ним. Мы сели, он подержал ребёнка, сказал: «На меня не похожа» (что было явной неправдой); потом говорит: «Пора уже в ясли отдавать». На моё сообщение, что мы живём тут недалеко, записал адрес, телефон моей работы (домашнего у нас ещё не было), но сказал, что я ему очень помешала в учебном процессе, что он остаётся в аспирантуре ещё примерно на год, и, что, пока он её на закончит, он не позвонит и не придёт.

Мы, действительно, попытались отдать Юлю в ясли с 8 месяцев. Я как мать одиночка получала 5 руб. в месяц, надо было идти на работу. Но Юля сразу заболела и больше мы её в ясли не понесли. Кроме того, у меня на голове образовались

какие-то мокрые лепешки и стали прядями выпадать волосы; я ходила по врачам- дерматологам, ничего не помогало, мне сказали, что это псориаз; только врач из платной поликлиники посоветовал мне мазать волосы репейным маслом, что постепенно помогло (если бы был псориаз, навряд ли я бы от него избавилась, всё это было на нервной почве). Я всё время ходила с промасленной головой и в платочке, ездить в таком виде через весь город не хотелось.

В это время Лиана, работавшая на строительстве автодороги недалеко от Гудауты, предложила мне приехать к ней, чтобы «сменить обстановку» и поработать немного в офисе, она попросит об этом своего шефа. И вот, когда Юленьке было 9 месяцев, и мои волосы перестали выпадать прядями, я улетела на Кавказ, к Лиане. Мама сразу согласилась, и с дочкой она осталась вместе с моей бабушкой, приехавшей помочь маме с ребёнком.

Через месяц с небольшим я вернулась в Москву, да, немного пришедшая в себя. Юлюня во всю гулила и уже ползала. Я наслаждалась её гулением, записывала её долгие монологи «каля-маля» на кассету (к сожалению, ни кассеты, ни громоздкий магнитофон при переездах не сохранились, но эта техника настолько устарела, что воспроизвести записи стало бы невозможно).

Юля очень долго ползала, на ножки не вставала, а когда в год и три месяца только начала вставать на ножки, я сделала глупость — пошла с ней в парикмахерскую и остригла наголо. Был конец марта, Юлюня простудилась и тяжело заболела, с высокой температурой; вызвали врача, он приехал и сказал, что пневмония, надо везти в больницу. На скорой повезли, положили в больницу. В те времена родителям даже таких маленьких детей не разрешалось оставаться с ними в больнице. Но я стала искать главного врача, его нигде не было, наконец, я нашла его во дворе больницы, я стала слёзно и со всей страстностью умолять оставить меня с доченькой; он сначала — ни в какую, но, в конце концов, махнул на меня, сказав, что я ненормальная мамаша и разрешил, с условием, что буду приглядывать и за другими детками в палате. И я осталась с ребёнком. Напуганная состоянием Юленьки я позвонила в общежитие Хусейну и сказала ему о её болезни. Он никак не прореагировал. Но медсестра как-то сказала, что звонил мужчина с акцентом и спрашивал о состоянии Юли. И мне было так приятно, что поинтересовался! (*Теперь я думаю — может, надеялся, что умрёт? Ведь хитёр же он был! Но тогда я ещё не могла так думать!).* Дней через восемь нас выписали, и мы долечивались уже дома. Но ребёнок ослаб

и к своим году и пяти месяцам она ещё не ходила.

Я уже работала в своём проектном институте, правда, он переехал далеко на окраину, и я, в основном, брала работу на дом. В начале июня (шёл 1970 год) я прочитала в бюллетене МИСИ, что состоялась защита кандидатской диссертации Абдеразака аль Хусейна. И вскоре после этого, когда я была на работе в своём институте, меня подзывают к телефону, говорят — мужчина тебе звонит (телефон, один на весь этаж стоял в коридоре и иногда никто не шёл из отделов брать трубку, так что было удачей, что дозвонился). Я побежала к телефону и услышала в трубке ЕГО голос; сухо сообщает, что защитился и хочет завтра прийти к ребёнку. Я сказала — приходи. Не стала объяснять, что ребёнок на пятидневке (мы отдали Юлю в санаторные ясли). Я просто вся дрожала — наконец, через полтора года он изъявил желание увидеть доченьку!

Я сказала маме о сенсационной новости. И мама, моя тонкая душа, уехала в тот вечер, оставив меня ждать эпохальный визит наедине.

Хусейн пришёл с огромной великолепной куклой. Я объяснила отсутствие ребёнка, потом мы договорились, что он придёт в субботу, когда Юлюня будет дома. Разговаривали мало, он рассказывал о трудностях в диссертации, он, действительно, вместо положенных трёх лет проучился четыре года. Потом достал бутылку коньяка, мы выпили за его кандидатскую степень. Ещё что-то сказал про вред, который ему, а, следовательно, мне, нанесла жалоба его научному руководителю от нас с Ниной. Что, если бы не это, то может быть, он бы и признал ребёнка. (*Бла-бла-бла — говорю я теперь. Тогда принимала всё, что он говорил, за чистую монету*). Он ушёл. Я была под впечатлением от долгожданной, но, в большей мере, официальной встречи. Но хоть ребёнка захотел увидеть, наконец! *(Потом я отлила остаток коньяка в керамическую бутыль и оставила её, думая, что допью её в день Юлиного 15-летия, или с ним, или одна. Но Юля в свои примерно пятнадцать лет сама обнаружила и выпила этот коньячок)*…

В субботу я прождала Хусейна с утра, чтобы ехать за ребёнком, но он не появлялся, и я поехала одна, забрала Юлюню самой последней, она уже начала плакать. Захожу в подъезд — Хусейн стоит под лестницей, ждёт. *(Шельма, он специально не захотел ехать со мной, чтоб не светиться)*. Я говорю дочке: «Юлюня, смотри — это твой папа, и добавляю -«правда он отказывается от этого». Хусейн зашипел: «если будешь так, то сейчас уйду». (*Ну, как же — Они соизволили прийти, снизошли, так сказать, а я что-то вякаю тут)*. Я

замолчала, да и не собиралась ничего добавлять. Он поиграл с ребёнком, потом позвал меня — ребёнок обкакался, я понесла её подмывать, переодевать. Он ушёл, сказав, что придёт через неделю (или через две, не помню). И так он приходил несколько раз за июнь и июль. Звонил в дверь, не заходя ждал, я с Юлюней и прогулочной коляской выходила, и мы шли в Измайловский лес, гуляли; как-то раз он принёс фотоаппарат и сфотографировал нас, когда мы расположились на траве, (но не себя!), потом принёс фотки. Мы почти ни о чём с ним не говорили.

Потом он сказал, что скоро уезжает, придёт проститься. И вот он не приходил, и я не знала, что это значит. И как-то еду на автобусе домой и у метро Электрозаводская из окна вижу спину Хусейна, идущего от метро, первое желание было сойти тут же, на остановке и догнать его. Но потом передумала, поняла, что ещё не уехал, должен же прийти. И в ту ночь я очень долго не спала, заснула под утро, проснулась уже часов в десять. И увидела — под дверью лежала почтовая открытка, просунутая им под дверь в три часа ночи. Это было прощальное послание Хусейна. Он писал: «Прощайте, я уезжаю. Я очень люблю Юленьку. Тебе желаю счастья. Сообщу свой адрес. Правда я писать не буду. Хусейн».

…Я ходила по улицам и плакала, безутешно плакала. Всё кончилось. Навсегда. Уже не только для меня. Для Юленьки…

(Всё, больше писать не могу — разбередила себе раны, сейчас опять заплачу).

А жизнь продолжалась

День ли царит, тишина ли ночная —
В снах ли тревожных, в житейской борьбе
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума всё та же одна роковая, —
Всё о тебе, всё о тебе,
Всё, всё, всё, всё о тебе!..
Будут ли дни мои ясны ль, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь загубя, —
Знаю одно: что до самой могилы
Помыслы, чувства и песни, и силы, —
Всё для тебя, всё для тебя,
Всё, всё, всё, всё для тебя!..
(А. Апухтин / П. Чайковский — романс)

…Так, этими словами романса я надписала фотографию Хусейна. И так я чувствовала ещё много, много лет.

Юленька росла прелестным, но нервным и непослушным ребёнком. Я была нежной и ласковой, но тоже нервной и недостаточно терпеливой, что ли, с ней. А вот бабушка почти всегда находила путь к любимой и обожаемой внучке.

По совету врача — фтизиолога (у Юли была плохая реакция Манту) осенью 1970 года мы отдали ребёнка в трёхмесячный санаторий, расположенный в зелёной зоне Измайлово. А после трёхдневного перерыва — на второй срок, и получилось, что Юля кричала и вырывалась, когда мы на такси везли её домой — она нас забыла! (Потом, правда, войдя в дом, быстро вспомнила его и успокоилась.)

Потом, кажется, целый год, до трёх лет она была дома, в основном, с мамой, ну и я тоже была с ней, работая на дому. Ещё я для разнообразия жизни посещала курсы кройки и шитья в Измайлово и потом иногда себе что-то шила.

Как-то раз Хусейн прислал в конверте свою фотографию, где он был снят в форме младшего офицера — его призвали в армию, фото было с надписью — «для Юли». К сожалению, эту фотку я потеряла вместе с сумкой, в которой её носила, а сумку забыла в телефоне-автомате, я ведь всё время ходила расстроенная. Написала Хусейну (писать надо было на номер почтового ящика, который он прислал), попросила прислать ещё одну такую же, объяснив причину просьбы, но он не ответил.

Потом Юлюня пошла в детский садик, а я ушла из Гипрокоммундортранса и устроилась на работу в институт

Союзкурортпроект, находившийся в нескольких остановках от меня на трамвае. Здесь работа была мне совсем незнакома — нужно было проектировать здания санаториев, и для начала мне дали разбираться с витражами; и я усидчиво разбиралась, оставаясь иногда после работы. (Потом наш главный специалист, уходя в другой институт, признался, что поначалу не думал, что у меня получится, а теперь звал меня с собой. Но я отказалась, опять же из-за расстояния). Я была так же, как и прежде, в должности старшего инженера, но у меня под началом были две сдельщицы-чертёжницы и моей задачей было обеспечить их таким объёмом работ, чтобы они не простаивали и зарабатывали, поэтому нагрузка у меня была большая.

Каждое лето я ездила или летала с Юлюней на Чёрное море — В Пицунду к Лиане, в Евпаторию, в Геленджик (где она тяжело заболела простудой и пришлось срочно возвращаться в Москву), в Анапу, где она сломала себе руку, Юля вообще часто себе что-то ломала.

В её 4 с половиной годика я устроила её в ведомственный сад (от МПС — Министерства Путей Сообщения) под Москвой, на пятидневку. И в нём она пробыла до школы, т.е. до 6 с половиной лет.

Я в это время уже работала в другом проектном институте «Союздортранс» — ушла туда с повышением по должности и зарплате — в качестве руководителя бригады. Опять новая работа. Но мне нужно было подниматься в карьерном росте, и я надеялась на себя, на свою работоспособность и свой потенциал. А, вообще, конечно, бросалась в омут.

Тут тоже нужно было заниматься проектированием зданий, но уже другого назначения, но больше мы занимались привязкой придорожных посёлков и станций технического обслуживания на проектируемых дорогах. Здесь я должна была обеспечивать работой тоже двоих молодых инженеров, но, к счастью, не сдельщиц, поэтому можно было работать спокойно, не перенапрягаясь.

Институт находился в каком-то страшном огромном дворе, но сам двор был расположен прямо напротив Кремля, на другом берегу Москва-реки.

Однажды (Юленьке было уже пять лет) позвонил один мужчина с кавказским акцентом, сказал, что только что вернулся из Сирии и должен мне что-то передать. И опять я дрожала от нервного напряжения, пока не встретилась с ним, буквально, на одну минуту в метро, и он передал мне деньги, в рублях (доллары тогда у нас были под запретом) от Хусейна, через одного друга Хусейна, с которым этот азербайджанец

(по фамилии Гусейнов!!!) работал в Сирии. Самого Хусейна, по его словам, он не знал.

На эти деньги мы купили диван (ведь мы жили очень стеснённо, я бы сказала, бедно, считали деньги до зарплаты), и остальные деньги я положила на банковский счёт для Юли. (Но увы, в 90м году они «сгорели» в связи с дефолтом).

В 1973 году я пошла учиться на городских курсах английского языка на Новом Арбате, которые закончила в 1975 году. Позже я не раз возвращалась к изучению английского на разных курсах.

Как-то раз мне вдруг позвонила одна знакомая мне по работе в Гипрокоммуне Тамара, я очень удивилась её звонку, я с ней не дружила, она была чертёжницей в другом отделе, и по работе мы почти не пересекались. Она, зная, что я учила испанский, предложила мне пойти на какой-то вечер в Военную Академию, где она уже познакомилась с кубинцем и зовёт меня для компании. Я согласилась, пошла, но никто на танцах в этой академии мне не понравился. Но всё же она вовлекла меня в круг кубинцев. Летом, в мой день рождения (мне исполнялся 31 год) мы с Тамарой, с которой уже сдружились, пошли в ресторан «Гавана», что на Ленинском проспекте, не так давно открытый. И там нас «подцепили» два солидных кубинца, одному из которых я очень понравилась. Они были какие-то специалисты, оба в командировке. И Мигель пригласил меня на следующий день в известный ресторан «Арбат» — ещё раз отметить мой день рождения. Помню, как я с трудом подбирала подзабытые испанские слова, а он, чтобы я лучше поняла, писал мне их на бумаге. Он был очень галантен, очень хорошо ухаживал и мне понравился. Ему было 43 года. В выходной день мы вместе с Юленькой поехали в парк Культуры Горького и гуляли там весь день. Мигель был щедрым и великодушным кавалером и очень добрым с ребёнком. Но, к сожалению, скоро он уезжал. Когда я приехала к нему в номер и привезла какие-то гостинца или сувениры, и мы прощались, я увидела у него на глазах слёзы. Я в первый раз своей жизни видела плачущего от расставания со мной мужчину. И я, конечно, запомнила это маленьким благодарным местом в моём сердце. Потом он писал мне, присылал фото своих детей, а я, с трудом понимая его испанские фразы, училась отвечать по-испански своими письмами. (Забегая вперёд, скажу, что, когда я в первый раз приехала на Кубу, я позвонила ему и мы встретились, но я уже была замужем, и я просто испытывала к этому человеку благодарность, за то, что проявил ко мне тогда теплоту и нежность, и даже настоящее

чувство. И, конечно, я привезла ему гостинца для его мальчиков).

После этого через какое-то время я знакомилась ещё с несколькими кубинцами. Они приходили к нам домой и иногда оставались со мной. Это были проходные связи, и я даже их имён могу не вспомнить. Мама, тем временем, остро реагировала на эти связи, на моё поведение. Она страдала от этого. Мы ссорились, я грубила. Мне давно уже стыдно за свое тогдашнее поведение, но это было, и сейчас я не знаю, зачем и почему это было со мной.

Но за одну связь мне точно не стыдно, хотя она тоже была обречённой. Я говорю о Хоакине Дюране, с которым познакомилась, гуляя с Тамарой в лефортовском парке в начале октября (1974 год).

Это был кубинец, который приехал учиться на один год в школу КГБ, что в одном из тихих переулков на Шаболовке. Мне было 32 года, он на пару лет постарше. После учёбы он должен был ехать в Анголу. Мы стали встречаться. И мне с ним было хорошо. Хоакин не был «abuser», каким было большинство приезжавших в Союз на учёбу кубинцев. Это был благородный и честный человек. Он научил меня многому хорошему. Как-то вскоре после знакомства, он приехал ко мне на ноябрьские праздники, мамы и Юли не было, они уехали в Вязьму. Мама мне дала задание — помыть паркетный пол, намазать мастикой и натереть его. Я сказала Хоакину, что мне предстоит большая работа, и он говорит: «Нет проблем, сейчас включим музыку и всё сделаем», и мы часа за три, под музыку, выполнили моё задание! Короче, он учил не унывать. Он умел жить на позитиве. И я его полюбила. Надеюсь, он тоже меня любил по-настоящему. Мы встречались до следующего лета. Он уезжал и писать он не имел права. Перед отъездом он сказал мне фразу, которую я часто вспоминаю: «Люда, у тебя твёрдый характер, но мягкое сердце. Тебе будет трудно в твоей жизни от этого контраста.» Да, это так, Хоакин…

Как бы я хотела узнать о тебе, я часто тебя вспоминаю. Я скучаю по тебе, как ни по кому! Но ты исчез навсегда, и, возможно, что и погиб, там, в Анголе. Или ещё где-нибудь. Ты же был кубинским разведчиком…

Отстойные годы

Шёл 1975 год. 1сентября в свои 6 лет и 8 месяцев Юленька пошла в школу, французскую, в которую надо было возить ее или на одном, или на двух трамваях остановок пять, но до самой остановки еще дойти минут 15. Мы с мамой возили ее по очереди. Забегая вперед, скажу, что эту школу она и окончила. (Был момент, когда решили перевести в ближайшую к дому школу, в которую ходить три минуты, но через две недели перевели обратно).

В конце мая уехал навсегда!!! Хоакин. Выполнять трудную и опасную миссию. В душе была пустота. И в памяти тоже не осталось особых следов о последующих нескольких годах. Помню, что осенью позвонил и потом приехал друг Хоакина и начал «кадриться». И он мне совсем не нравился, но я так скучала о Хоакине, что поддалась на ухаживания. Не странно ли звучит? Да, так бывает. (Я даже фильм какой-то смотрела с похожей коллизией). Закончилось с ним всё месяца через два-три и очень гадко: в чем-то я его заподозрила и проверила его записную книжечку, в которой нашла телефон с женским именем; позвонила, договорились о встрече; и оказалось, что девица от него была беременна и только что аборт сделала. Да, противно и гадко мне было, но поделом! Прогнала я этого козла сразу, конечно.

Мне казалось, что жизнь проходит мимо меня. В 9 уходить из дома, на работе рутина: привязка зданий и как руководителю группы давать задания трем инженерам и проверять их исполнение, в 18:30 окончание рабочего дня, в 19:30 я дома, уставшая, мама подаёт еду. Потом немного побыть с дочкой, может быть, проверить ее уроки, немного телек. И всё. 35 лет. Любви нет, мужа нет. Время от времени у меня случались истерики: я остро ощущала своё одиночество, меня точила нанесенная Хусейном травма, мне, как бы, не хватало кислорода в той жизни, какая у меня была. Мама должна была выносить эти истерики, успокаивать, утешать, и она утешала, приносила воду, давала лекарство, но она, человек трезво и крепко стоящий на земле, не понимала меня, а я эгоистично требовала этого понимания и мучила её, мои рыдания не прекращались, иногда она не выдерживала и уходила, и тогда я кричала от ещё большего отчаяния, я страшно душевно страдала… Иногда, раз в полгода или чаще, я уезжала куда-то или одна, или по турпутевке. В Таллин, Киев (с Юленькой), на Украину, на Кавказ. На какое-то время я успокаивалась.

В 77 году я стала оформляться для командировки в Анголу в качестве переводчика испанского языка. (Хотя там говорят по-португальски, но, т.к. с португальским было туго, подходил и испанский). Требовалось пройти треугольник подписей: предс. профсоюза института, где я работала, секретаря партийной организации и самого директора института. Чего это стОило, знают лишь мои современники! После месяца с лишним экзекуций, получив их подписи, дело отдавалось в органы для проверки, которая длилась месяца два-три. Эти месяцы я жила в напряженном ожидании отказа. У меня были все основания его опасаться, ведь я была мать-одиночка, таких, как правило, не выпускали ни в какую заграницу. И отказ последовал: якобы, нерезонно было отправлять специалиста такого ранга, как я, работать переводчиком в ангольском пту. Может, и правда, причина была в этом, ведь это и в самом деле нерезонно, но меня этот отказ ударил очень сильно. Он, можно сказать, отнял у меня последнюю надежду вырваться на свободу. В то время я думала, что и умереть в борьбе за идеалы лучше, чем от старости в своей кровати. Поэтому я и жаждала вырваться от всей рутины, и от личной, и от общественной, советско- брежневской, в которой я жила, в которой жили все мы. После того, как мне было отказано, — а все сослуживцы знали о моем процессе, — мне было унизительно оставаться на работе в этом институте, к тому же я понимала, что ещё раз упомянутый треугольник не даст мне добро на выезд заграницу. И я решила уйти.

С этой поры истерики мои закончились. Я стала работать переводчиком по договорам с ГКС (Гос. комитет по экономическим связям с заграницей). Первая моя работа была с кубинскими строителями в г. Владимире. Признаюсь, что мне было нелегко с моим тогдашним уровнем испанского переводить незнакомые строительные термины. Но я старалась: записывала по ходу бесед и лекций незнакомые слова, а дома, т.е. в пансионате, куда нас поселили, в номере до ночи сидела со словарем и выписывала их перевод. Результат не замедлил сказаться, и я с каждым днем работала уверенней. Так прошли два месяца работы.

Следующей работой по договору была работа с кубинскими моряками в Ленинграде в Балтийском пароходстве. Тут мне подсобил с морскими терминами Сергей Доренко, которого я и сменила по этой работе: он отработал с моряками два месяца и должен был продолжать учебу в своем РУДН. Я созвонилась с ним в Москве, подъехала к его общежитию на Миклухо-Маклая, и он передал мне свой наработанный словарик очень специфической морской терминологии. Было парню 19лет, но он

уже очень прилично владел испанским. (*Теперь, после его гибели, особенно часто вспоминаю этот эпизод).* Три месяца жила я в Ленинграде, в гостинице Советская, которая в 10 минутах от дома т. Люси, сестры моего отца. На Новый год приезжала Юленька, она как раз и находилась у т. Люси и Марины. Зима была холодная, трамваи, в которых приходилось ездить на работу, нетопленые, все кубинцы и я, мы мерзли ужасно пока добирались туда и обратно. Зато очень много ходила в театры, а основном, в Малый оперный. Покупала дешёвый билет, садилась на свое место и оттуда высматривала хорошие незанятые места в партере, и в антракте пересаживалась на такое место. (Что невозможно сделать в Европе — здесь билетеры очень строго следят за тарификацией и категорией зрителей, капиталисты чёртовы!)

А в феврале, ближе к марту я уже в Москве работала с кубинской специалисткой по организации хранений информации. Работа была неинтересная, но мы с Виолетой сдружились. Она была моим частым гостем дома и очень полюбила мою дочку. Эта работа тоже длилась пару месяцев. (*Расскажу один курьез, касающийся национальных привычек. Виолета попросила у моей мамы воды, она очень много ее пила, а, т.к. мы зимой пьем не воду из под крана, а чай (бутилированной воды тогда вообще не было), мама решила, что вода нужна, чтоб запить лекарство, и подала ей воду в мензурке для лекарств. У Виолеты глаза на лоб полезли от удивления. Пришлось объяснить маме ее ошибку и налить из-под крана полный стакан воды. А в другой раз Виолета у нас дома сварила кофе и предложила его и маме. Мама охотно подставила ей стакан, чтоб налили кофе, а Виолета уже налила ей кофе в маленькую 50граммовую чашечку, в таких кубинцы и пьют свой крепчайший кофе. Тут уже маме пришлось удивиться…)*

Наступило лето 78 года. Мама очень беспокоилась о том, что из-за временных договоров у меня прервался стаж и это плохо отразится на моей будущей пенсии, и вообще, что эти договора не будут учитываться для общего стажа. Мне тоже было немного неспокойно в этом плане. И я нашла себе работу в Дирекции строящейся автомагистрали Москва-Рига, которая должна была стать самой продвинутой автодорогой из Москвы. Меня взяли на место ст. инженера-инспектора по строительству мостов на этой дороге. Где-то раз в две недели за мной приезжали представители субподрядных организаций и везли меня на объекты, где я должна была проинспектировать и подписать наряды на выполненные работы, чтоб рабочим выдали зарплату В основном, я это делала, но иногда, видя явное несоответствие

бумаг и работ, отказывалась подписывать, я была против всякой халтуры. Закончилось это конфликтом с директором, и я ушла оттуда, проработав почти год. Но прежде, чем уйти, я нашла себе новое место работы, и это место называлось Интурбюро, а моя должность — гид с испаноязычными туристами. И об этом следующая глава.

Я — гид

Летом 1979 года я поступила в Интурбюро внештатным, а с осени уже штатным гидом. Интурбюро относилось административно к Московскому управлению по туризму и экскурсиям, а методически — к ЦК Профсоюзов (ВЦСПС) и принимало интуристов, приезжающих по профсоюзной линии. Взяли меня на работу гидом без высшего филологического образования потому, что на следующий год в Москве должна была состояться Олимпиада и необходимость в гидах с испанским языком возрастала, а кроме того и регулярный поток групп из Испании тоже увеличивался, правда, в основном, в летние месяцы. У меня, конечно, были сомнения материального плана, ведь оклад гида просто низкий (я это знала и по Интуристу, куда годом раньше наведывалась, но там человеку с одним только языком мало что светило, и я тогда успокоилась на время). Но здесь мне очень понравилась атмосфера, она была дружеская, неформальная, офис располагался в нескольких номерах гостиницы Дружба, что на пр. Вернадского (сейчас там что-то уже другое), ко мне были очень приветливы. И я подумала, что материально меня выручат поездки, за которые идут отдельные комиссионные. И я согласилась! Вот это был поворот в моей жизни! Мама, как следовало ожидать, встретила мое решение очень плохо. Она говаривала: «Была хорошим инженером, а променяла свою работу на проводы туристов в туалеты». А я — была счастлива! И я никогда не пожалела о своем таком рисковом крутом решении! Во-первых, мне нравилась сама работа гида-экскурсовода. Я сопровождала группу на протяжении всего недельного или двухнедельного, а были группы особого внимания и с трёхнедельным пребыванием в стране, и на мне была полная ответственность за всё. Во-вторых, я самостоятельно вела экскурсию по Москве, по Кремлю и некоторым другим объектам, что мне тоже очень нравилось. Конечно, я эти экскурсии учила и потом сдавала нашей комиссии. А учиться мне нравилось всегда. И, в-третьих, моя работа в Советском Союзе, стране, закрытой для выездов, очень высоко котировалась, и я выглядела очень престижно в глазах окружающих. А в общем и целом, это было окном в Европу! Но о том, что туристы по окончании тура мне будут дарить подарки или что новые друзья из Испании будут присылать джинсы и прочее для моей дочки, я тогда не думала и не предполагала. Да, но начало — как всегда — было нелегким: первый мой перевод экскурсии по Эрмитажу оставлял желать много лучшего. А дело было в том, что я как советский

человек Библию не читала, и перевести названия картин на библейские сюжеты мне было очень трудно. Хорошо, что их — эти сюжеты — знали сами испанцы. Приходилось опять, как тогда во Владимире, ночью с помощью словаря поднимать свою квалификацию.

В 1981 году случился у меня кратковременный, но очень острый роман с одним мексиканским туристом. Это была как раз группа «особого внимания», когда работают два гида и есть сопровождающий из ЦК ВЦСПС. Один, очень приятный внешне мужчина-мексиканец на третий день пребывания сломал ногу. Наш сопровождающий поручил мне везти его в травмопункт. Было это то ли в Риге, то ли в Вильнюсе. Потом я сопровождала его на разные процедуры, в аптеку и т. д. И по ходу, влюбилась, хотя раньше заметила, что влюбился, чёрт возьми, он. Сначала, в знак благодарности за мою помощь, он купил мне офигительное платье в «Березке» (валютный магазин только для иностранцев). Потом он всегда искал место за столом рядом со мной во время завтраков, обедов и ужинов. Вскоре это заметили другие туристы и одно место рядом со мной всегда оставалось свободным для него, а приходил он на костылях, как правило, последним. Потом его товарищ, который располагался в одном с ним номере, профессиональный исполнитель песен на гитаре, приглашал к себе в номер, где вместе с Альфредо они пели мексиканские песни, посвящая их мне. «Malagueeña salerossaa…» Не забуду этих минут женского счастья! Да, Альфредо вскружил мне голову несмотря на то, что моя напарница — гид Марина полупрезрительно называла его мелкобуржуазным аристократишкой (у него, действительно, был свой небольшой магазинчик, а тогда в нашем понимании это был уже капиталист). И у него, и правда, были определенные мелкобуржуазные замашки (например, когда мы после экскурсии опаздывали на ужин в отеле, всех туристов просили идти прямо в столовую, не заходя в номера, но Альфредо говорил, что сначала примет душ, т.к. предпочитает «comer a gusto» (есть с удовольствием). И в этом, точно, было что-то против коллективной солидарности… Да, наверно, Марина была идеологически более стойкой натурой… В очередной экскурсионный день на экскурсию с группой поехала моя напарница, (можно было ехать одному гиду и вызвалась ехать Марина), я осталась в отеле; остался вдруг и Альфредо, объяснив это трудностями передвижения на костылях, что тоже понятно. И в то утро он вызвал меня из номера и объяснился в любви. Но ни он, ни я не могли пойти дальше наших объяснений и взглядов — нас, гидов и туристов, всегда блюло КГБ. Правда,

туристы, вернувшиеся с экскурсии, смотрели на нас тогда очень многозначительно, решив, что мы специально подстроили наш невыезд и не теряли время. У нас с Альфредо, была только одна ночь. Это была последняя ночь пребывания группы, когда вечером все вернулись из тура в московскую гостиницу, а наутро должны были улетать. Возможно, я могла бы пригласить его в свой номер гостиницы, хотя этого следовало избегать по понятным причинам. Но я хотела, чтоб он побывал у нас дома, посмотрел московскую квартиру. Он, разумеется, был еще с костылями. Мы поехали ко мне домой, я познакомила его с мамой, она еще не спала, хотя было часов 12 ночи. А в пять было заказано такси на его возвращение в отель — Центральный Дом Туриста, известный огромный отель в конце Ленинского проспекта, и это далеко от Семеновской. Я не помню, какой у меня был секс с Альфредо, с его загипсованной ногой, мне была важна телесная близость, объятия, жаркие поцелуи — все, что сопровождает романтическую влюбленность, а не сам секс. В 8 часов утра я приехала в отель на завтрак, а в 9 мы с группой ехали в аэропорт, где мы с ним простились. Он ушел последний… Альфредо прислал мне одно письмо, другое, с записями романтических песен популярного в те годы Роберто Карлоса, он писал, что хотел бы приехать в Советский Союз, хотел бы жить со мной, но всё же климат у нас не очень подходящий, система тоже, а по-другому, чтобы приехала в Мексику я, пока невозможно; и это было так на самом деле. А потом пришло письмо от его жены — то, что он был женат, я знала, да и скрыть бы ему не пришлось: часть из его группы была из его маленького городка Мичиоакан, где все друг друга знают. Жена мне писала, что знает о чувствах ее мужа ко мне, но что он должен остаться с ней, т.к. у них маленький ребенок, и просила меня ему больше не писать. Письмо повергло меня в горькие рыдания. Как раз мама была дома и она меня сочувственно утешала, думаю, потому, что в ее молодом возрасте случилась подобная ситуация (мне было тогда шесть лет, но я хорошо помню сильные мамины переживания, когда любимый мной дядя Валико уехал к себе в Тбилиси, вернувшись после двухлетнего пребывания в Москве к своей жене). Писем я, конечно, Альфредо больше не писала, он прислал еще одно письмо, спрашивая меня, почему молчу, но я на него не ответила…

За почти три года работы гидом я приобрела много друзей и в Испании, и в Мексике, и в Венесуэле; в моей записной книжке было много адресов. Но я не представляла, что когда-то могла бы ими воспользоваться. Правда, в Испанию я всё же поехала по приглашению именно моих друзей, и в первый раз —

в 1988 году, и во второй в 1990, и в третий, решающий — в 1991. Работая гидом я побывала в таких городах как Киев, Минск, Кишинёв, Тбилиси, Ереван, Самарканд, Бухара, Ташкент, Рига, Вильнюс, Мурманск, Владимир, Тверь, Новосибирск, Иркутск, Хабаровск и, конечно, всегда Ленинград.

Но я думала о дальнейшем. Я подала документы на работу переводчиком в УпДК (Управление Дипкорпусом) — чем черт не шутит, зная проколы в моей-то

биографии одиночной матери! Но — кто не рискует, тот не пьет шампанское. И я ж не претендовала на капстрану, а только на кубинское представительство. Кубу вел Иван Иваныч — толстый румяный (полуалкаш, конечно) мужик с хитрющими глазами. Но — я всё же обладала харизмой! Принял он мои бумаги и ждала я решения по мне около трех месяцев. И вот — он позвонил и сказал, что направляет меня в кубинское торгпредство. И осенью 81 года я начала новую ступень в своей служебной карьере.

Надо было много печатать — пока еще на эл. машинке — технических переводов, а вскоре меня стали брать на переговоры между советскими и кубинскими представителями, техническими и торговыми специалистами по поставкам на Кубу различного оборудования. Самые тяжелые переговоры были по ценам. Тогда, как правило, прибывала кубинская делегация или один делегат-спец по ценам; такие переговоры длились по много часов, а самое плохое — все курили, а я не переношу запаха, и в конце дня я была никакая, я приезжала домой с больной головой и с устойчивым запахом курева; мама меня жалела. Но зарплата была неплохая — 220р. плюс недельные заказы хороших продуктов (не забывайте, в какое время постоянного дефицита мы жили) плюс возможность организовать посещение дипломатического отдела ГУМа, чтобы купить престижную одежду. *(Так я отоварила и одела мою ближайшую подругу Свету, ее дочь и зятя и ее подругу Соню. Там же я купила маме красивую дубленку, о которой она и не мечтала!).* Я была у кубинцев на хорошем счету, а наши переводчики меня выбрали секретарем профсоюзной ячейки. В общем, всё шло хорошо. До 1983 года, когда я вышла замуж за кубинского гражданина и должна была покинуть УпДК в связи с нарушением внутренних указаний не вступать в личные отношения с иностранцами. Об истории знакомства с Франсиско и вообще о нашей с ним истории я напишу отдельно. Здесь только поясню, что, когда Франсиско прислал мне приглашение на поездку на Кубу, и я принесла Иван Иванычу это приглашение на предмет оформления разрешения (помните, подписи производственного «треугольника»,

необходимые для ОВиРа, который дает разрешение на выезд), он достал лист бумаги и сказал: «Пиши заявление по собственному желанию и тогда взамен получишь наши подписи». Получалось, что он ничего не знал о моем замужестве, ему никто не настучал! а, значит, я, может быть, и могла бы продолжать работать. Но надо знать меня. Мой свободолюбивый склад натуры не допускал ни рамочно-клеточных условий, ни предательств по отношению к своей жизни и жизни Франсиско. Я написала это заявление и вскоре получила разрешение, а затем и визу на выезд на Кубу.

Франсиско

В этой главе я не буду описывать все годы моей жизни с Франсиско де ла Нуэс Марреро, опишу лишь события до моего отъезда в Испанию в 1991 году.

Познакомилась я с ним случайно, когда поехала в общежитие МГУ передать через одну кубинку вьетнамки для Виолетты (той кубинки, с которой я работала в Москве в 1978 году и с которой подружилась), это она посоветовала передать эти вьетнамки (на Кубе и этого не было!) с кубинкой из МГУ. Найдя ее комнату, я

прочитала на двери, что ее пока нет, но по любым вопросам обращайтесь рядом в комнату No… Ну, не ехать же мне обратно с Ленинских гор на Семеновскую просто так, и я постучалась в обозначенную комнату. Открыл мне кубинец не слишком молодых лет небольшого роста неафриканской внешности, в общем, так себе, дядя. Я объяснила цель приезда, и он любезно согласился передать мою посылочку своей соседке для последующей передачи по адресу. Он не спешил отпускать меня, хотя очень извинялся, что не может предложить чая, т.к. вся посуда уже упакована и через дня два-три они должны освободить общежитие для подготовки комнат к принятию гостей Олимпийских Игр. А дело было 15 апреля 1980 года, я почему-то запомнила этот день, может быть потому, что он был очень теплый, я была от солнца разрумяненная и сама чувствовала, что выгляжу очень симпатично. И я заметила, что он это заметил. Он вышел из комнаты, чтобы проводить меня до лифта и спросил мой номер телефона «на всякий случай», когда вернется, а вернуться должен был только к октябрю. Когда он вернулся, он позвонил мне уже где-то в ноябре и спросил, могу ли я помочь ему с переводом его диссертации. Он учился в аспирантуре на юридическом факультете. Мы встретились, где — я не помню, кажется, на Ленинских Горах, помню только, что он поехал меня провожать и в метро сильно кашлял через каждое слово, что меня слегка раздражало, потому что связного разговора не получалось, он все время кашлял и закрывал рот, и это не способствовало моему женскому интересу к нему. (Он потом рассказывал, что страшно нервничал, и кашель от этого только усиливался). От м. Семеновская до моего дома ходу минут 12—15. Он шел со мной, но, когда надо было пройти уже последний участок пути до дома, я, вообразив, что он, чего доброго, намеревается напроситься на чай, остановилась и сказала ему (наверно, не слишком вежливо), что дальше провожать меня не надо, сама дойду. На это

он (страшно обидевшись) ответил, что я, возможно, имела дело с другими мужчинами, но что до него, он собирался довести меня до дома и там распрощаться, и что никаких других мыслей в голове не держал, просто привык быть галантным с женщиной и проводить ее считает своим мужским долгом. Всё это было правдой, и Франсиско был такой, вот только я имела опыт и с другими cubanos… Потом я уехала с группой туристов на маршрут и не помню, то ли я ему позвонила недели через две, то ли он сам. Сказал, что простудился и болел. Мне надо было как-то замять свою неудачную фразу, и я предложила куда-то сходить. Он с радостью согласился. Так мы не очень часто встречались, моя работа не способствовала частым встречам, да меня и не тянуло. Наши отношения стали развиваться уже весной, когда я стала приезжать к нему в комнату общежития, чтобы заниматься переводом его темы. Тема диссертации была связана с Уголовным Кодексом Кубы.

Франсиско родился в 1930г, вырос в очень бедной многодетной семье иммигрантов с Канарских островов, приехавших на Кубу, как и многие испанцы, искать Эльдорадо от бедности и нашедших ту же бедность. Ходил босым лет до 14, учился в школе лет 6—7, а потом поехал в Гавану работать. Самостоятельно научился печатать на пишущей машинке и его взяли в одну нотариальную контору печатать бумаги. Рано женился и рано родил трех детей. Когда началась движуха

Фиделя, сразу принял сторону революционеров, позднее вступил в Коммунистическую партию. Победа кубинской революции дала ему всё! Сразу пошел учиться, экстерном закончил среднюю школу и затем поступил на юрфак Гаванского университета, который успешно закончил и стал адвокатом. По призывам Фиделя выезжал на сафры и участвовал в битве в долине Кочинос. По характеру это был человек необыкновенный: неприхотливый, он мог бы выжить в любых условиях, он мог бы выжить с кем угодно, он был очень добр, великодушен, сентиментален даже, но в то же время на редкость честный и принципиальный — сломить его было нельзя. Вот он как раз из тех редких героев, кто выдержал бы любые пытки за идею! Недаром фамилия была» de la Nuez», что значит — «от ореха». Ещё он хранил в себе свои тайны, не любил кому-то чего-то передавать, ненавидел сплетни (так типичные для испанцев) и вообще умел не показывать виду. Сам готовил еду, сам себя обстирывал, мыл посуду и пел при этом, и ни в каком уходе, в общем, не нуждался. В общем, таких людей сегодня земля уже не рождает…

Только оценила я его совсем не сразу. Во-первых, он был

на 12 лет старше меня и его возраст соответствовал его лицу; во-вторых, у него не было выигрышной внешности: маленький рост, маленький носик, небольшие залысины; и, в-третьих, он плохо говорил по-русски (несмотря на то, что уже несколько лет жил и учился в Москве, и я стеснялась его речи, когда он говорил с мамой или еще с кем-то в моем присутствии. Но я видела, что он очень в меня влюблен, и это нельзя было проигнорировать. Ведь лет мне было под сорок. У нас начались (не сразу, не сразу) близкие отношения, и я столкнулась с так скажем, запущенным его мужским состоянием. Это означало, что он давно не практиковал интима. Он мне сказал, что давно уже, лет пять не спит со своей женой, но живет ради детей и дети ничего не знают об их разрыве. Ему я поверила. Потому не пренебрегла им, а помогла. Но — был еще один фактор: Франсиско не мог справиться с нервами, когда оказывался рядом со мной, его охватывала эмоциональная дрожь, он, казалось ему, был рядом с кинозвездой что ли, и это ему мешало еще очень долго…

Я переводила его текст полчаса, час, а он обхаживал меня: что-то вкусное готовил, что-то сладкое предлагал, покупал цветы, фрукты. Потом не выдерживал, начинал целовать, ласкать меня, и работа заканчивалась… Тем не менее, я всё успела, мы всё успели. Франсиско успешно защитился. Правда, когда отмечалась защита в его комнате, пришло много кубинцев, я обиделась на то, что он не сказал тост в честь своей помощницы, т.е. меня (он кажется был или полупьян уже или слишком эмоционален), и я демонстративно ушла. Мне было очень обидно, а ему было очень неприятен мой демонстративный уход. Мы потом не общались некоторое время. Наступило лето, ему надо было лететь на Кубу. Он сказал, что ещё должен будет где-то к зиме вернуться. Я ему сказала, что, если он думает продолжить со мной отношения, то ему следует оформить развод с женой. Мы расстались. Франсиско писал мне письма о том, как скучает по мне, а также о том, что разговаривал с женой и что она развода не хочет и плачет. Что я могла сделать? Я, кажется, написала, что писать ему не буду больше, если он так ничего и не сделал. Шли месяцы. Он мне тоже не писал.

Как-то в феврале я была в гостях у знакомой Беллы, она мне гадала на картах, и говорит: «тут кавалер, он в годах, он в казенном доме, и он стремится к тебе». Ну, как-то так, смысл такой. Тогда я приезжаю домой, звоню в общежитие МГУ и прошу к телефону Франсиско (телефон общий на этаже в коридоре). Почти уверена, что услышу: нет тут такого. Но пошли звать, я жду в недоумении и вдруг слышу его глухой голос: алё? Я опешила. Говорю: это Франсиско? Ответ: Si, mi amor. Я спрашиваю: а ты

знаешь, кто звонит? — Si, mi amorcito lindo. Я думаю: ну, попала, точно, это не со мной, это он кому-то ещё, после стольких-то месяцев молчания. Как он будет выкручиваться, когда поймет, что это я звоню, а не его какая-то новая «аморсито». И самой так горько, что он меня забыл, выходит. А он мне: «это ты, Люденка, я тебя сразу узнал». Ну, ладно, полегчало мне. Спрашиваю, когда приехал? Говорит: сразу после Нового года. «А почему же не позвонил? — „Но ты же сказала, что всё со мной кончено, если не разведусь. А я пока не смог. Правда, я ушел жить в другой дом“. Ну, ладно, хоть так. Предложила ему встретиться как-нибудь. Он говорит: " Завтра можно?» — «Можно, я думаю». Мы встретились. Он рассказал мне, что несколько раз приезжал к метро Семеновская и стоял на выходе, надеясь увидеть меня, идущей после работы из метро. И раз или два увидел. Но не подошел: «Ведь я не выполнил обещание!»

Франсиско начал процесс заочного развода. Летом он сообщил, что развод состоялся. Этим летом 1983 года он не поехал на Кубу. Я договорилась с семьей наших хороших знакомых Бунтовниковых поехать вместе с ними на Волгу, они каждое лето ездили на устье Волги, жили в палатках и ловили рыбу. Мы втроем — Юля, Пако и я сели на поезд и поехали в Волгоград. Там переночевали у моей двоюродной сестры Нины и вместе с семьей Бунтовниковых сели на теплоход, провели там ночь и на рассвете в 5 часов высадились на какой-то станции. Нас встретило полчище комаров, а нам нужно было прождать еще 2 или 3 часа, чтобы какой-то катерок перевез нас на другой берег, туда, где Бунтовниковы закапывали свои кухонные и прочие принадлежности каждый год, когда уезжали оттуда. Мы втроем жили в нашей палатке; крупы мы взяли недостаточно, поэтому Пако каждый день уходил рыбачить. Ему приходилось хуже всего, т.к. он рыбу не ел, но, когда был голоден, приходилось. А рыбы было достаточно. Там мы провели дней 12. Возвращение было также на перекладных, и Фр-ко пришлось тащить тяжеленную поклажу несколько километров; потом, на пристани мы ночевали, еды не было, мы были страшно голодные; потом 6 часов в какой-то жаркой многоместной каюте до Волгограда, где наконец, мы отмылись, наелись и отоспались. Ну, всё равно, этот экспириенс был интересный, особенно для Фр-ко.

Осенью мы подали заявление во Дворец Грибоедова (только там расписывали иностранцев), а 27 декабря 1983 года наш брак был зарегистрирован. Нашими свидетелями были Света и одна моя коллега из Интурбюро. Мы вчетвером скромно отметили наш праздник в ресторане. Моя мама в этом не участвовала. Она никогда не одобряла моих отношений с бедным кубинцем, плохо

говорящим по-русски и по этой причине не способным произвести на нее впечатления своим умением вести беседу — а этого у него было не отнять, ведь он же был адвокат и обладал способностью спокойно красочно говорить и убеждать людей, на испанском языке, разумеется.

Думаю, что читателю ясно, что я не была влюблена в Пако. Но зато он, он меня любил очень, его любовь я просто ощущала. Мне был 41 год. И мне необходимо было утвердиться в статусе законной жены! Я выпила чашу одиночки сполна!..

В первых числах января Фр-ко улетал на Кубу — все его аспирантские дела закончились. Через пару месяцев я получила от него официально оформленное приглашение поехать к нему. Он жил в каком-то доме своей старой дальней родственницы. О том, как происходило мое получение разрешения на выезд из страны, я уже писала.

Денег на билет у Франсиско, разумеется, не было. Билет на самолёт стоил рублей 800 — это почти четыре моих месячных зарплаты, а я получала хороший оклад в Торгпредстве. Но такая сумма появилась у меня после того, как я ушла из УпДК и устроилась — неофициально — референтом в Консульство Перу. Там меня ждал оклад в 400 руб. и какая-то дополнительная сумма в валюте. Посол Перу взял меня на испытательный месячный срок, посадил в архив, и после того, как я разобрала и привела этот архив в порядок, оставил и очень хорошо ко мне относился. Но в июле я опять, уже добровольно, оставляла свою редкую по удаче работу, и полетела на Кубу. Наш медовый месяц был прекрасен, несмотря на дикую жару и духоту в помещении — типа ангара, с алюминиевой крышей, — где обитал Франсиско; это была задняя пристройка к старому деревянному дому, состоявшему из четырех проходных, постоянно открытых комнат, в которых проживала старая хозяйка дома, которую я сразу не взлюбила, т.к. она была gusanos, т.е. против кубинской революции и Фиделя. И она меня взаимно. Она, например, открывала всё время из форточку, выходившую из её кухни в наш душ, а я ее упорно закрывала, т.к. не хотела, чтобы слышали наши разговоры. Я была, в общем-то, неправа; с возрастом я поняла, как не хватает старому человеку воздуха в жарком климате. Но тогда мне казалось, что она это делает из-за вредности и любопытства. Но мы редко находились дома, а чаще в доме старшего брата Фр-ко, его приветливой жены Исабель и двух выросших детей. Пако возил меня в Матансас, его родину, ездили на пляж Варадеро, который рядом с Матансас; мы ходили по ресторанам, мне всё было в новинку, мне всё было интересно, я пила самый вкусный коктейль Дайкири — нигде больше он

не был таким вкусным; на мой день рождения мы побывали на концерте знаменитой Тропикана, были в Национале, Интуристе и конечно. ездили на пляжи Гаваны. Правда, он был очень недоволен, когда я встретилась с Виолетой и осталась у нее ночевать, и спали мы в одной кровати, т. к. другой не было, как и места для нее (она жила в маленькой комнатушке), Франсиско недоумевал, как можно было мне спать в одной кровати с женщиной, а я возмущалась его инсинуациями. — в нашей культуре это было нормально, в те времена она не предполагала никаких извращений. В середине августа я возвращалась в Москву — виза была дана на один месяц. Когда я после долгого перелета (16 часов!) проснулась в своей квартире и, открыв глаза, увидела стены нашей комнаты, я застонала от досады, что я вернулась в нашу убогую серую действительность и что, когда ещё я смогу снова оказаться на Кубе рядом с Пако.

В сентябре я вернулась на работу в Консульский Отдел Перу, но, к сожалению, мой хороший посол уезжал, потом приехал новый, и этот был уже не тот; консул тоже сменился, приехал новый, с женскими манерами, голубенький. Я сдружилась с Марией, красивой перуанкой, бывшей замужем за русским, наши столы стояли напротив друг друга, и мы потихоньку потешались над ужимками нового консула. Но тот факт, что мой муж кубинец, новому Консулу не очень нравился; женщина — переводчик Посла, работавшая от УпДК и, несомненно, на КГБ тоже, начала меня подставлять, придираться, ведь я работала как бы с перуанской стороны. А работа мне нравилась: ведь я вместе с Марией работала с дипломатами и их паспортами, с перуанскими студентами и справками для них, иногда выстраивалась целая их очередь по лестнице при входе в квартиру, где располагалось Консульство. Рядом с нашей квартирой располагался офис какого-то югославского представительства. С югославом мы иногда пересекались на лестнице. Как-то раз он спросил меня, не знаю ли я кого, кто бы мог убираться в его офисе. У нас была Рита, которая готовила кофе, чай и бутерброды для всех нас и разносила их по столам (это была интересная деваха, которую, ясно оприходовал кто-то из перуанцев, и которая, так же ясно, работала осведомителем. Хотя всё это мне очень хорошо ясно теперь; тогда же я всё ещё была чересчур наивна.) И я говорю: а Рите не предлагали эту подработку? — «Да, но она отказалась.» Я: «а сколько платить будете»? В общем, мы договорились, что я сама буду приходить утром, до работы в Консульстве два раза в неделю и убираться, а он будет оставлять мне наличные, конечно, в валюте, или вернее, в чеках. Но через какое-то время

перуанскому военному атташе донесли, что я убираюсь у югославов. Он выразил своё однозначное отношение к этому, и мы договорились, что я работаю еще месяц (или два, не помню) и ухожу. Впрочем, это совпадало с моим предстоящим отъездом на Кубу.

* * *

Меня обычно спрашивают, когда узнают, что я работала в системе УпДК, — с кем я спала, для того, чтобы устроиться в эту систему. И, когда я говорю, что через постель не устраивалась, и даже никто мне этого не предлагал, — не верят. Допускаю, что у меня была харизма, и шла я устраиваться со всей своей решительностью! Вот и весь секрет. Конечно, КГБ я бы не переплюнула. Ну, значит, проносило! Была удача!

Что касается КГБ: после каждого тура мы должны были писать отчёты, указывая на недружелюбное или подозрительное поведение туристов, и потом «товарищ» вызывал к себе и задавал вопросы. Не знаю, как у других гидов, но мои отчёты были малоинтересными для него. А вот меня этот орган дважды зацепил, когда я проявила» излишнюю самостоятельность». Я КГБ ненавидела, и ненавижу теперь.

Как любил говаривать незабвенный Сергей Доренко: «Я. простой керченский паренёк, и я приглашен на приём в Кремль…» Я тоже могу так сказать: «Я, простая девочка из 7-метровой комнаты в деревянном доме с Екатерининской улицы, не учась в языковом вузе, дошла до работы с важными иностранными чинами, и до участия в высоких переговорах; я отоваривалась в дипломатическом магазине и получала безумно высокую зарплату, сравнимую с зарплатой горняков и шахтёров.

Но при этом, конечно, у меня был большой дефект: моя нетерпимость, иногда неуживчивость, но чаще меня вело чувство, что нужно идти дальше. Поэтому я недолго оставалась на своих рабочих местах: по объективным или по субъективным причинам меняла то ли место работы, то ли стиль жизни. Мне всегда нужны были перемены! (Прямо по Виктору Цою!)

Юля

Когда Юленьке было шесть лет, у нас с мамой произошла очередная крупная ссора. Маме не так давно была сделана операция по удалению матки в связи с фибромой, после этого она стала особенно нервной. Она упрекала меня, что я мало занимаюсь с дочкой, много гуляю с «Тамаркой». Все свои недовольства она высказывала в присутствии ребёнка, говорила ей про меня в третьем лице: «Твоя мать, она…«и — что-нибудь не очень доброе про меня. Мы ругались на повышенных тонах, Юля закричала, я её попыталась увести в другую комнату, но … у неё отнялись ножки, идти она не могла. Мы обе были в ужасе. Вызвали скорую. Приехал врач, посмотрел Юлю, предположил, что это кратковременный «парез» и спрашивает: «Дома останешься или поедешь со мной в больницу?» А мама всё продолжает меня ругать, Юленька говорит: «дома не хочу», и он, глядя на маму, говорит: «И правильно». Юлю положили в морозовскую больницу, в неврологическое отделение. Скоро ножки стали шевелиться. Ей сделали другие обследования, энцефалограмму, ничего органического, к счастью, не обнаружили. Через недели две выписали. (Потом наблюдались у профессора, которая рассматривала этот случай, как довольно редкий).

Когда Юля перешла во второй класс (1976 год), мы сняли на лето комнату в одной деревне около Павловской Слободы (Рижское направление). У Юли были неустойчивые ножки, она много падала и вот как-то раз она упала и не смогла подняться. Нужно было везти Юлю в больницу; с трудом нашли машину, повезли в травмопункт, а оттуда её на скорой отвезли в русаковскую больницу. Определили компрессионный перелом позвоночника. У мамы, услышавшей слово «перелом», случился острый приступ гастрита и её тоже положили в больницу. На какое-то время я осталась одна со своей бедой. Юленька лежала на вытяжке около месяца, а потом её отправили в ортопедический санаторий под Москвой, где она могла только лежать — на спине или на животе, и так два месяца. Ей делали массаж и другие процедуры. *(Сомневаюсь, что сейчас было бы такое медицинское обслуживание, а, если б и было, то каждый шаг стоил бы денег*). Начался учебный год, Юля делала уроки в санатории, тоже лёжа. Вернулась она домой и пошла в свою школу только к декабрю, но долго ещё ходила в специальном корсете.

Юля училась на 4 и 5, правда, у неё был ужасный почерк, но я

давно оставила мысль работать над её почерком — это было невозможно, у меня не хватало терпения. Ещё она очень любила читать.

Отношения у меня с матерью были плохие. Она считала, что моя жизнь должна была быть сосредоточена только на дочери. У меня так не получалось, я всё хотела своей личной жизни, я искала «своего принца». (*Для меня полностью сосредоточиться на ребёнке получилось только в пенсионном возрасте, в том возрасте, когда либидо отсутствует, страсти не мучают, и есть только нежность к ребёнку. И это, я скажу, самый благодатный возраст вообще, если здоровье не ушло!)*

Конечно, бабушка ею занималась больше, тем более, когда я стала работать гидом и была в отъездах. Бабушка любила свою Джулию самозабвенно, наверно, всю свою тогдашнюю нелюбовь ко мне (а и, правда, за что ей тогда было меня любить-то!) она воплотила в двойную любовь к ребёнку…

Юля всё это чувствовала. И это, плюс её врождённая нервность, плюс характер, больно сказались на ней. Она всегда была своенравной. А к подростковому возрасту это стало приобретать другие формы.

Летом ездила в лагеря, (как и я в своё время). Но однажды, лет в 12 сбежала из лагеря. Что-то ей там не понравилась. И сама, без денег, добралась до дома.

Потом у Юли начался комплекс фигуры. Она была предрасположена к полноте (точно не в меня), и я дважды — в минуту гнева — назвала её коровой. Может, это повлияло, не должна я была, конечно, девочку так обзывать, каюсь и каюсь.

В общем, Юля стала морить себя голодом: подойдёт к столу, возьмёт кусочек черного хлеба, понюхает, отложит и уйдёт. Позже я узнала про такой диагноз — «анорексия». А потом и — «булимия», «дисморфофобия». Всё это у нас было. Но я не хочу описывать это в деталях, только скажу, что было очень тяжело всё это наблюдать, с этим жить, с этим бороться, и в этом стрессе я и бабушка жили ещё много лет.

Однажды, Юле было 14 лет, мы только сделали ремонт в квартире, она зашла в кухню, стала пить чай, потом- не помню, что её ввело в ярость, она плеснула этим чаем на только что выбеленный потолок. Я сказала ей — ты сволочь, после чего она оделась и скрылась из дома. Было 10 часов вечера и на улице стоял жуткий холод с февральским ветром. Юля не возвращалась. Мы не спали всю ночь. Утром она пришла. Сказала, что села на электричку и потом, познакомившись в ней с двумя парнями, пошла к ним на дачу. Я заставила её поехать со мной к гинекологу. Слава Богу, всё обошлось. (Парни не стали

связываться с малолеткой?)..Если это вообще правда. Но это был мне урок — с дочерью надо себя сдерживать.

Потом Юля неожиданно для нас увлеклась религией, абсолютно запрещённой в то время, она запиралась в маленькой комнате, молилась, писала что-то в дневнике и рисовала каких-то антихристов.

И вдруг сожгла свой комсомольский билет. Для мамы это было ужасным ударом — это было огромным социальным преступлением, и, если бы не начавшаяся перестройка, всё могло бы обернуться очень плохо для Юли, её бы исключили из школы и она не смогла бы поступить в институт. Мама сказала, что не простит этого Юле до могилы… Мама вообще была очень лояльным к режиму человеком, настоящим советским человеком и атеисткой, хоть и беспартийная. Всё, что происходило с Юлей для неё было очень тяжко. Для меня тоже, но меня хоть работа развеивала и потом у меня было больше сил.

С 5 класса у Юли была очень активная классная руководительница. С ней они ходили в походы, ездили даже в Гурзуф на весенние каникулы. (Отношения с ней мы поддерживаем до сих пор). В школе Юля продолжала хорошо учиться, но, мне кажется, она выезжала на прежних знаниях и репутации хорошей ученицы.

Она продолжала скрывать свою фигуру, хотя и так была худа, и утягиваться.

К выпускному вечеру Юля часа три примеривала, сшитые в ателье «Детского мира» специально для этого события, два платья — розовое и голубое; надевала то одно, то другое, а потом надела сверху чёрную куртку и так и оставалась в ней весь вечер. Мы, наблюдая всё это, страшно переживали.

Впереди, в возрасте 16—18 лет поводов для наших переживаний стало ещё больше. Юлю очень штормило, нам было страшно. Но я не буду об этом писать, Юля помнит свои безумства, и этого достаточно.

Всё это подкосило маму. Несомненно. Но Юля была не вольна, и я не собираюсь бросить на неё какую-то тень. Лет до двадцати пяти в несчастьях и комплексах детей виноваты родители, потом — дети сами их преодолевают. Если смогут.

* * *

Юля долго шла к своему апогею. И это время пришло. Сегодня она, Слава Богу, вполне успешный человек, на ней держится её семья — муж и сыночек, которому Юля смогла дать

жизнь в возрасте сорока лет.

У неё есть свой небольшой бизнес, она прекрасно водит машину и много на ней путешествует. Уже не я, а она помогает мне деньгами.

Не один раз, когда я к ней прилетала, (а живёт она в Нью-Йорке), узнав, что я мама Юли, ко мне подходили и в церкви, и на ее работе женщины и благодарили меня за то, какая у меня прекрасная, добрая, умная дочь. Я слушала и только диву давалась.

Откровенно говоря, я и не могла предположить такое.

Да, бывают у неё приступы гнева, когда она теряет над собой контроль, и это точно, как было у папочки. Но во всём остальном это добрейшей души человек, помогающий всем и вся. У неё живой ум, высокий интеллект и прекрасное чувство юмора. К сожалению, не очень крепкое здоровье и частые головные боли.

По определённым причинам мне все же тревожно и неспокойно за дальнейшую жизнь дочери, за ее старость. Надеюсь только на Тимошу, сегодня он добрейшей души мальчик, только бы его не испортили обстоятельства…

Юленька, дочурка, я люблю тебя! Будь счастлива, и береги себя, моя сиротинушка!..

Франсиско (продолжение)

…Франсиско купил на Кубе путевку на тур в СССР и к Новому году прибыл с группой туристов в Москву. На Новый год они летели в Волгоград, я купила билет на тот же рейс, и в Волгограде мы сразу поехали к Нине. И новый год встречали у неё. Потом я была вместе с ним и его группой в Ленинграде, потом он улетел. В течение многих месяцев он добивался получения квартиры в любой точке Кубы. И добился: ему дали служебную квартиру в г. Тринидад, что в 350 км от Гаваны и работу адвоката там в адвокатской конторе. После этого он сразу сделал приглашение мне и Юле. Она заканчивала школу, шёл 1985 год. Юле в выезде было отказано. Я пришла к начальнику ОВД и спросила, на каком основании моя дочь не может ехать со мной к моему мужу. Начальник мне ответил, что пусть лучше идёт работать (Юля не поступила тогда в МГУ), на что я ответила, что пусть лучше его сын идёт работать, а моя несовершеннолетняя дочь должна быть со мной. Я поехала в городской УВД, добилась приёма у начальника, и он дал разрешение. Мы стали собираться в дорогу. Я узнала, что можно купить совсем недорогой билет на грузовое судно, отправляющееся на Кубу или из Одессы, или из Ленинграда, и, съездив в Питер, действительно, приобрела билеты на начало октября. Мама нас провожала в Ленинград и до самого причала. Мы везли много вещей: маленький холодильник, две книжные полки и много другого. Ведь на Кубе был абсолютный дефицит всего. Нас с Юлей поместили в двухместную каюту с удобствами, очень приличную. Мы познакомились с несколькими другими пассажирками, едущими на Кубу к своим мужьям. После сурового таможенного контроля мы отчалили. И плыли мы долго: целых 17 дней, а потом 7 дней стояли на рейде, ожидая места у пирса для разгрузки корабля. Неприятно качало в Северном море, и до прохода через Гибралтар меня мутило в легкой и средней степени. А потом, в Тихом океане, стало тепло и спокойно, и можно было наслаждаться плаванием. А в 7 дней стояния в Карибском море мы вообще не выходили из бассейна и загорали на палубе. Я подружилась с Татьяной из Питера, она уже не первый раз совершала такую поездку к мужу, она филолог, любитель поговорить, и мы часами вели с ней беседы, а ее 10-летняя дочка занималась чем-то с моей. Татьяна плохо отзывалась о Кубе, Фиделе, условиях жизни, а я ей противоречила: я тогда была ярым приверженцем Фиделя и кубинской революции. Тем не менее, мы сдружились

и поддерживаем теплые отношения до сих пор! Она давно уже вернулась в Питер вместе с мужем, Маноло вот недавно умер, и она больна, но я каждый раз, как приезжаю в Питер, иду к ней. А с Юленькой приключилась история. Она, в своем стремлении похудеть нормальную пищу не ела, а ела сухие овсяные хлопья. И перестала ходить в туалет опорожнять свой кишечник. Врач решил сделать ей циркулярную клизму, процедура непростая, но должна была гарантировать успех. Не помогло! Врач, раздосадованный неуспехом, бросил реплику что, мол, голову сначала лечить ей надо. Не могу сказать, что он был неправ, но слышать это было неприятно. Наконец, мы на берегу. Долгожданная встреча с Пакито! Мы едем в дом к Исабель, я рассказываю о том, что Юля не ходила 19 дней в туалет и мы идем в университетский госпиталь. Её кладут под наблюдение, подходит высокий врач-негр, засовывает ей палец, куда надо, — и — Юля идёт в туалет! А Франсиско дома, не покладая рук, выжимает сок из апельсинов, и Юля его пьёт литрами. Всё наладилось! Через несколько дней мы едем в Тринидад. Тринидад — туристский город, все туры обязательно включают этот колониальный город в свои маршруты. Идём в новую квартиру. Квартира двухспальневая. Без стекол в окнах, только деревянные жалюзи. (Когда зимой дули ветры, вовсю проникала красная пыль). Кровать, стол и стулья Пако обеспечил. Я привезла раскладушку, на которой спала Юленька; электроплитку с трансформатором (там напряжение 127в), про холодильник и полки я уже сказала. Вода подавалась через день. В других районах города бывало хуже; раз в несколько дней и на два часа. В каком-то смысле это была спартанская жизнь. Ходили или ездили на пляж. С питанием у Юли, правда, проблем особых не было: ели манго, которые сами срывали с деревьев на окраине. Ездили с ней в Гавану, гуляли там, и попали там в ураган, но дом не затопило и всё обошлось, а наша бабушка звонила в дом Исабель, не зная ни слова по испански, но очень испугавшись за внучку… Скоро Юля заскучала. Без книг она вообще не могла существовать. Пришлось купить ей билет на самолёт и через 40 дней её пребывания на Кубе я проводила её в Москву. Она добралась из аэропорта до дома самостоятельно, и, когда позвонила в дверь и бабушка открыла, какой сюрприз это был для неё и сколько радости! Ведь вернуться тогда из-за океана было почти равносильно вернуться с Луны!

А я оставалась в Тринидаде с мужем. Он работал, защищал в суде, и, когда выигрывал дело, его скромно чем-то благодарили, или какими-то фруктами-овощами, или один раз деньгами, и тогда мы пошли в ресторан и я, помню, заказала себе рыбу rape,

которая и в Испании недёшева. А так мы иногда имели на ужин только хлеб с натёртым на него чесноком, и это тоже было вкусно! Франсиско считал, что мне работать уже не нужно: «уже наработалась», а я страдала от безделья, иногда плакала и хотела домой. В конце концов он устроил меня в какую-то контору типа УК, и я ходила инспектировать дома, и условия жизни в них производили гнетущее впечатление: люди жили в коммуналках без удобств, в протекающих хибарах, готовили на подобии керосинок, они жаловались, я записывала, приносила отчёты начальнику, но изменить что-то было безнадёжно. Интересно, что опаздывать на работу было нельзя ни на минуту, зато потом я погибала от ничегонеделания. Начальником был человек по имени Primitivo, так он и правда был примитивный, но зато член партии. В общем, через пару месяцев я не выдержала и ушла оттуда, сказав, что не хочу зря получать деньги. Я очень хотела работать там в туризме. Для этого мне пришлось поехать в провинциальный центр г. Санта Клара в Минтруда и запросить разрешение на устройство на работу в государственное турагентство в Тринидаде. Мне дали такое разрешение на работу исключительно с кубинскими туристами. Но я была очень довольна. Я стала учить экскурсию по городу Тринидаду с его колониальными испанскими резиденциями и двориками и ещё по одному посещаемому красивому месту, находящемуся высоко в горах. Я работала с большим удовольствием: кроме экскурсий ездила на морское сафари с ловлей лобстеров. Но приближался день моего отплытия на родину. В Гаване я купила также билет на отплывающий грузовой корабль на конец мая. Я должна была быть рядом с дочерью, которая снова готовилась к поступлению в вуз. Я думала, что где-то в сентябре смогу вернуться на Кубу. Но Франсиско затаил обиду на меня, за то, что я «приехала к нему с обратным билетом». Написал мне письмо, где высказал эту обиду и сказал, что писать не будет. На этот раз корабль примчал в Ленинград за 12 дней! Рекорд! Помню, я села на поезд из Питера в Москву, было 1 июня, я проснулась в пять утра, смотрела в окно поезда на свежую траву, и мне хотелось выскочить и лечь на эту траву и валяться в ней, наслаждаясь её запахом! Вот, что такое для меня моя родина! Моя природа! Я устроилась на работу в кубинское торгпредство, теперь уже не через УпДК, а с кубинской стороны как жена кубинца, т.е. зарплату получала от них, а трудовая книжка лежала дома. Юля сдавала экзамены в ПедИнститут им. Ленина, опять на филологию и опять провалилась: она стала помогать на экзамене какому-то мальчику и кажется, не успела закончить своё сочинение. В сентябре её устроили на работу в библиотеке

им. Ленина, там тоже не сложилось,

потом в библиотеке ин-та МАТИ, что на Электрозаводской (мы жили рядом — на Семеновской). Но через несколько месяцев начальницы уличили Юлю в ношении в сумке религиозной литературы, и пригрозили, что уволят по статье «Хранение и распространение религиозной литературы». Пришлось поскорее написать заявление об уходе по собственному желанию. А Юля, действительно, пропадала перед работой в церквях, постоянно опаздывала и еще привлекала к себе внимание неряшливым видом. Вот они и взъелись. Плохо помню, но, кажется, в тот год Юля больше не работала.

А я мучилась в неведении о жизни Франсиско. И я не выдержала, и безо всякого его приглашения, получила визу у ленинградского кубинского консула и снова села на корабль, шедший на Кубу. Странно, но этот вояж я почти совсем не помню. Причалили в Гаване, поехала переночевать к Татьяне и наутро на автобусе в Тринидад. Еду и не знаю, что меня ждёт. По дороге в квартиру зашла к одной знакомой русской, которая была замужем за кубинцем, но, кажется, уже не жила с ним. Спрашиваю её о Франсиско: видела ли она его, знает ли что о его жизни? Она как-то неохотно мне отвечает и, вообще, не так радуется встрече со мной, как я думала (ведь нас, русских там раз, два и обчёлся). Очень быстро ушла я от неё, в общем. *(Я только по прошествии многих лет стала думать о том, что у них, вероятно, была какая-то связь. А тогда Франсиско только сказал мне, что она оказалась в трудной ситуации, и он хотел ей помочь и, якобы, предлагал пожить у него в квартире, а она, якобы, отказалась. А девица она была молодая и очень интересная внешне. Но я поверила Франсиско, ведь он был честный и любил меня, и этого достаточно, чтобы не изменять — так думала я …)* Мне открыл Франсиско и как будто не удивился, что я приехала за десять тысяч километров. Вёл себя очень сдержанно. И только по прошествии нескольких дней мне удалось растопить его лёд. Да, теперь я осознаю, что там всё было не просто. И Марина в гости не приходила, не как в прошлый год! Это был конец марта 1987 года. Я приехала на три месяца, я всё равно должна была возвращаться в июне в Москву, чтобы и работу не потерять и с Юлиной учёбой опять определяться. И я уже никуда на работу в Тринидаде, конечно, не устраивалась, а пошла на курсы английского языка. Со мной за одним столом сидел там молодой парень — симпатичный негр. Как-то раз он провёл меня по тем улицам, где в каких-то хибарах жили, в основном, черные. Кажется, я согласилась продать ему свои часы (они все, как цыгане, всегда всё выпрашивали), и пошла с ним, чтобы он отдал

мне за них деньги. И я никак не могла тогда подумать, что эта невинная прогулка по бедной окраине города позже обернется для меня ужасным обвинением.

В июне я улетела в Москву. А в июле получила толстое письмо от Франсиско, в котором он писал, что начал процесс развода, причиной которого указал: Отсутствие формирования семьи как ячейки общества. Кроме того, он писал, что было созвано партийное собрание, на котором обсуждалось моё аморальное поведение в виде связи с тем негром, в чём есть свидетели, подтвердившие, что я входила в его жилище (может, я и заглянула, там двери вообще открыты всегда от жары), и было потребовано, чтобы Франсиско подал на развод, иначе ему грозит исключение из партии как недостойному ее члену! Всё это для меня было полным бредом: и обвинение меня в какой-то связи на том основании, что я прогулялась в черном квартале в компании паренька, и, ещё больше, в том, что это обсуждалось на партсобрании и совсем уже бредово — что Франсиско должен поэтому развестись со мной, иначе то место в Москве, на которое он метил поехать работать и о котором хлопотал, ему точно уж тогда не достанется. Я настолько была шокирована и оскорблена таким бредом, тому, что он этому поверил или на это повёлся, и это всё было так низко, что даже и переживать особенно за потерю мужа! не стала.

И вот в конце августа я узнаю, что с Кубы приплыл корабль с большим количеством новых кубинских сотрудников посольства и прочих. И буквально через день звонок в дверь. Открываю — Франсиско собственной персоной! Очень смущённый, попросил разрешения войти, и начал мне свой рассказ о том, что он был вынужден подать на развод для того, чтобы ему дали место на работу в Москве, от Министерства Высшего Образования Кубы и он теперь в Москве будет куратором кубинских студентов. Просил простить его. Сказал, что, когда я получу извещение об иске, я должна отклонить его. Ну, что? Я поняла, я простила.

Между тем, Юля сдала экзамены и поступила — по моему «наущению» — в Институт геодезии и картографии, на геодезический-астрономический факультет. Пошла, в общем, учиться. Проучилась она там один год, было у неё много неудов, т.к. она очень плохо посещала занятия, и после неудачной летней практики она ушла из этого вуза, сказав, что эта специальность её не интересует. И следующей осенью 1988 года она пошла учиться в медицинское училище, что на Смоленской, из которого в 1990 году ушла за месяц до окончания, чтобы — по её словам — не попасть под распределение.

А нашу жизнь с Франсиско семейной назвать было нельзя. Он

жил в общежитии МГУ, я приезжала к нему, оставалась у него, но его никогда не было дома, приходил он, как правило, поздно, потому что проводил собрания или сам сидел на них допоздна. Я ругалась, говорила ему, что его партийные собрания никому не нужны, и что хватит заниматься глупостями. Ведь перестройка шла полным ходом. Я ходила на всякие митинги и меня даже один раз задержали и отправили в автозак, привезли в какое-то дальнее отделение милиции, проверили документы и отпустили. В общем, настроение было приподнятое. Я ещё помогала какому-то народному фронту составлять какие-то списки, ко мне приходили домой с ними, а Франсиско не только всё это не нравилось, но он ещё вздумал ревновать меня к этим молодым ребятам. У нас Франсиско жить не мог, я заранее знала, что маме это не понравилось бы, а он, по своему гордому характеру, чувствуя её скептическое к нему отношение, сам бы на это не согласился. Для мамы самое важное было спокойствие в доме и комфорт для Юли. А с Юлей было трудно. Про это я, наверно, напишу в отдельной главе. Между тем, пришло из Кубы уведомление о разводе. Я показала его Фр-ко. Он прочитал и ушёл из дома (это было у нас дома). Его не было много часов. Потом, наконец, он позвонил, сказал, что ходил по улицам, не смея посмотреть мне в глаза, я сказала, чтобы он не дурил и шёл домой. Пришёл и произнёс: «Какое же у тебя золотое сердце». И добавил, что мы снова зарегистрируемся. Но до этого дело не дошло.

Однажды мы с Франсиско сильно поссорились, и я совершенно не помню, что было причиной, но скорей всего очередная его ревность. И он написал мне записку о том, что, мол, петухи пропели последний раз и что-то в этом духе, и, что он уезжает из Москвы в другое место, и, кажется, чтобы я его не искала. Через какое-то время я позвонила в их представительство и мне сказали, что он теперь работает куратором студентов в Калининграде. Я узнала адрес общежития и на какие-то праздники купила билет на поезд в Калининград. История повторялась! Обиженный муж и неуёмная добросердечная и великодушная жена! Опять я неожиданно нагрянула к нему в гости, опять он был дома, и опять надо было его «размораживать». В общем, мы помирились, и я провела с ним неделю. Заодно комендант и студенты познакомились со мной как с его законной женой на случай притязаний на него с женской стороны. У их членов партии это было строго, как у нас в прошлые годы. Итак, Франсиско продолжал работать в Калининграде, время от времени приезжая в Москву ко мне и заодно, чтобы увезти кусок мяса из Москвы — там его не было

в магазинах.

В 1988 году я по приглашению испанских туристов совершила поездку в Испанию. Границы уже были полуоткрыты, но пока мало, кто мог этим воспользоваться, т.к. у людей и денег не было, и нужных приглашений, а массовый туризм ещё не начался. В эту долгую (40 дней) первую поездку я посетила, благодаря стараниям моих туристов, много испанских городов: Мадрид, Барселона, Севилья, Гранада, Виго, Сантьяго-де Компостела, Валенсия. Меня изумили рынки, где было всё! И любезные продавцы предлагали всё пробовать, и рыбу они чистили сами! Такого разнообразия продуктов я ещё не видела в своей жизни. Вернулась я с огромным чемоданом подарков и гостинцев. Это было как раз под новый год, и Франсиско уже приехал в Москву из Калининграда, чтобы встретить меня с поезда. И мы справили сначала день рождения Юли — ей исполнялось 20 лет, потом годовщину нашей свадьбы — 27 декабря, а 28 декабря — день рождения мамы. А потом — новый 1989 год.

Я не особенно хорошо помню, как он прошёл. Помню, как Юля исчезла и ее не было несколько дней, а мы с мамой не знали, что думать и что предпринять, пока я не прочитала в ее дневнике про пьюхтинский монастырь и не позвонила туда; разговаривала с наставницей, узнала, что Юля и вправду там, в качестве волонтера, и наставница распорядилась Юле тотчас уехать.

Ещё помню, что работала переводчиком на Международном конкурсе балета, проходившем в Большом театре, с двумя испанскими балеринами и даже с самой Алисией Алонсо, столкнулась с малоприятным миром искусства, где царствуют ревность, склоки, зависть. Там, в буфете Большого театра познакомилась с замечательной Ольгой Белозеровой, тоже переводчицей, из Ленинграда. В дальнейшем я останавливалась у неё в Ленинграде и мы рассказывали друг другу свои истории, она тоже растила дочку одна, мне было хорошо в её компании. *Потом она эмигрировала в Мексику, там вышла замуж за внука Троцкого, отношения у нее с ним, естественно, не сложилось — слишком разные ментальности, а затем ей помогли перебраться в США, в Хьюстон, где она вскоре стала работать переводчиком в НАСА и проработала там немало лет. Ольга ещё раз попробовала устроить личную жизнь, на этот раз с американцем, но скоро они разошлись по той же причине — разных ментальностей. Последнее, что я знаю об Ольге, это то, что после того, как она ушла на пенсию, она часто бывала в Питере, где писала историческую книгу об адмирале Курочкине, несправедливо забытом герое времён японской войны. Сейчас контакт с ней*

оборвался.

Пока я была в Большом театре, я сходила на все его постановки, сидела в самых лучших ложах. В конце 1989 года, когда мама чувствовала себя уже неважно, она решила, воспользовавшись возможностью, «в последний раз» (по ее словам) сходить в Большой, давали только что поставленный балет «Иван Грозный», мама сидела на первом ряду ложи бенуара, и всё же с трудом смогла высидеть представление.

Наступил 1990 год — год смерти мамы…

Смерть мамы

Летом 1989 года один влюбленный в меня безуспешно и безответно испанский турист приехал снова в Москву, (я тогда с группами не работала), одарил меня неплохой суммой рублей, которая ему от обмена на черном рынке очень мало стоила, с тем, чтобы я могла снова посетить Испанию, а я как раз получила приглашение от семьи Унамуно (внука известного испанского писателя) и начала долгий процесс оформления второй поездки в Испанию.

Кстати, из-за писем, которые этот турист мне писал, Франсиско, обнаружив и прочитав их, устроил мне настоящий скандал и совершенно безосновательно: тот турист меня абсолютно не привлекал внешне, и никакого романа я с ним не планировала. Даже мама вступилась за меня со словами: «Слушайте, Людмила никакого повода сама не давала, в письме только восхищение её качествами как женщины и человека, и Вы могли бы гордиться тем, что вашей женой восхищаются», на что он отвечал, что я должна была бы порвать это письмо, а не держать его в столе. Да, ревнив был Пако, и часто очень мимо!

Получив визы Испании, Франции, Бельгии и Германии, я купила билет на поезд (так было дешевле, хотя и очень хлопотно) на 29 марта.

Последнее время мама очень неважно стала себя чувствовать. Помню, как она через силу делала упражнения лёжа от остеохондроза, т.к. у нее болело всё тело. 28 декабря 1989 года мы отметили её 75-летие. Она сама не очень этого хотела, самочувствие было неважное, но я сказала, что отмечать будем обязательно и делала все приготовления: закупки и часть готовок, какую-то часть угощений купила в ресторане Прага. Тогда все праздники и юбилеи отмечались дома, а не в ресторанах. Были приглашены все двоюродные сестры и братья, т. е. мое поколение, из маминого уже никого не осталось; из Калининграда приехал Франсиско (он тогда там работал); мама была очень красивая и всё было замечательно!

Но в конце февраля ее стало тошнить и в начале марта я поехала с ней к гастрологу в поликлинику ГВФ, где она наблюдалась. Гастролог направил ее тут же на УЗИ и принес мне плохой ответ, который скрыл от мамы: было подозрение или на опухоль, или на гепатит С. Потом мы ездили с мамой к народной специалистке, определявшей диагнозы по глазам, и она мне сказала, что мама больна и осталось ей не очень долго,

месяцы.

Я металась, места себе не находила от предчувствия беды и от того, что я должна была уехать. Ведь было несколько месяцев мучительных оформлений моей поездки, были потрачены деньги — с одной стороны. А, если я останусь, откажусь и не поеду, и всё обойдется — ведь я не могла по-настоящему поверить в скорую смерть матери, с которой прожила вместе 48 лет! — то я лишусь возможности хотя бы лекарства хорошие ей привезти оттуда, и много чего ещё очень дефицитного или просто отсутствующего в стране. Ведь шёл 90-й год и всё было уже плохо, (хотя ужас, ужас наступил в следующем году).

В общем, я поехала. Поехала, взяв обратный билет на поезд так, чтобы через 19 дней уже быть в Москве (получалось всего 12 дней в Испании). Я попросила Лёню (двоюродного брата) в моё отсутствие свозить маму на машине на прием к какому-то важному специалисту, но мы получили его невнятное мнение, что это «может быть цирроз». Я звонила из Испании, используя любую возможность, т.е. в каждый свой визит к кому-то я просила позвонить в Москву. Я всё надеялась на чудо, но каждый раз я слышала её слабый голос, говорящий мне, что чудо не наступало. И я сильно терзалась. Не спала, а как-то в центре Мадрида на прогулке мне стало плохо, и я еле добралась до дома. В общем, поездка была печальной и единственным ее оправданием были лекарства, которыми меня снабдили друзья, и всякие соки, и фрукты, которыми я надеялась подкормить маму. На вокзале меня встретила т. Валя (мамина подруга молодости) и сказала, что мама уже слегла, почти не встаёт, она без сил. Это было 17 апреля.

Я приехала домой, мама лежала, я обнимала её и плакала. Юли, как обычно, не было дома. Привезенные соки пригодились, но аппетита у неё не было никакого, а тошнота подступала всё сильнее и чаще. Я вызвала онколога из онкодиспансера, он, осмотрев маму, прошел в кухню и там сказал мне, что у неё уже 4я степень рака поджелудочной железы, метастазы. Это был приговор. Я пыталась звонить и искать знахарок, но мама отказывалась от сомнительных методов лечения. Для меня вопрос стоял уже в том, как облегчить её страдания. Я поехала в больницу на ул. Вавилова, где лежат онкобольные, по дороге я была, как в страшном сне, мне казалось, что это какое-то наваждение, не может же случиться то, что нельзя пережить, нет, не может, и как же так, а что же я буду делать без неё? Вот как будто дыхание чего-то страшного приближалось, а я не в силах была его отвратить! Приехала я тогда в эту больницу, зашла в отделение тяжелых онкобольных, увидела их, и, как сейчас,

стоят передо мной глаза одного ещё не старого мужчины — какая безнадёга была в этих глазах! И решила, что нет, сюда я маму не повезу (хотя не факт, что туда было бы легко устроить, но я знала, что, если б было очень нужно, я своего добилась бы, пробила!) Но мне было не нужно.

Я ухаживала за мамой, ночью она часто звала, а мне, как нарочно, страшно хотелось спать, конечно, я здорово недосыпала, но это было неважно. Склонялась перед ней на коленях, просила у неё прощения за всё, всё, что я ей принесла, она улыбалась через силу и гладила меня по голове… Я делала ей уколы, но сильных болей у неё не было, была рвота и слабость. Наступило 1мая, а у нас сильно топили, батарея была огненная, и ей было тяжело. Я попробовала батарею отключить, но пришли из ЖЭКа, сказали, что соседи пожаловались — им холодно (?!), и заставили включить батарею. Маме сделалось хуже, и я вызвала неотложку. Приехала неотложка, и в ней был врач, который уже к нам приезжал как-то раньше, и я попросила его отвезти маму в больницу, в обычную больницу. Что-то ему дала, он согласился, но сказал, что не гарантирует, что её не завернут обратно. Мы поехали, привёз он нас в 54 б-цу, что в Черкизово, там маму приняла врач, приятная толковая женщина, которая мне сказала, что маме осталась неделя жизни, но что она её возьмёт в терапию, т.к. у неё «есть температура и признаки простуды».

С того дня я почти не вылезала из больницы, иногда меня сменяла Юля, на ночь я уезжала, а в 8—8:30 я была у мамы. Когда её мучили боли, ей кололи морфий, который врач брала где-то, т.к. я делала ей какие-то подношения, а вообще и с лекарствами, и с простынями и прочим был мрак! Приехал Франсиско из Калининграда, чтоб навестить маму. Как-то мама, глядя на нас с Юлей, спросила сквозь силу: «Как же вы будете жить без меня теперь?» Я сказала: «Разменяем квартиру». (*Ох, вот только прямо сейчас, когда я пишу эти строки, я подумала: а ведь мама до конца, может, надеялась, что сможет выздороветь; ведь она произносила как-то, что, похоже, у неё гепатит С или цирроз печени, а я ответила ей так, что ей стало понятно, что это конец)*…

17 мая я приехала из больницы домой очень поздно. Легла спать, но не спалось, ночь была мучительная, заснула я под утро, поэтому в больницу приехала попозже, чем обычно, в 9 часов утра. Увидела маму в коме: она была без сознания, тяжело дышала. Соседка по палате сказала, что она так уже несколько часов, что перед этим ночью звала маму.

Примерно в 9:15 мама глубоко вздохнула и… всё! Я позвала врача, и она подтвердила, что мама мертва. Я была в больнице ещё какое-то время, маму перевезли в коридор. Мне было там

делать уже нечего! И я уехала. Помню, что в тот день у меня был визит к врачу в поликлинику УпДК, и я поехала туда, потому что мне было и плохо, и куда-то надо было ехать. Там я какое-то время полежала, мне сделали успокаивающий укол, и я отправилась домой. Юля уже встала. Я помню, на кухне сообщила ей прискорбную весть. Юля страшно ахнула. Потом быстро ушла, конечно, она пошла в церковь. Надо тут сказать, что за несколько дней до этого она пригласила к маме священника, и тот исповедовал и причастил маму, при том, что она была неверующей.

Маму похоронили на Хованском кладбище рядом с могилой её мамы. Приехала Нина — моя двоюродная сестра из Волгограда и ее дочки Марина и Аня, и Славик — двоюр. брат тоже приехал. Когда ехали на кладбище в автобусе, Юля, до этого не плакавшая и вообще застывшая и ни с кем не разговаривавшая, разрыдалась и рыдала горько и безутешно, с большим трудом Лёня её смог успокоить.

И началось время без мамы. Франсиско улетел на Кубу. Перед расставанием он, раньше не хотевший слышать об эмиграции в Испанию, вдруг предложил мне лететь с ним и остаться во время посадки самолёта в Канаде (там все желающие кубинцы так делали, и канадцы их принимали). Я сказала, что сейчас нет, т.к. не могу оставить Юлю одну после такой травмы как смерть любимой бабушки, к тому же, наступает лето и ей надо будет снова куда-то поступать учиться. А я на могиле матери обещала, что её внучка получит высшее образование, как она об этом мечтала. Кроме того, надо было оформить могилку, для чего надо ждать около года. Я предложила ему сделать такую высадку из самолёта после того, как он вернётся в Союз и будет ехать обратно в отпуск, т.е. через год-два.

Но скоро я начала получать письма от Фр-ко, в которых он только и упрекал меня в какой-то недостаточной верности, вспоминал наши плохие моменты, и про то, что я уехала с Кубы, но ни слова и ни вопроса о том, каково мне сейчас, какое у меня состояние. Кроме того, он написал, что вакансии для работы в Союзе больше нет, и это было правдой — в конце 1990 года Советский Союз развалился, и кубинское посольство сократилось до минимума. В конце концов, я перестала отвечать на его письма. Я посчитала, что наши отношения себя исчерпали. Но я об этом уже и не переживала. Я находилась в глубокой затяжной депрессии.

Я пребывала в оцепенении, мои чувства были заморожены,

меня ничто не могло внутренне обрадовать. Это была настоящая долгая депрессия, длившаяся год, до самого моего отъезда в Испанию. Да, я твердо решила еще раз поехать в Испанию и попытаться там зацепиться.

На тот момент я уже не работала в торгпредстве Кубы. Я давала частные уроки, но осенью оформилась на работу инженером в проектный институт, где работал один мой знакомый. Я задалась целью восстановить некоторые знания проектной работы, думая, что это могло бы мне пригодиться в Испании. Конечно, оклад был не то, что прежде, и карьерную лестницу в проектной работе было делать поздновато.

Но я шла к Испании.

Эмиграция

Да, я решила, что сразу после годовщины смерти мамы и установки памятника на могилке, улечу в Испанию. Три подружки из Барселоны сделали мне приглашение.

А тем временем, в свободное от работы время, я помогала испанской семье — моим бывшим туристам, в организации их пребывания в Москве в связи с лечением их сына, попавшего в автомобильную аварию и ставшего параплексиком, т.е. нашла им съемную квартиру, водителя, помогала в разных вопросах. Перед отъездом они спросили меня, как им меня отблагодарить, и я попросила сделать приглашение для моей двоюродной племянницы Марины из Волгограда. Почему ей? Юля поехать не могла и не хотела, а с Мариной тогда я была в хороших родственных отношениях, Марина приезжала на похороны мамы, я хотела как-то отблагодарить своих волгоградских родственников в её лице, и я знала, что для неё эта поездка будет желанной — тогда это был редкий шанс выехать в капиталистический мир, и никто не мог предположить, что через несколько лет тысячи наших туристов хлынут в Европу и, в том числе, в Испанию.

Я работала в проектном институте на Тимирязевской с очень скромной зарплатой в 150 руб. — занималась реконструкцией пятиэтажек в каком-то городе Костромской области (не помню название города), съездили туда в командировку. По воскресеньям давала частные уроки испанского, что давало ещё немного денег. Но я понимала, что всё это должно быть временным явлением и что я обязательно должна что-то изменить в своей жизни.

На письма Франсиско я уже не отвечала, он, кроме упрёков ничего не предлагал, эмоционально не поддерживал, а наоборот, и я считала, что наш брак распался безвозвратно.

Параллельно я искала размен. И вот вроде я нашла устраивающий меня вариант — нашла маленькую двухкомнатную квартиру на первом этаже у м. Щёлковская — для Юли, плюс комнату на Бауманской в доме под снос, т. е. с ближайшей перспективой получения отдельной квартиры — для меня; правда, с немаленькой доплатой, которую обеспечивали оставшиеся мамины три тысячи. Я перевела деньги адресату, и сделка у нотариуса состоялась. И вот, когда пришёл черёд выписки и прописки, другая сторона вдруг отказалась — передумала! Я была в шоке. Ведь только что было объявлено о дефолте и девальвации! Я потребовала вернуть мне деньги в их

полной первоначальной стоимости. И, конечно, определённое количество нервов мною было потрачено на то, чтобы заставить её сделать мне обратный перевод на сумму, эквивалентную той, первоначальной. В противном случае я должна бы была подавать в суд, а это никак не вязалось с моим задуманным выездом в Испанию.

С Юлей же отношений не было почти никаких. Кроме того, что её пропадания и приключения (в частности, со сломанным носом) продолжались, и тогда мне приходилось как-то реагировать. А к весне Юля собралась в монастырь. В мае она собрала сумку, сказала мне. Что на днях уезжает в недавно открытый Толжский женский монастырь, и что, если я даже и приеду туда её навестить, то больше десяти минут она мне уделить не сможет. Я была в отчаянии — я теряла свою трудную, но горячо любимую дочь, теряла вероятность продолжения рода, а дочь, — в моём понимании и представлении, конечно, — обрекала себя на заточение, отсутствие жизни, и на преждевременное её затухание. Я спросила, есть ли у неё благословение от духовного отца, на что она сказала, что её благословил не тот духовный отец — сергиевопосадский монах (забыла его трудное имя, но, кажется, Максимилиан), которого я знала (сама к нему ездила говорить о Юле), а какой-то старец. Я стала дозваниваться о. Максимилиану (а это непросто сделать), наконец, мне удалось, кажется, он сам позвонил мне по моей великой просьбе; я сказала ему о решении Юли, он подтвердил мне, что благословения ей на уход в монастырь пока не давал в связи с тем, что Юля не получила родительского, т. е. моего благословения, спросил, когда она будет дома, чтобы он ей позвонил; мы договорились о времени, но, когда Юля пришла домой и я ей сказала, что будет звонить о. Максимилиан, и он позвонил, она к телефону не подошла.

И всё же это оказало на неё определённое действие — в монастырь она тогда не уехала. Но вопрос оставался открытым.

18 мая исполнился год смерти мамы, временный памятник на могиле был поставлен (позже появился уже постоянный).

24 мая приехала Марина и 25го мы улетели в Барселону.

Прилетели — никто нас не встречает. Мы с Мариной сидели на улице и ждали. Через три часа девушки появились!? — сказали, что задержались так пока все трое не собрались. (что было вне нашего понимания). Повезли на квартиру, где жили две из них (снимали, конечно). Мы были голодные. Не тут-то было — ни чаем, ничем другим нас угощать не спешили, посадили в гостиной, стали разговаривать. Позже сказали, что будут готовить ужин (ну, как же — у них же режим — приём пищи

в определённое время, причём, ужин не раньше десяти вечера!) Я уже тихо их ненавидела! Я знала, что все испанцы питаются почти в одни и те же часы, но — чтобы так — не предложить ничего перекусить и попить — это было… возможно, по-каталонски, а. возможно, чисто персонально.

В 10 часов вечера Марина сказала, что хочет спать, я им перевела — теперь они были в шоке: они же только собрались начать вечерне-ночные посиделки! По телеку шло ток-шоу с темой о России и её событиям — Россия была тогда первой темой; девушкам было так интересно порасспросить у свежей россиянки мнение по всему, что происходило у нас, а тут — спать она хочет!…

Я тоже считала, что раз мы приехали жить на их иждивение, то должны адаптироваться к их образу жизни. Но Марина, видимо, думала по-другому. *Впрочем, как думала Марина, я потом поняла и много раз убеждалась — Марина никогда не сделает того, что может ущемить её собственное пространство, её удобство, её комфорт. При всей её внешней мягкости и обходительности. (Кстати, это — черта и Вити, её сына).*

Позже, эти девушки (кстати, теперь я думаю, что все трое были лесбиянки, ну, двое, что жили вместе и, кстати, спали в одной кровати — сто процентов. Но тогда я ещё в этом направлении думать не умела) написали мне «коллективное» письмо (подписались все трое), изобличая нас с Мариной в свинстве и нечистоплотности — и что бумажные бигуди оставляли в постели (это Марина), и что не спускали воду в туалете (тоже Марина), и что мыли пол в комнате не той шваброй (не помню, может, и я) и что говорили по телефону с Россией и наговорили на много денег (это я, но т. к. обе девушки работали на телефонной станции, я почему-то была уверена, что они эти разговоры спишут). Много чего ещё они написали о нас как о полных abusadoras (злоупотребительницах) и вообще нелестного о русских, и о том, что они будут следить за моим (я же собиралась остаться в Испании) пребыванием в Испании с тем, чтобы я больше не злоупотребляла вниманием испанцев. Поскольку Марина испанским не владела, все помои от 35-летних политизированных бессемейных особ вылились на меня.

Тогда, в Барселоне, мы были, по существу, без денег, и мне надо было срочно уже что-то предпринимать. Я смотрела все объявления, но везде требовалось разрешение на работу. Но я всё же нашла через католическую церковь работу в одном доме по уборке. Пока Марина ездила на пляж, я приступила к этой работе. Это был первый мой экспириенс такого рода. В том доме

нужно было гладить уйму белья (в доме было трое детей), что я делать в своей жизни не любила, но тут пришлось. В первый конец недели хозяйка мне заплатила, я пришла «домой», сказала Марине: «Ура, у нас есть деньги!» И мы пошли в магазин покупать то, что нам хотелось поесть; помню, накупили каких-то дешёвых нестандартных перезрелых бананов и объедались ими — у нас в Союзе они были в большом дефиците. Кстати, однажды, хозяйка предложила мне немного молока, а я сказала, что молока не хочу, а можно ли взять банан, из тех фруктов, что лежали на тарелке на столе, на что она ответила, что нет, т. к. «этот банан последний».

В конце следующей недели я сказала хозяйке, что должна уехать в Мадрид проводить племянницу. Марина улетала из Мадрида, там у неё было ещё два или три дня, чтобы познакомиться с Мадридом. Т.е. я отпросилась у неё на три дня, и, хоть хозяйке это не понравилось, но, т. к. была пятница и она мне уже заплатила за прошедшую неделю, мне было не очень важно, понравилось это ей или нет, тем более, что я была почти уверена, что в Барселону я не вернусь — мне надо было сначала определиться с местом проживания.

Мы уехали в Мадрид, где остановились в доме той семьи, что сделала приглашение Марине. Там тоже не очень-то обильно нас кормили. Эти люди не были моими друзьями, просто обстоятельства нас связали на время, хозяин семейства вообще был франкистом и русских любить не мог. *Я тогда ещё не совсем понимала разницу в отношении к пище между нами и ими. Сейчас для меня, живущей много лет в Испании, абсолютно нормально, что, когда мне говорят за столом: «Попробуй, какой вкусный сыр», то отрезают пластик сыра от куска и дают попробовать, а не так, как у нас — нарезают его целую тарелку для двоих, и потом этот сыр «заветривается», а ведь хороший сыр — недешёвый продукт. Но тогда нам это было дико.*

Марина улетела, мне надо было определяться. Программой минимум было заработать денег за лето и вернуться в Москву. Программой максимум было зацепиться за что-то, чтобы остаться.

Эти люди нашли мне работу интерной в загородном доме для ухода за одной абсолютно парализованной вегетативной (овощной) старухой, с обещанием родственников сделать мне в перспективе контракт на работу. Я понимала, что перспектива, скорее всего, дальняя, но выбора у меня не было, я согласилась — те люди, у которых я находилась эти 4—5 дней, моё пребывание в доме экономных испанцев им было не нужно, и меня привезли в тот дом за городом.

Через три дня я оттуда уехала: в том доме жил умалишённый

50-летний сын, трепетно относившийся к своей беспомощной матери, и ему не нравилось, как я ухаживаю за ней. А мне было больно и неприятно видеть, в каких супергигиенических условиях пребывает эта обезумевшая старуха на фоне условий пребывания в больницах наших больных, и, в первую очередь моей дорогой мамочки. Мы поняли друг друга, и сын позвонил своим братьям и сестрам, чтобы они приехали за мной. Я вернулась к моим испанцам в дом, они были обескуражены и очень недовольны: как же, они думали, что сделали великое благородное дело, а я не оценила, да ещё и вернулась. Но я, конечно, не собиралась у них оставаться. Я уже знала, что они сняли квартиру для одной «реабилитаторши», которую они пригласили для своего сына. Я с ней познакомилась ещё в Москве, когда там помогала этой семье, ездила с ними в институт Дикуля, где, как раз, работала Ирина. Это была простая, очень добрая, компанейская девчонка. У Ирины ещё в Москве я была в гостях, она знала, что я улетала в Испанию, а я знала, что она скоро тоже там будет. И вот она приехала с мужем и сыном на три месяца, чтобы продолжить реабилитационные занятия с сыном испанцев. Я узнала её адрес и пошла к ним. Ира предложила остаться у них в квартире, одна комната у них пустовала. Конечно, я была очень рада и признательна и перебралась к ним. Но нужно было срочно найти работу. И я нашла её на следующий же день. Её муж помогал в одной автомастерской и хозяину нужен был человек, чтобы навести порядок в только что отремонтированном их доме. Работала до трёх дня и потом мне предлагался обед. (Чувствуете разницу между каталонцами и испанцами?) Я проработала у них около месяца, пока не привела всё в порядок, потом необходимость во мне отпала.

Была середина июля. В том же районе (Fuencarral), где я жила, увидела на столбе объявление, что фабрике по изготовлению авторадио требуется уборщица на месяц (на замену постоянной, ушедшей в отпуск). Я тут же пошла на фабрику, кадровик спросил, есть ли у меня разрешение на работу, я ответила в том духе, что, если бы оно у меня было, то я — инженер с высшим образованием, — наверно, к ним бы не пришла. Он сказал, что желающих много (кто бы сомневался — обычная вещь в Испании), что позвонит «por la tarde». Обычный ответ. Но он позвонил! Сказал, что берёт меня, потому что хочет мне помочь. *(В общем, так тогда относились ко всем бывшим советским, благодаря Горбачёву, освободившему мир от напряжения холодной войны).*

На фабрике я убиралась в цехах, кабинетах, по всей территории; там я узнала, что 8-часовой рабочий день — это,

когда вкалываешь все восемь часов с маленьким 15-минутным перерывом на перекус, а не так, как было в Союзе, где за восемь часов успеваешь и поговорить по телефону, и поболтать (а кто-то покурить не раз), в общем, расслабляться неоднократно.

Дважды из кабинета мне удалось позвонить в Москву, поговорить пару минут с дочкой. (Я так пиратствовала, потому что звонки в Москву были очень дорогие).

По окончании месяца моей работы мне очень хорошо заплатили и премировали часами фабричного производства.

Была середина августа 1991 года. Трёхмесячная виза скоро заканчивалась. Мне нужно было решать вопрос о возвращении или невозвращении. Я ломала над этим голову. И вот — 19 августа — путч в Москве. И я принимаю решение: иду в Красный Крест, вижу огромную очередь на улице, состоящую, главным образом, из арабов и африканцев, прохожу мимо очереди, захожу внутрь, подхожу к окошечку, беру бланк, заполняю и… подаю заявление на предоставление политического убежища. Всё! Решено и сделано! (И без всякой очереди — добавлю я).

Меня, конечно, страшит невозможность выезда и скорой встречи с дочкой. Я звоню Юле, сообщаю о решении. Она в ужасе. Я успокаиваю её тем, что мне будут платить пособие, я буду работать, и я смогу высылать ей всё, что нужно, а нужно там было всё, не было ни еды, ни одежды, ни денег. Да, именно это было моим оправданием оставления Юли одной, ведь в монастырь она так и не уехала.

Скоро мне выделяют пособие — 40 тысяч песет (где-то 300евро). Я ищу очередную работу. И нахожу её довольно быстро: меня берут посудомойщицей в аргентинский ресторан «Beef Place» — опять же помогла моя национальность и ещё, наверное, приятная внешность (управляющим ресторана был моложавый француз).

Трудненько мне было на этой работе, скажу я вам. Темп нарастания груды грязных тарелок не давал возможности передохнуть, было жарко от двух посудомоечных камер, и нужно было, как на конвейере, выполнять три-четыре фазы операций. Я работала в вечернюю смену — самую загруженную, начинала в полчетвёртого и заканчивала в будни около 12ти ночи, а в пятницу и субботу — в 2—3 утра. Я проклинала своё правительство, вынудившее меня — специалиста с высшим образованием, зарабатывать себе и дочке на жизнь такой физической нагрузкой и в среде полуграмотных испанцев.

Но оно того стОило! В октябре вышло постановление испанского правительства о легализации иммигрантов,

и в Красном Кресте, куда я иногда ходила помогать с переводом другим русским иммигрантам, мне сказали, что для тех, кто приехал в Испанию до июня 91 года и имеет преконтракт на работу, может получить разрешение на работу и вид на жительство — при отказе от прошения об убежище. Мне оставалось просить своего управляющего сделать мне контракт. И он, не сразу, не спеша, но всё ж его сделал! И я отказалась от своего прошения, подала документы и стала ждать решения.

Да, я написала Франсиско, что я в Испании, сказала, что, если он хочет приехать в Испанию, то я буду собирать деньги на билет ему; когда соберу — правда, не знаю, но через год точно соберу. Он ответил, опять упрёками, что я это сделала, не считаясь с его мнением, и что он не собирается приезжать в Испанию, где его по приезде поместят в лагерь для перемещённых лиц, откуда он всё равно не сможет со мной видеться (в общем — бред!) Мне даже стало его жалко, но и только!

Иммиграция
Год первый

День, когда я получила документ о виде на жительство с правом на работу, был самым счастливым с момента смерти мамы. Это был февральский день 1992 года. Я могла поехать в Москву и увидеть мою дочь! И можно было подумать о менее тяжёлой и непрестижной работе! Один мой друг (из бывших туристов) Хайме из Барселоны познакомил меня с сирийским арабом Саидом, у которого было несколько бизнесов в Кастельоне, небольшом городе на берегу Средиземного моря, с целью устроить меня к нему на работу в офис. Для этого в какой-то апрельский день Хайме приехал за мной в Мадрид и отвёз в Кастельон. Мы договорились, что я приеду к Саиду в Кастельон после моих каникул и поездки в Москву в мае. Хотя мне было жаль расставаться с Мадридом, где у меня были друзья, и уезжать в какой-то провинциальный город. И мне было вдвойне жаль, потому что я уезжала от человека, в которого была влюблена.

Да, с октября я встречалась с Анатолием, иммигрантом из Белоруссии, где он был инженером на заводе, а в Мадриде работал на сносе старых домов. Познакомились мы летом в греческой православной церкви, и поначалу у меня не возникло никаких эмоций по отношению к нему, и не удивительно, ведь блондины меня как женщину не привлекали, да и моложе меня он был на целых 10 лет (правда это не было особенно заметно). Просто иммигранты в период своей адаптации в незнакомой и нелёгкой жизни нуждаются в поддержке. И моя приятельница Ира, у которой я тогда жила, пригласила его на чей-то в её семье день рождения. Но это было летом и до октября я его и не вспоминала. И вдруг под каким-то предлогом он мне позвонил, мы встретились и …началось. Мы влюбились друг в друга и первые месяцы были просто как наэлектризованные: каждое прикосновение вызывало желание. По воскресеньям мы обычно всей русской компанией собирались в квартире, где я снимала комнату. Толя играл на гитаре, и мы пели и ещё много смеялись. В общем, мы хорошо и весело проводили той зимой наши выходные. Кажется, я никогда ни прежде (не считая моментов молодости), ни потом столько не смеялась, ведь вроде мне это было не свойственно.

Но Толя был женатым человеком с двумя детьми, и его семья ждала от него приглашения для приезда в Испанию. А в Испании

он находился уже третий год. С одной стороны, он не спешил приглашать к себе жену с детьми, к тому же все обещали, но никто из испанцев не спешил помочь ему с приглашением. А экономическое положение везде в бывшем Советском Союзе было таким плохим, что детей обязательно надо было привезти. И вот я попросила свою аргентинскую приятельницу, с которой мы работали, сделать для толиной семьи такое приглашение. При этом я понимала, что с её приездом отношения наши должны закончиться, я бы никогда не стала делить с кем-то мужика, тем более, на вторых ролях. Да нет, об этом не могло быть и речи, хотя Толя уговаривал меня не уезжать. Поэтому мой предстоящий переезд в Кастельон должен был стать логичным завершением наших отношений. Понимать понимала, но мне это далось с большим трудом. И когда я уже была в Кастельоне, а его семья в Мадриде, он слал мне письма, в которых всё писал о своих чувствах и о том, что благодарен мне за те незабываемые дни, что провёл со мной. А у меня сердце плакало…

Но раньше, в мае я, рассчитавшись со своей работой посудомойки в ресторане, улетела в Москву. Я не видела свою доченьку и свой дом уже почти год. С собой везла огромный чемодан вещей и гостинцев. Юлюня жила уже одна в нашей квартире (всю осень она жила в семье одних знакомых ей прихожан, а зимой у нашей хорошей соседки с 4 этажа) и работала в церковном киоске. Квартира находилась в ужасном состоянии полной антисанитарии: везде летали мухи, а под ванной скопились кошкины экскременты и стояла вонь, грязное нижнее бельё грудилось в баке. Пришлось повозиться с уборкой. Потом пошла в магазин и купила стиральную машину полуавтомат. Да много чего я накупила в дом и ещё пригласила всех своих двоюродных — Аллу, Лиду, Лёню с женой, троюродную Лиду к себе в гости на обед, закупив продукты на рынке, что немногие в то время могли себе позволить. В общем я чувствовала себя богатенькой и уверенной в правильном выборе дальнейшей судьбы, и мне хотелось сделать праздник другим!

Ведь на улицах царила нищета, у станций метро стояли вереницы людей, продавая предметы своего домашнего скарба. В течение всей прошедшей зимы я с оказией отправляла дочке посылки с одеждой и продуктами, и у неё было всё необходимое.

Правда, дочь продолжала оставаться со мной замкнутой и малообщительной. Перед моим отъездом в начале июня она сказала мне, что будет снова поступать в МГУ на филологию, на платное отделение и спросила, буду ли я платить за учёбу. Конечно, я была согласна, тем более что деньги эти были небольшие.

Год второй

Мой обратный билет из Москвы был уже не в Мадрид, с которым я простилась, а в Барселону, где я остановилась на пару дней в доме своей испанской знакомой и дальше поехала прямо в Кастельон. Приехала и пошла через весь город со своим огромным чемоданом к офису Саида. Саид поместил меня в своём загородном доме в Беникасиме, целыми днями я сидела в его офисе, но не было никакой ясности по поводу моей работы. Дня через три он, наконец, сказал мне, что пока работы у него для меня нет. Ну, типичный мутный азиат! Правда, разрешил ещё пожить в его чалете (chalet). Одна хорошая девочка, работавшая у него, повезла меня в Беникасим к своей, жившей там подруге, чтобы спросить ту о работе в Беникасиме (в Беникасим на побережье каждое лето приезжали мадридцы, у которых было тут второе жильё, и было очень много народу). Подруга отвела меня к Лео, у которого в аренде был ресторан и бар, и Лео сразу согласился взять меня на работу в качестве кассира, и даже покормил обедом: такое великодушие не вязалось с испанцем, но и подвоха я не увидела, поэтому он мне сразу понравился как хозяин. Позже он разместил меня в квартиру, где уже жили пять его молодых работников. Первые две недели я стояла за стойкой бара, всему обучаясь; горячий сезон ещё не наступил и обстановка была спокойной для обучения. А с июля меня уже перевели в ресторан и посадили за кассу. К работе я быстро приноровилась, но нужно было работать много часов и в августе было очень душно (кажется, и кондиционера-то не было или его было недостаточно) и однажды я чуть не упала в обморок. (Мои сосуды вообще очень плохо переносят духоту). Работала я в вечернюю смену, когда начинался основной приток клиентов, с 4х и до 12 в будни, и до 2х в конце недели, выходной — воскресенье. Утром я ходила на пляж.

В июле по моему приглашению приехала моя институтская подруга Лиана — чтобы немного заработать, я уже договорилась с Лео, что она будет работать три недели уборщицей в ресторане. Сначала мы с ней жили в доме Саида, потом она жила там одна — мне было удобней жить в общаге ближе к работе. Когда прошли её три недели и она должна была уезжать на автобусе в Мадрид, она чуть не опоздала на автобус в ожидании, когда ей заплатят, и хорошо, что я сказала, что она уезжает в 12, потому что принесли деньги в 4, и автобус был почти в это же время. История с зарплатой Лиане мне не очень понравилась, она вселила некоторые сомнения в Лео. Нам ведь вообще

не платили — Лео сказал, что заплатит сразу в конце сезона, т.е. в конце сентября, оставалось только верить и работать. Хорошо ещё, что раз в день кормили и поили кофе.

А в конце сентября Лео расстался со всеми, не заплатив никому! Я ждала каждый день зарплаты, а Лео рассказывал, как он хочет организовать в Беникасиме международный фестиваль короткометражных фильмов и какое место в его организации он отводит мне. Но вот наступил последний день работы по контракту, и Лео объявил — извините, заплатить не могу, денег нет. Мои мечты снять приглянувшуюся мне квартирку в Беникасиме были разбиты. Мы подали на Лео в суд, наняли в Рабочих Профсоюзах (CCOO) адвоката, Лео объявил себя банкротом, и государство выплатило причитающиеся нам деньги только через полтора года!

Пришлось мне снять дешёвую комнату в Кастельоне в квартире с 5 мужчинами, но мне они не мешали, я всё время работала, а когда не работала — спала. А работала я у Саида в пабе, где он предложил мне быть хозяйкой, т.е. отвечать за кассу (он частенько приезжал в наш ресторан и всё следил за чашкой кофе, как я работаю на кассе, и потом сделал вывод, что я «спасла Лео кассу»). Одновременно хитрый араб взял на работу опытного бармена, и тот, конечно, не желал мне подчиняться в смысле подотчётности, короче, Саид не доверявший вообще никому и всех подозревавший, столкнул нас лбами, и вскоре этот бармен ушёл. Я осталась одна. Но я знала уже работу бармена, могла приготовить разные коктейли с мудрёными названиями, так популярные у испанцев, и справлялась с ней даже в горячие моменты, когда в конце недели паб заполнялся людьми. Паб открывался в 5, я приходила в 4 и в выходные работала часов до 2—3 ночи. Но такая работа не могла, конечно, меня устроить, это было не моё. С другой стороны, и Саид мог не продлить контракт, вечно недовольный небольшим приходом, и он всё чаще поговаривал, что хочет продать паб.

Однажды зашла в паб одна, уже знакомая мне, клиентка и сообщила, что слышала по радио объявление о работе переводчиком в один офис в Валенсии. Через пару дней я поехала к ней в Нулес, взяла номер телефона и позвонила, не особенно на что-то надеясь. Мне назначили день интервью, и я поехала в Валенсию. В ожидании интервью там уже сидела пара человек, и желающих было по нескольку человек каждый день. Со мной встретился шеф, Рафаэль и порасспросил меня о том, о сём, в частности я сказала ему, что я по образованию инженер городского строительства, что его заинтересовало. Моим слабым

местом был возраст — 50 лет, и я не очень понадеялась, когда мне сказали, что мне позвонят. Тем более, испанцы всегда так говорят, но звонят только тогда, когда им это нужно, а не из-за обещания позвонить и сдержать слово. В течение недели мне не звонили, и я решила, что не стоит об этом и думать, когда мне позвонили и попросили приехать ещё раз на интервью. И, оказалось, что Рафа и в самом деле решил взять на работу не просто переводчика, а инженера с русским языком и, кроме того, имеющего, где жить в Москве. В общем, я подошла ему объективно по всем основным параметрам. В результате нашего второго разговора мне предложили контракт на полгода с окладом 1000 долларов в месяц и немедленную поездку в Москву в командировку месяца на три. Я была в восторге. Это был ещё один выигрышный билет в Испании и вообще в моей трудовой биографии.

Рафаэль мне дал с собой сумму денег и сказал при этом, что понимает, что рискует, но всё же хочет надеяться, что не подведу. И я, будучи благородным и благодарным человеком, (есть эти качества во мне от моих родителей и предков!) естественно, не то что его не подвела бы с деньгами — я готова была молиться на него! Тем более, что он мне показался очень приятным и … чем-то напомнил мне мимикой лица Хусейна…

Я проработала на Рафу в Москве около двух лет, каждые три месяца я ездила в Валенсию с отчётами о работе, за деньгами на расходы и за получением новых инструкций, затем возвращалась в Москву. Сначала идея Рафаэля была создать Joint Venture с одним из бывших руководителей комитета по физкультуре и спорту, прикарманившим государственные денежки, чтобы покупать, реставрировать и затем продавать квартиры в центре Москвы или в хороших домах. И с этой целью Рафа вложил, а попросту передал этому типу больше двухсот тысяч долларов, и нужно было как-то контролировать его деятельность, или бездеятельность. Но скоро ему стало понятно, что дела не будет, что ему только морочат голову обещаниями, и надо лететь в Москву и что-то предпринять, чтобы спасти свои деньги. Прилетев в Москву (я забронировала ему отель Будапешт), он нанял адвокатшу с хорошим английским, и обязал подписать своего партнёра долговое обязательство, по которому тот должен был погасить долг в обозначенный срок. Но проблема была в том, что русский партнёр возвращал ему только часть денег наличными, а основная часть долга погашалась тремя квартирами, которые, по его словам, были готовы к продаже. А продавать их должна была я. Для этого Рафа в срочном порядке оформил фирму «Петра», назначив меня её генеральным

директором, и вот покупателем этих квартир и должна была стать «Петра» в моём лице, а, купив, начать их продавать. И, соответственно, я как гендиректор должна была подписать передачу этих квартир моей фирме. Но всё там же, в офисе нотариуса, я просмотрела бумаги и обнаружила, что одна квартира совершенно не была готова к продаже — в ней были зарегистрированы люди и отсутствовали и другие необходимые документы. Я сказала шефу, что не могу подписать передачу мне этой квартиры, т.к. она не готова для продажи. Рафе нужно было уже мчаться в аэропорт, времени у него оставалось в обрез до вылета (этот мошенник тянул до последнего дня пребывания Рафаэля в Москве), и он стал кричать на меня, чтобы я подписала договор. Я ответила отказом, сказав, что русский тебя обманывает. Рафаэль уехал, очень мной недовольный. Но я знала, что была права. Чего бы мне это ни стоило. Таков мой характер.

Позднее Рафаэль признал, что я была права. Ведь, когда я пришла по адресу этой квартиры, женщина, открывшая мне, (и это была тётка типа) вообще не поняла, что её квартира по существу ей уже не принадлежит, она мне не верила и пока не дозвонилась своему племянничку и он вынужден был что-то невразумительно ей объяснять, она не хотела со мной вообще разговаривать и пустить осмотреть квартиру. Для неё это был шок. Я приняла эту квартиру, когда мне были представлены все на неё документы и выписаны все проживавшие в ней.

В течение нескольких месяцев я продала все три квартиры Петры, деньги за них хранились в доме Сони, я постепенно вывозила их Рафаэлю.

Заодно я решила продать нашу 2х комнатную квартиру на Семёновской и купить однокомнатную для Юли и строящуюся для меня. В те годы никакого частного строительства почти не велось и было большой удачей найти (с подачи Сони) такой вариант, на окраине — рядом с ж.д станцией Бескудниково, но выбирать не приходилось. Рафаэль дал мне в долг денег, и я заплатила полный взнос (тогда это было около 17 тыс.$), долг 12 тысяч я погасила за год (Рафа попросту год не платил мне зарплату, а мне она в Москве и не была нужна, жизнь в рублях была очень дешёвая.). А для Юли купила квартиру рядом со Сретенкой — местом, где я провела большую часть своего детства.

Рафаэль, Франсиско, и два раза на краю жизни

Итак, я, благодаря работе у Рафаэля, смогла решить наш квартирный вопрос, который безуспешно на протяжении многих лет пыталась решить мама: р а з ъ е х а т ь с я! Какое-то время вся мебель была перевезена в квартиру Юли, т.к. моя ещё строилась.

Надо сказать, что юлина квартира оказалась суперхолодной и влажной — это был 1этаж. Но местоположение её тоже было супер: 5 минут до м. Сухаревская — центр! Примерно через год я въехала в свою новую квартиру, не очень удобно расположенную — ближайшая станция метро «Бибирево» была не рядом, район окраинный и плебейский, но — новая просторная однокомнатная квартира с большой лоджией! Я сделала в комнате дубовый паркет, тогда это было недорого, и было здорово!

Летом 1992 года, когда я работала в ресторане у Лео, в день своего рождения я позвонила на Кубу Исабель и попросила на следующий день вызвать Франсиско для телефонного разговора. Незадолго до этого я получила от него большое письмо. Это было совсем другое письмо, не то, где он продолжал меня обвинять в моем единоличном решении уехать в Испанию. Это письмо было полно ностальгии и глубоких переживаний в нашем разрыве. Я спросила его, вернулся ли он к своей жене, он сказал, что нет и в свою очередь спросил меня, есть ли у меня кто-то, на что я ответила, что я одна. Это уже было правдой. И спросила его, хочет ли он теперь, чтобы я сделала ему приглашение. Он ответил — да. Не поменяет ли он своего мнения? — Нет — был его ответ. Приглашение сделала моя аргентинская подруга (я тогда не имела прав на это), и начался долгий процесс оформления бумаг Фр-ко на выезд; длился он 9 месяцев! Фр-ко пришлось даже выйти из партии, чтоб его могли выпустить там, на Кубе. А я собирала деньги на покупку ему билета, который стоил 130000 песет (больше 1000$). (*Сейчас билет на Кубу и обратно можно купить за 560е)*. Наконец, билет мной был куплен, переслан Франсиско на Кубу и 5 июня 1993 года я, подгадавшая свой приезд в Испанию из Москвы к этой дате, я еду встречать Фр-ко в аэропорт в Мадрид.

Его было трудно узнать — это был маленький очень худой человечек — на Кубе он похудел на 20 кг! В руках у него была маленькая дорожная сумка (он до последнего момента сомневался в том, что его выпустят!) Мы поехали на автостанцию и на автобусе приехали в Кастельон, где я временно остановилась в доме одной испанки. Переночевали в разных комнатах. Мы оба чувствовали себя в огромном напряжении: я отвыкла от него, я уже с 90 года после всех его несправедливых обвинительных писем, приняла мысль, что наши пути разошлись и с этим жила уже почти три года. Да, почти три года назад я холодно с ним рассталась в Шереметьево, когда он уезжал на Кубу. И пригласила я его в Испанию по большей части чисто по-человечески, я же знала, каково было тогда на Кубе. Просто я

дала ему шанс, на выживание и помощь детям. В наши отношения я не верила. Ну а он это всё почувствовал и не смел вести себя как муж. Но ведь кроме меня у него никого тут не было, и это я пригласила его, поэтому я за него и отвечала.

Утром следующего дня мы поехали в Беникасим на пляж, показать ему море и самой открыть сезон купания. На пляже не было ни души. Я поплыла, а Пако остался на берегу сидеть и созерцать… Были волны. Я была у камней пирса. И вот одна волна меня захлестнула и отнесла от камней, я попробовала подплыть к ним, но тут вторая волна отшвырнула меня снова; я наглоталась воды, и вода попала в лёгкие, (как потом я поняла). С этого момента я стала чувствовать, что не могу выбраться, а волны меня накрывают снова и снова, силы мои слабеют.

На каменном пирсе были два подростка, я стала кричать: «salveme», но они, конечно, были малы, чтобы бросаться в воду, они только метались по пирсу, что-то крича мне. И вот в голове уже проносятся мысли, что теперь я знаю, как тонут люди — просто силы кончаются, и ещё проносились мысли: «я не могу утонуть — там на берегу сидит Пако, только что прибывший в незнакомую страну, ничего не знающий, без денег» и ещё: «а Юля не окончила учёбу, и кто же будет платить за неё, если я сейчас утону?» Но сил сопротивляться волнам у меня и правда уже не было, в голове пронеслось: «сделаю последнюю попытку, потом уже всё!» — и рванула из последних сил к камням, зацепилась за них, опять нахлынула волна, но тут руки парнишки, что был постарше, подхватили меня и я стала с трудом вылезать на пирс. Все мои ноги и руки были в ссадинах. Ребята помогли мне и повели под руки на песок. Тут только меня увидел Пако, вскочил, заметался, он только теперь понял, что что-то случилось. Я лежала на песке без сил, сказала ему, чтобы взял мой кошелёк и бежал звонить в автомат в одно, по счастью, открытое кафе на берегу (сезон ещё не наступил) вызывать скорую. Скорая приехала быстро, меня повезли в Кастельон, в городской госпиталь. Пако со мной. Пока лежала в приёмной меня била крупная дрожь, поднялась температура за 39…

В общем, лечили меня от двухстороннего воспаления лёгких: много морской грязи в них оказалось. Кормили прекрасной едой, которую я в основном отдавала Пако: у меня не было аппетита, а он, изголодавшийся и недоедавший в течение нескольких лет, *(на Кубе он завёл огород, на котором выращивал юкку, обрабатывал грядки, но в один непрекрасный день весь урожай был украден*), поглощал испанские блюда с наслаждением! (*вспоминая то время до революции, когда он мог ими питаться*). И моё сердце радовалось: не было бы счастья, но несчастье помогло! То же

касалось и наших отношений: в благодарность за его ухаживания — в больничном смысле этого слова -, я подобрела к нему, и у нас стали устанавливаться — я б так сказала — более близкие отношения. *(Потом Франсиско сказал, что другая женщина наверняка погибла бы, а меня спасла моя воля к жизни).*

На второй день моей больницы из Валенсии приехала навестить меня сослуживица Пакита с огромным букетом цветов от всех сотрудников, а через день сам Рафа пожаловал. Я была очень тронута! Ведь для меня он был большим авторитетом. Я тогда просто благоговейно относилась к нему. Это не ускользнуло от внимания Фр-ко и в дальнейшем долго приносило ему страдания, он даже стал часто выпивать, а запьянеть ему не составляло труда, и тогда он плакал… Это было уже тогда, когда я выписалась, и всё ещё с приступами кашля, но мы приехали с вещами в Валенсию, где я сняла дешёвую квартиру без мебели (до этого квартира мне нужна не была, я приезжала из Москвы ненадолго и у кого-то временно останавливалась, но теперь ситуация изменилась: я была не одна).

Я задерживалась на работе, готовясь к очередной поездке в Москву, а Пако находился дома, работы ему никакой найти было невозможно, вот он и мучился мыслями, что я влюблена в Рафаэля, поэтому и не спешу домой. И это было так и не так. Возможно, я была как-то влюблена в Рафаэля, но абсолютно платонически, и, скорее, я была им в какой-то мере очарована. Во-первых, он чем-то напоминал мне Хусейна, а во-вторых, и это главное — я чувствовала с ним некое родство душ: он был авантюристом по натуре, и я тоже. Он был интроверт и такой же психосистемы, что и я, только ещё более взрывной и спонтанный, честный и не лишённый благородства. И по интеллекту он был мне ближе. Но как мачо он меня не волновал, да женатые мужчины в принципе меня не могли волновать, так уж я устроена. И на работе я находилась не потому, что специально не спешила уйти, а потому, что неправильно было уходить раньше шефа, у которого могли возникать идеи в любую минуту. Поэтому ревность Пако мне казалась очередной глупостью и только раздражала.

За тот месяц, что мне удалось отпросить у Рафы, чтоб побыть в Валенсии, я смогла подать на документ для Фр-ко на воссоединение семьи, с тем чтобы он получил вид на жительство, пока без права на работу. И ещё мы договорились с одним моим знакомым в Кастельоне, что он возьмёт Фр-ко на работу в ресторан официантом. Правда ресторан этот находился «у черта на куличках» — где-то в Альмассоре, (club Náutico), и как добираться до него от станции, было непонятно.

Но никакой работы в Валенсии найти было невозможно. Испания не та страна, чтобы была работа для 60-летнего мужчины, да хоть и для 40-летнего, ни тогда, ни теперь. И его профессия адвоката и кандидата юридических наук никому в Испании была не нужна.

Я улетела в Москву; когда я садилась в автобус, чтобы ехать в аэропорт, Франсиско смотрел на меня глазами брошенной собаки, и у меня сжималось сердце. Я оставила ему сколько-то денег, но я знала, что это для него мучительно — целиком зависеть от женщины. Поэтому он ездил на эту работу, а ему было очень трудно: с тех пор, как он в молодости поработал на Кубе официантом, прошло много лет, и работа в Испании — это другое дело, тут надо бегать и выматываться, и ему, повторяю, было очень трудно, кроме того, от станции нужно было идти пешком несколько километров, и это со стертыми в мозоли от работы ногами *(О, я сама помню это очень хорошо, когда поработала несколько дней официанткой в жаркий август в Мадриде!*), и часто он оставался ночевать там, в ресторане просто на полу. Несколько раз я звонила на телефон соседей по этажу и просила позвать его к телефону, он не жаловался, но по голосу я чувствовала, что ему плоховато.

Я вернулась через пару месяцев, а него уже был на руках вид на жительство, и я взяла его с собой в Москву для какой-то помощи в работе. В тот момент я занималась продажей квартир «Петры», и он ездил в качестве курьера по моим поручениям. Однажды в трамвае у Пако выхватили сумку с документами. Он вцепился в вора и вывалился вместе с ним на остановке. Сумку удалось спасти, но это происшествие произвело на Пако сильный эффект. Он не узнавал Москву и новые нравы. Он был страшно разочарован в этом городе, который раньше так полюбил. И не скрывал своего желания поскорее уехать из Москвы. Через месяц он и уехал, везя для Рафаэля большую сумму денег от продажи квартиры, рассунутых по карманам. Рафа в благодарность предложил ему по возвращении поездку на Канары на родину предков, но Франсиско почему-то отказался.

Ещё в Москве у нас с ним возникли трения, — он, кажется, был обижен на мои претензии по работе, и потому расстались с ним опять на прохладной ноте. И, когда Пако вернулся в Испанию, он жаждал любой работы и нашёл, как всегда, с помощью кого-то, работу в Кастельоне разносчиком реклам. Сначала тоже было трудно и получал гроши, но Пако был непритязательным и неприхотливым человеком, как я уже отмечала, — он первое время буквально питался хлебом, рисом и молоком; он снял комнату в какой-то жалкой квартирке с перуанцем, правда, в центре Кастельона. И на этой работе, и в этой комнате он проработал и прожил все годы до самой

смерти.

Но неприятности в Москве были не только у Франсиско. Однажды я меняла валюту на рубли около Большого театра — тогда в банках никто её не менял из-за невыгодного курса, обмен происходил вживую: пока стоишь в очереди на обмен в какой-нибудь «точке» на улице, к тебе подходят и предлагают свой курс. Так мы договорились об обмене с двумя младшими офицерами, но тут к нам подошли двое мужчин, предъявили свои удостоверения представителей внутренних дел и задержали нас. Меня повезли в отделение милиции на Сретенке, две здоровые милицейские тётки грубо обыскали, потом долго мурыжили, составляли акт. Я убедительно просила не открывать на меня дела — ведь тогда я бы не могла вернуться в Испанию -, но товарищ следователь сказал, что у него есть разнарядка по необходимому количеству уголовных нарушений, к тому же он уже открыл дело, дал ему номер и закрыть не может. Сказал, что мне может грозить, как минимум, условный срок. (Ну, конечно, просто радость — ведь ещё какие-то 10 лет назад за это расстреливали!)

Я была в отчаянии. Пришла домой, сама не в себе, рассказала Юле, а она мне говорит: «А так тебе и надо, я буду только рада, если тебя посадят!» — я была в шоке от этих слов; я только думала: Вот это да! За что? За что такая ненависть? Для моего понимания причин такой злобы не было никаких. Разве что в церковь не ходила…

Я по рекламе в метро нашла адвоката. Но мне повезло, адвокат не пригодился. (Как везло часто в жизни!) Позвонил старший офицер из Академии, где учились те двое меняльщиков, на них же тоже открыли дело. И сказал, что смог утрясти дело со следователем, надо только встретиться и что-то подписать; я подъехала, он мне показал бумажку о закрытии дела, я её там подписала, и, ещё не веря в избавление, поехала домой. И, в самом деле, меня никто уже не беспокоил…

А Рафаэль, между тем, придумал для меня новое задание: найти в России месторождение белого мрамора или черного гранита с тем, чтобы он мог за малые деньги организовать его добычу и дальнейшую транспортировку в Испанию. Сначала я не знала с чего и начать поиски. Смотрела разные объявления. Потом решила поехать на Ленинский проспект в музей геологии, и там в музее экскурсовод подсказала мне, что буквально рядом от них находится лаборатория месторождений. Я поспешила туда. И там у меня состоялся разговор с заведующим, который мне поведал про одно недавно обнаруженное месторождение белого мрамора в Кемеровской области и дал телефон того человека,

у которого была лицензия на это месторождение, это был директор одного совхоза. Рафаэль и этот человек прилетели в Москву для встречи, встретились в ресторане и договорились о дальнейшем сотрудничестве. Человеку нужны были деньги, а Рафе мрамор. Всё казалось просто. Но не тут-то было. Дальше была наша с Рафой поездка в Кемерово и обсуждение создания совместного предприятия, где Рафаэль претендовал на 51% участия. В переговоры был подключён директор кемеровского проектного института, который представил обширный генплан производственной площадки. Рафе это было не нужно. Он хотел начать разрабатывать карьер, добыть первый блок, отвезти его в Испанию, продать и на вырученные деньги продолжить добычу. Но у наших были обширные планы. Они хотели долго кормиться на халяву как можно большим числом включённых в процесс. Я держала руку на пульсе. Рафаэль продолжал интересоваться тем, сколько может стоить добыть 1м3 мрамора. И это было загадкой. Через несколько месяцев мы полетели в Кемерово второй раз, уже с испанским геологом: Рафа намеревался слетать на само месторождение и посмотреть пробы мрамора на месте, там, где бурили скважины. Был сентябрь 1994 года. Погода в тайге была нестабильная, и мы никак не могли полететь туда на вертолёте. Рафа не дождался и улетел в Испанию, я с геологом остались в гостинице дожидаться разрешения на вылет на вертолёте в тайгу. Наконец, в субботу нам сказали, что попытаются полететь. (На следующий день мы улетали в Москву, и геолог должен был вернуться в Испанию). Полетели мы двое с испанской стороны, зам. директора совхоза и ещё двое товарищей. Когда мы уже приближались к месту назначения, вертолёт попал в белое молоко облака — мы летели вслепую, я чувствовала, что дело плохо, посмотрела на геолога, он показал мне руками крест, я перевела взгляд на зам. директора совхоза, в надежде на то, что наши люди будут посмелее, но он, улыбавшийся до этого, тоже вдруг посерьёзнел, и мне стало; совсем не по себе, я попыталась кричать пилоту, чтобы поворачивал назад, но в шуме пропеллеров он, думаю, меня не слышал; вдруг на мгновение молоко чуть-чуть рассеялось, и я увидела, как вертолёт почти коснулся верхушки деревьев, и после этого лётчик резко взмыл вверх и стрелка высотной шкалы, за которой я наблюдала, резко подскочила вверх и зашкалила. Мы поняли, что лётчик, наконец, повернул и летит назад и ещё какое-то время мы летели вслепую, но я уже надеялась, что мы высоко и под нами нет деревьев, и вот мы вынырнули из молока на свет божий; когда мы приземлились, стали обниматься и обнимать пилота. У меня есть фотка, которую сделал тогда в вертолёте мой геолог Исмаил, которую он назвал:

«Ты за минуту от вероятной гибели».

После этого приключения мы ещё какое-то время пытались создать предприятие с контрольным пакетом у Рафаэля, но в переговоры подключилась ещё какая-то вновь образованная фирма с новыми русскими, потом администрация города, и это был конец. Всем надо было поживиться. Рафа с трудом, но отказался от своей затеи что-то делать в России, он понял, что это не Латинская Америка, и правильно сделал. Через год я услышала, что в городе Кемерово был убит какой-то иностранный бизнесмен вместе с переводчицей, и поняла, что мы во-время оттуда ушли. И потом ещё я узнала, что у директора совхоза, обладателя лицензии, эта лицензия была отобрана более сильными конкурентами, а судьба этого месторождения мне неизвестна.

Я вернулась в Испанию, сняла квартиру в Валенсии. Франсиско работал в Кастельоне, приезжал ко мне в основном в выходные.

И тут у Рафы появилась новая идея, связанная с Россией. Дело в том, что он был не только архитектор, но ещё и сочинял музыку. Музыку, которая называется «инженерной» — в стиле Шнитке, Губайдулиной, Денисова. И Рафе пришла в голову мысль записать в Москве диск со своей симфонией. Для этого я должна была вступить в переговоры с Директором

Государственной Филармонии. Через некоторое время договор был подписан, Рафаэль пригласил молодого ирландского дирижёра, и начались репетиции, а потом и запись. Напоминаю — шли 90-е годы. Музыканты были не очень востребованы, и Рафе можно было осуществить задуманное за относительно небольшие деньги, да с высокопрофессиональными музыкантами! Помню, как во время перерывов на репетициях этой какофонии звуков музыканты чуть не плевались, но делать было нечего и репетиции продолжались. Рафаэль подарил мне диск с этой записью, но мне было достаточно того, что я уже слышала в Зале Чайковского…

Какое-то время я ещё работала на Рафаэля: помощником администратора, акционером на бирже, продавая и покупая для него акции. Но в конце концов, в 1996 году я окончательно ушла от него, хотя мы сохранили тёплые отношения, я часто останавливалась у них в доме уже позже, когда не жила в Валенсии, а с его женой мы встречаемся время от времени по настоящее время.

90- е годы. Учёба Юли. Первая поездка в Америку

Ещё в моё пребывание в Москве я закончила курсы вождения, но практический экзамен я провалила. Я провалила бы его в любом случае, т.к. способностями в вождении не отличалась, а когда инструктор кричит на тебя, то совсем становишься тупой и нервной; к тому же практики было явно мало. Но на экзамене у меня ещё случилась беда: началось сильное маточное кровотечение, я вынуждена была сказать об этом нашему инструктору, и вопрос решился передачей трёхсот долларов в конверте, после чего мне обещали права. Я еле добрела до шоссе, и на частнике поехала домой, а потом в больницу, где мне сделали чистку. Это был предклимакс и проходил он у меня тревожно; у меня была фиброма матки, я наблюдалась у врача в известной 32 больнице, врач советовала лечь на операцию; но, слава Богу, я не легла, я пила гормональные средства от испанского гинеколога, и, в дальнейшем, моя матка успокоилась, и всё сошло на нет. Не повторилась история с операцией по удалению матки, сделанная моей маме и проходившая с осложнениями.

В Испании я купила подержанную машину Опель Корса, взяла несколько уроков вождения, и дальше начала потихоньку водить под чутким руководством Фр-ко, который когда-то водил машину, был хорошим водителем, но прав не имел и получать их после 60 лет не мог. Сначала мы ездили на машине между Валенсией и Кастельоном, а потом я ездила по всему восточному побережью.

Не имея работы в Валенсии, я перебралась в Кастельон к Фр-ко; он тогда уже жил в квартире один, перуанец уехал.

Я часто уезжала в Москву. Юля училась в университете в Петербурге. О её переводе из МГУ в Петербург стоит рассказать отдельно.

Я уже писала, что в 1992 году она поступила на платное отделение факультета классической филологии МГУ. В советское время эта специальность котировалась как элитная, во всяком случае, для женщины. И ещё несколько лет, думаю, по инерции, она была востребована. (Теперь, конечно, нет.)

К концу учебного года у Юли был хвост по греческому языку, и Юля… исправила оценку в зачётке, поставив себе три, после чего она была отчислена из университета с записью причины отчисления. С такими документами её никуда бы не взяли. Она узнала, что в Питере можно легко «перевестись» на бакалавриат, там её после оплаты приняли на второй курс, вернее, допустили к занятиям, пока без оформления, не затребовав срочно её личного дела, (им, главное, была оплата, которую немногие тогда могли себе позволить, а зарплата у преподавателей была мизерная), и она сумела устроиться в общежитии в двухместной

комнате. Но после того, как она проучилась там год, потребовали личное дело. Дело «запахло керосином».

В свой приезд в Москву я поехала в МГУ к декану факультета. Я объяснила, кто я и что я (представитель испанской фирмы в Москве — тогда это звучало!), я была достойно одета и прилично выглядела, так что декан не могла, как бы, меня послать с порога. Я попросила личное дело дочери на руки, сказав, что дочь будет ещё куда-то поступать. Она уже была согласна, повела к зав. архивом, но тот заартачился, сказав, что оригиналы личных дел на руки не выдаются и что они высылают дело по запросу из учреждения. Я на минуту растерялась и уже думала, что «дело не выгорит», но тут мне пришла в голову спасительная мысль. Я говорю: «Хорошо, оригинал вы не можете выдать, но вы можете мне выслать документ по факсу и тогда он останется у вас, как вы того требуете». Он не нашёл, что на это возразить и согласился. У меня дома стоял факс, я дала номер и он, в самом деле, послал мне дело по факсу. А я, в свою очередь, отослала его по факсу в С.-П. университет, предварительно уничтожив или замазав то, что не следовало оставлять и проставив, что Юля окончила первый курс МГУ.

И Юля была благополучно оформлена студенткой СПУ и получила студенческий билет, по существу, перескочив незаконченный в МГУ первый курс.

Пару раз я приезжала в Питер, однажды осталась ночевать у Юли в комнате, но она была страшно недовольна, к чему-то прицепилась, как обычно, в основном базар был всегда из-за денег, которые она тратила с бешеной скоростью и которых всегда ей не хватало. Она бросила мне какой-то матрац на пол, и я почти всю ночь сначала рыдала от горя, — а её хамство, ругань и отборный мат были настоящим горем, — а потом просто не могла спать. Она куда-то ушла, на другой этаж, кажется, и вернулась часам к трём ночи. На следующее утро, я помню, я первый раз ходила на соборование в храм.

Я возвращалась в Кастельон, я плакала и Франсиско утешал меня, как мог, советовал не общаться с ней совсем. Но это не получалось. (*Как не получается не общаться с Олегом, когда он мне хамит; к сожалению, отношения в этом возрасте завязаны на деньгах; да, если бы и не так, то всё равно всегда есть вопросы, которые приходится решать*). Всегда есть беспокойство матери. Поэтому совет не общаться и, значит, совсем ничего не знать про жизнь ребёнка — это не для меня.

***

В отсутствие работы в Испании я, будучи в Москве, по приглашению подруги Светы, жившей уже давно в Канаде, неожиданно легко получила визу в канадском консульстве. После этого я подумала: «А почему бы мне не воспользоваться этой визой для того, чтобы легче было получить визу в США?». И подала на американскую визу. Правда, визу я получила только благодаря своему виду на жительство в Испании. Но получила! Купила билет на самолёт на 6 января 1996 года за 360$; пришла в агентство по трудоустройству в Америку (тогда таких было немало), записалась на работу в Детройт уборщицей в отеле, заплатила им не помню сколько, долларов 160—200 и… полетела в Нью-Йорк.

Прилетела; нас, несколько человек, встретил какой-то еврей и повёз к некой Марине, прямо в лаундри (прачечная), где у неё был «офис». Там она нам сказала, что мы должны заплатить ей некую сумму (не помню, сколько), а то, что мы платили в агентстве в Москве, её не интересует; кажется, я ей не заплатила, потому что мы (я и ещё одна женщина) поехали сразу на автостанцию покупать билеты в Детройт и оттуда не стали к ней возвращаться. В Нью-Йорке шёл сильный снег, но по пути в Детройт снега было ещё больше, и вместо ночи в автобусе мы провели в нём 20 часов и прибыли в Детройт часа в три дня вместо 9 часов утра. Конечно, нас уже никто не встречал. Мы были голодные, я могла позволить себе купить только чипсы, и мы сидели и ждали, ждали. Часов в восемь, наконец, появился человек, приехавший за нами. Он привёз нас в квартиру, где жили три русские женщины, работавшие в отеле на них. Женщины рассказали, что живут тут и работают второй год, что только недавно освободились от долгов этим ребятам и стали работать на себя; что приехали сюда все из-за больших долгов в России или от того, что рэкетиры отобрали бизнес и квартиры; что работают по многу часов, включая субботу, а чаевые забирает черная гувернёрша. В общем, картина прояснилась полностью. Потом пришёл их главный с помощником, (и опять это были евреи!), чтобы дать нам — двум новеньким — инструкции. Нам было сказано, что мы должны заплатить им 200$, потом депозит за квартиру, потом платить за квартиру вперед за шесть месяцев и ещё много за что и ещё отдать паспорта; когда я сказала, что приехала на три месяца и паспорт не отдам, мне ответили, что это их не устраивает и тогда меня завтра отвезут на автобусную станцию и за мои деньги отправят назад в Нью-Йорк. Очевидно, они очень испугались моего плохого влияния на своих крепостных женщин.

Женщины нас покормили, дали мне матрац и после

бессонной ночи в автобусе и трудного дня я спала, как убитая. Утром где-то в полвосьмого за женщинами пришёл «разводящий» и увёл их, включая и мою компаньоншу; я осталась одна.

Мне было очень тревожно: я не представляла, куда я пойду, когда снова окажусь в Нью-Йорке, покупать билет на автобус за свои деньги я тоже не была согласна. Я оделась и вышла на улицу (к счастью, нашла ключи от квартиры). Всё было заметено снегом. Вокруг были такие же 6-7-этажные дома и я не видела ни одного магазина. С трудом по снегу выбралась на шоссе и увидела маленький магазинчик. Не помню, что я купила там поесть, но самое важное — я купила там телефонную карту: я решила позвонить Свете в Канаду, больше же всё равно звонить было некому. Вернулась домой, позвонила ей, рассказала о своих перипетиях; она посоветовала купить газету и поискать объявления о работе. Я снова пошла в тот магазин, купила газету и стала звонить по нескольким русскоязычным адресатам. По двум из них мне ответили, что, к сожалению, уже взяли кого-то, а вот по третьему номеру некая Клава вызвалась мне помочь после того, как я объяснила ей свою ситуацию — о том, что не хочу попасть в рабство и что это срочно. Она сказала, что, возможно, сможет мне помочь с работой, что приедет сегодня на автостанцию к вечернему автобусу на Нью-Йорк и заберёт меня.

Больше надеяться было не на кого. Я с нетерпением ждала, когда за мной придут. Автобус уходил в 9 вечера. Езды до станции было минут сорок. Я надеялась на то, что водитель придет часам к 8, но он пришел в 7. Когда мы с ним были уже у кассы и подошла очередь брать билет, он сказал: «давай деньги» (50$), я отказываюсь, он требует, я снова отказываюсь, говорю — «покупайте сами, раз отправляете меня назад, я уже потратилась на приезд сюда.» Он был страшно злой. потому что он рассчитывал, что я куплю себе билет и он сможет побыстрей уехать, а не тут-то было! Время подходило к 9, посадка на автобус началась, а он так и не мог от меня отвязаться, а я от него. Правда он сказал мне, что назад он меня не повезёт и, если я не уеду с этим автобусом, то мне придется ждать следующего до 11 утра. Такая перспектива мне тоже не улыбалась. А Клава всё не появлялась, и я была уже в отчаянии, когда без пяти девять я, отойдя в сторонку, увидела её, вылезающей из машины и бегущей вместе со своей внучкой ко мне навстречу (я ей описала по телефону, как я буду выглядеть). Ура! — миссия не была провалена! И я, как говорится, «была такова»!

У этой Клавы я находилась пару дней. Очень скоро я поняла, что про бескорыстную помощь ближнего в Америке можно забыть:

там всё есть бизнес!

Клава специализировалась на водительских правах, она как-то их продавала, ну не прямо так продавала, а договаривалась, чтобы, ничего не понимающий по-английски человек, мог дать экзамен и получить их. Первый этап её участия стоил порядка 60$ (точно уже не помню), и она выудила из меня эти деньги. Клава была из Одессы, занимала там какой-то нехилый пост, в сущности, была не стерва, но, в общем, «одесситка». За еду, которую мы покупали, расплачивалась, конечно, я. Но моих денег оставалось маловато, и, если я хотела дожить в Америке до даты обратного билета, а это было через три месяца, то мне необходимо было работать.

И Клава смогла договориться с одним поляком, у которого был свой минивэн, и бизнес, заключавшийся в том, что он развозил 10—12 женщин в этом минивэне на работу по уборке домов, которую он же им и обеспечивал. Одновременно Клава пристроила меня на квартиру к одним украинцам (а там, в Детройте, их было 90% из наших), которые временно меня приютили за 100$ в месяц в отдельной комнатушке, а жили они, как все там, в двухэтажном деревянном домике, снимали второй этаж. Вот оттуда я и вышла в полседьмого утра в первый день к подъезжавшему минивэну. Я была первой, потом поляк заезжал ещё за десятью женщинами, потом развозил их по адресам, а меня высадил последней, уже где-то в десятом часу утра. Я помню, что это был очень грязный дом, и что во время работы с пылесосом вдруг он открылся и меня обволокло пылью. Я была вся грязная, мне было противно, да ещё хозяйка обвинила меня, что это я чуть ли не сломала пылесос. Приехал за мной поляк первой, и опять я ездила с ним до последнего человека, так что заработала я мало, а попала домой поздно, страшно уставшая и голодная. Но, самое главное, мне надо было помыть голову и всё остальное, а душа не было или он не работал, и ещё ушло время на то, чтобы подогреть достаточно воды и я помню, как я мылась в каком-то чердачном помещении, как я поздно легла спать, а на утро опять надо было вставать рано, и неотдохнувшее тело болело.

Не помню, сколько дней я отрабатывала этому поляку за его услуги, но, в общем, я постепенно втянулась, и иногда мне попадались не самые ужасные дома, иногда везло и даже немножко чем-то подкармливали, но это было редко, я сама брала с собой какой-нибудь бутерброд или яблоко. Клава снова проявила оперативность и сняла для меня и одной одиночки — западной украинки второй этаж в одном доме. Плата за проживание увеличилась, но других вариантов не было —

к бывшим хозяевам приехала дочка и надо было освободить комнату. Так прошёл январь, а за ним февраль. Однажды, поднимаясь в одном доме по лестнице с тяжёлым пылесосом я «сорвала себе спину», в общем меня пронзила острая боль, я кое-как доработала, в минивэне сидеть почти уже не могла; что делать, было непонятно, потому что все женщины говорили одно и то же: один день пребывания в больнице обойдется более тысячи долларов, приводили при этом разные примеры своих знакомых. Сутки я пролежала в кровати, но боль не проходила и пронзала меня при всяком движении, и я не выдержала, еле надела на себя ботинки и побрела в госпиталь. Мужик в приемном отделении стал спрашивать у меня страховку. Я отвечала ему, что страховки нет, но есть острая боль, он опять про страховку, а я опять своё; наконец, достала испанскую медицинскую карточку, показала её ему, и он, сделав с неё копию, наконец! пропустил меня для осмотра. (Испанская страховка не признается в Америке, но он или не знал этого, или ему надоело со мной пререкаться, и он решил отстать от меня). В больнице мне сделали рентген и сказали, что ничего не обнаружили, я подозревала причиной боли камни в почке, но мне сказали, что обследование почек стоит дорого и они его делать не будут. Но капельница и укол немного помогли, и на следующий день меня отправили домой.

Эта боль, уже не такая сильная, меня преследовала еще несколько дней, и я решила, что, наверное, хватит экспериментов, тем более, что позвонила Фр-ко, рассказала ему об этом, и он, несмотря на свою обиду, что я опять насвоевольничала, поехав в Америку, сказал мне, чтоб возвращалась в Испанию, что «нечего в нашем возрасте тяжелыми работами заниматься».

И я оставила Детройт и поехала в Нью-Йорк.

Несколько слов о Детройте. Это был страшный и захолустный город; в автобусах там ездили, в основном, черные. Автобусных линий вообще было мало, и никто из наших людей ими не пользовался и не знал ни их маршрутов, ни остановок. Черных боялись. Я же, конечно, решив ознакомиться с городом, нашла-таки остановку автобуса, шедшего в даунтаун, села, спросила что-то водителя, он мне как-то огрызнулся на своем черном наречии, которое никто не понимает, все, исключительно черные пассажиры смотрели на меня не очень дружелюбно, но мне нужно было увидеть город, и я проехала до конца. Даунтаун представлял из себя некое количество небоскрёбов, там находились какие-то офисы и банки; ни магазинов, ни скверов я не видела; дул сильный ветер и впечатление было и от пустынных улиц, на которых я видела только черных, и от окраин,

представлявших собой промзоны, склады и бедные дома черных, безрадостным. А на остальной части города стояли, в основном, двухэтажные деревянные домики, в которых жили выходцы из Польши, Украины (причем, чисто бандеровской) и других восточноевропейских стран. За городом, в более богатых домах, жили более обеспеченные американцы, но по большей части тоже не англосаксонских кровей. А из моих коллег по минивэну была одна грузинка, занимавшая в советское время хорошее место в Грузии, а теперь убирающая дома; одна девушка из Донецка и остальные — западенки, ненавидящие «москалей», из которых одна «ветеранка труда» отдавала мне распоряжения только на украинском, а девушка из Донецка мне переводила. Там я узнала, что визу в Америку на Украине и в Грузии можно заполучить за 6—7 тысяч долларов, если, конечно, знать пути. Вот люди, попав в долговые ямы, продав свои квартиры, попадают таким образом в Америку и потом несколько лет работают по-черному, чтобы отдать свои долги.

Несколько раз я ездила в сербскую церковь, меня брала с собой одна женщина из Черногории, а больше ходить было некуда. И я всё удивлялась: вот это есть Америка, в которую все так стремятся, о которой мечтают? А где ж другая, самая прекрасная и передовая?

И, уже находясь в Нью-Йорке, в нью-йоркском метро, в Бруклине я продолжала удивляться: страшней ни этого метро, ни домов с железными ржавыми лестницами по фасаду, ни людей, толстых и некрасивых в большинстве, я ничего раньше не видела!

В Нью-Йорке я первую ночь переночевала у одного знакомого моей знакомой, давшей мне его адрес; он жил в Манхеттене, в хорошем месте, но в страшной малюсенькой квартирке, единственное окно которой выходило в темный грязный двор со стеной в десяти метрах напротив окна. И он очень гордился, что платит за это жильё «всего» тысячу долларов. А это был 1996 й год! Сколько же рент такого убожества может стоить сейчас! Этот тип, еврей, конечно, работал переводчиком в ФБР, короче. сдавал своих; он начал приставать ко мне, я его отшила и утром ушла от него. Я поехала по выданному мне девочками из Детройта адресу на квартиру, где койкоместо стоило десять долларов, где в комнате жили человек восемь наших трудяг. Я рассчитывала побыть в Нью-Йорке с недельку, посмотреть город. Манхеттен мне понравился, это было очень оживленное место, поесть можно было вкусно и недорого в многочисленных местах по типу шведского стола; на Уоллстрите было страшно холодно из-за ветра, и посещать статую Свободы в холод я не захотела,

к тому же это было недешёвое удовольствие, а я экономила. Я, в основном, ходила по городу, ходила в русские церкви, в центральный парк.

Через дня три я позвонила Свете, хотела узнать, сможет ли она приехать в Нью-Йорк; мы не виделись с ней уже лет десять с тех пор, как она эмигрировала со своей семьёй. Она приехать не могла, но предлагала мне приехать. А я очень опасалась того что, выехав из США, я не смогу опять въехать, а улетать в Испанию мне надо было из Нью-Йорка и билет был уже куплен. Тогда я поехала в иммиграционный центр — это огромное многоэтажное здание, где надо было еще разобраться, куда идти и к кому обратиться со своим вопросом, и для этого вначале надо было пройти длинную очередь. Наконец, я попала к специалисту, и он ответил мне, что я да, могу выехать в Канаду на ограниченный срок и снова заехать на территорию США.

После этого я купила билет на самолёт и полетела в Торонто. Света меня, конечно, встречала, привезла меня в огромный дом, где жила со своей дочерью, зятем и внучкой, которые в этот момент отсутствовали. Мы с ней не могли наговориться. Это было совсем неудивительно — ведь в бытность работы в Гипрокоммундортрансе, где мы с ней и познакомились и где наши столы стояли напротив друг друга, мы никогда не могли наговориться — мы рассказывали друг другу всё, включая интим! Она была всегда моей лучшей собеседницей, с кем я отводила душу!

Света меня кое-куда повозила, я сама ездила с экскурсией на Ниагарский водопад, в общем, 3—4 дня прошли незаметно, я вернулась в Нью-Йорк. До отъезда оставалось ещё четыре дня, я прочитала объявление в овощном магазине, что требовался продавец, и решила попробовать. Еврей обещал платить каждый день, именно поэтому я и решила. Вышла на работу к восьми, очень быстро освоилась и с кассой (помог опыт в Беникасиме), и с запоминанием цен на разные сорта яблок и прочего, мне нравилось стоять на кассе, но к концу дня у меня окоченели ноги от холодного пола. Ни вечером, ни на следующее утро хозяин денег не заплатил, сказал, что в субботу. Но я уже ему не верила. Я-то думала, что, если заплатит. сколько обещал, то пока не полечу в Испанию, останусь поработать. А мой рейс был уже в субботу. Но раз хозяин подвёл, я плюнула на эту работу, сказала ему, что раз так, я ухожу, и ушла. Так закончилось моё первое пребывание в «благословенной» стране под названием Соединённые Штаты.

Лена

В стране в те годы была движуха. Появилось много разных общественных организаций, и, в том числе, по помощи детским домам и социальным сиротам. Я ездила в один детский дом давать уроки английского языка детишкам 7—8 лет. Присматривалась даже к некоторым, но тогда я ещё не была готова к такому шагу, как приёмство, во всех отношениях, в том числе и в денежном: как я уже написала — все деньги съела девальвация.

В том общественном совете я познакомилась с одной 15-летней девочкой Леной. (История с Леной, её судьбой очень печальная, но я решила вспомнить об этой девочке хотя бы на страницах моих воспоминаний.) Она была социальная сирота, жила со своей сестрой в детском доме, родители умерли от алкоголизма. В помещении того же общественного совета я встречалась с Леной, давала ей уроки русского и английского. Эта девочка в какой-то степени привязалась ко мне. Нет, она не была одинока, она активно принимала участие в продвижении вальдорфской школы, у неё была знакомая очень обеспеченная семья, куда она ходила помогать с маленьким ребёнком, уже после того, как выпустилась из дд. Но ко мне у неё была очевидная симпатия. И вот на Новый год, 31 декабря 1990го, я была дома, Юля тоже была дома, в своей комнате, но встречать Новый год со мной, да и вообще не собиралась. И звонит мне Лена, поздравляет, спрашивает, как я, слышит мой грустный голос и говорит: «Я к Вам сейчас приеду», я ей: «Как же ты приедешь? Транспорт уже не работает.» Но она взяла такси и приехала -чтобы я была не одна и не грустила! (Стоит ли говорить, что денег у неё своих практически не было, попросила у кого-то). Но, когда Лена расположилась со мной за столом на кухне, туда вошла Юля и потребовала, чтобы я «освободила квартиру от всяких проходимок». Лена попробовала приструнить Юлю за грубости по отношению к матери, на свой счёт она даже не обиделась, но это было бесполезно: Юля умела хлестать по лицу словами (точно, как её родитель). Мы с Леной выпили за Новый год, и она уехала (а я-то думала оставить её переночевать). Мне было стыдно перед Леной и позорно за дочь.

Из Испании я писала Лене, она мне отвечала, рассказывала о своих планах поступления в педагогический колледж, о всяком разном. Когда я была уже в Москве и переселилась в новую квартиру, Лена приехала туда, не помню, как узнав адрес, ждала меня на лестнице несколько часов вместе со своим другом,

хорошим парнем, и вот же был для меня сюрприз, когда я их увидела у дверей своей квартиры! Они потом не раз приезжали и помогали мне вешать карнизы, занавески и многое другое. Я всегда была рада Лене и Киму — так звали её 18-летнего друга.

Лена поступила в педколледж. Она уже жила вместе с сестрой у бабушки, правда, бабушка сама была любительница выпить. Мы всем коллективом волонтёров помогли выбить для Лены комнату. Я отдала Лене телевизор и много всякой утвари. Но вскоре начались беды. Её сестра замерзает где-то под Москвой — очевидно, она была наркоманкой. А однажды Лена звонит мне и сообщает прискорбную вещь — Ким повесился! Повесился у неё в доме. От ревности. Она его на это спровоцировала: когда он грозился ей это сделать, она его высмеивала как слабака. И он ЭТО сделал! Это был единственный сын у одинокой матери. Я сказала ей честно, что не смогу ей этого простить. И мы стали отдаляться. Однажды Лена позвонила мне из больницы — у неё, кажется, была пневмония. Я поехала её навестить. Это была наша последняя встреча. Потом она мне рассказывала по телефону, что живёт с режиссером театра «На Югозападной», да был такой театрец. Ещё через год она позвонила мне и сказала, что она опять в больнице, только по другому поводу — у неё сифилис. Я поняла, что Лена пошла под откос. С её неразборчивыми половыми связями мне точно было бы не справиться — смешно читать проповеди на таком этапе и при отсутствии контакта. И вот, в свой очередной приезд в Москву я звоню Лене на квартиру и узнаю страшную весть — Лена повесилась! Так же, в той же кухне, на том же проводе, что и Ким. Я еду туда, мне открывает какой-то сосед (или соседка, не помню) и я вижу эту кухню, этот лампочный провод, запущенную грязную комнату…

Лена, Лена, что же ты, девочка, наделала! Ведь ты хотела вырваться из той трясины, в которой погрязли и потонули твои родичи! И не получилось — трясина не отдала тебя! В 15 лет — планы, полные жизни и надежд, а в 21 — самоубийство от безнадёги? Я даже не могла отпеть тебя, Ленусик!..Но твой день рождения —14 декабря я помню и хотя бы раз в год, но вспоминаю тебя в этот день…

Поездка в Дамаск. Хусейн

В марте 1996 года мне позвонил Саид (сирийский араб, у которого я раньше работала в пабе) и предложил поехать с ним в Дамаск сопровождать его детей — т. к. они не говорили по-арабски, то им было бы скучно находиться с его родственниками, пока он будет заниматься делами (он, в основном, занимался продажей в Сирию плитки и сантехники). Обещал оплатить мне половину проезда. Я, конечно, ужасно обрадовалась такому уникальному шансу! Я поехала на своей машине в Мадрид за визой, получила её в тот же день, (точнее, не визу — она не требовалась для российских граждан, а «уведомление»), вернулась и через неделю мы отчалили. Понятное дело, Франсиско эта моя поездка не понравилась, но я его разрешения или согласия не спрашивала, да и он уже не предъявлял претензий: то время закончилось. Он понимал, что я захочу увидеть Хусейна и это его омрачало. Но я считала вправе захотеть увидеть отца моей дочери и, возможно, получить от него какую-то материальную помощь. Конечно, это не было главным. Я просто мечтала удивить его моим появлением в Сирии, сделать такой малоприятный для него сюрприз. И. конечно, я хотела увидеть его.

Прилетели в Дамаск, приехали в дом Саида в пригороде Дамаска, дом был бетонный трехэтажный. Поднялись на второй этаж, там в зале находилась вся женская родня. Все сидели на ковре на полу, посредине стояла печка, в которой пекли лепёшки. Стены были ничем не покрашены, пол тоже был бетонный. Я попросила стул, села, и все уставились на меня. Все говорили, я ничего, естественно, не понимала. Ещё я была простужена, у меня ломило лоб, текло из носа и мне было плоховато. Т.к. я была голодная, то стала есть предложенную мне и поданную с пола (!) -это нормально у них -, лепёшку, я её ела с каким-то острым соусом — это был, так сказать, ужин. Я спросила Саида, где я буду спать, он, смеясь, указал мне на пол: тут, со всеми. Я запротестовала. Тогда он сказал, что его мать уступает мне свою кровать в соседней комнате. Я с облегчением вздохнула, что, наконец, больная, после долгого перелёта с пересадкой, я смогу лечь. Я увидела грязное постельное бельё, очевидно, не менявшееся полгода, постелила платок на подушку, легла и отключилась. В окне комнаты не было стекла, на улице было градусов пять тепла или меньше, отопления, естественно, не было никакого, и спала я одетая, но я заснула и на утро проснулась в более сносном состоянии. Утром я попросила Саида

(надо сказать, что он спал в нормальной чистой кровати на третьем этаже, отделанном по-человечески) позвонить Диане — дочери моей знакомой Галины, бывшей ранее замужем за сирийцем, потом разведшейся и уехавшей в Москву. Диана училась в Дамасском университете на архитектурном ф-те и жила в католическом платном общежитии, где у неё была маленькая комнатка. Она приехала к нам, я объяснила ей ситуацию, в которой оказалась, и она попросила Саида отпустить меня к ней в гости на пару дней, мотивируя это тем, что, якобы, я принимала её в гостях (да, что-то было, она приезжала с мамой ко мне однажды) и теперь, по арабской традиции, её долг принять меня у себя. И Саид — о, спасение! — меня отпустил, попросив в среду вернуться и побыть с детьми. Мы приехали в этот католический дом, находившийся недалеко от университета, и Диана предложила мне снять комнатку у монахинь, обитавших и работавших там. За 5$ в день я сняла свободную келью, где я спала в нормальной постели с чистыми простынями. Диана ушла в университет, там она нашла кафедру, на которой преподавал Хусейн. (О том, что он преподаватель математики в этом политехе я уже знала раньше от Дианы) и сообщила ему о том, что я в Дамаске. Не знаю, вытянулось ли у него лицо или оно было непроницаемым, но несомненно, что известие стало для него шоком.

На следующее утро Диана повезла меня в известный православный монастырь, у него такое смешное название — Малюла; теперь он, к сожалению, разрушен игиловцами. Было всё очень интересно. Когда мы вернулись в наш дом, консьержка сказала, что приходил мужчина и спрашивал меня. Стало понятно, что это был Хусейн. И я жаждала его увидеть — 26 лет прошло с его отъезда! Но на следующий день — это была среда — мне надо было вернуться к Саиду, как договорились. Вечером он разрешил мне снова ехать к Диане, и я была там уже до субботы — дня нашего отъезда из Сирии. Вернувшись мне сказали, что мужчина приходил днём снова. Ну, что было поделать! Четверг был, как я понимала, последний день возможного прихода Хусейна, потому что пятница у них выходной день, и я рассуждала, что из дома он не выйдет куда-то. Я осталась ждать его. Я очень сильно и долго молилась, чтобы он пришёл, и эта поездка была бы не напрасной. И, когда я уже почти не надеялась, мне позвонили в комнату и сообщили о визите. Я, внутренне дрожа, спустилась на второй этаж, где было окошко консьержа; он стоял на лестничной площадке и первый его беспокойный вопрос был: «Как Юля?» Понимая, что это просто завеса, предисловие и демонстрация его позиции, что

у него ко мне, если и может быть что-то, то это лишь единственный вопрос, связанный с Юлей, но мне всё же было приятно, что он спросил о дочери. Я прошла с ним в комнату для гостей, мы сели, и он сразу достал деньги, чтобы передать мне их поскорей. Конечно, он хотел сразу опередить какие-то мои действия, могущие повредить его репутации и раскрыть его тайну, а то что он хранил в тайне от семьи тот факт, что у него есть в России дочь, это было понятно уже и раньше. Но я это всё осмысливала позже. А тогда я была в таком напряжённом состоянии, в состоянии аффекта, что мне всё казалось мёдом. Чудо — я вижу Хусейна! Он был почти таким же худым, каким я знала его, только без усов, и потому немного странно было его видеть — без усов. (Даже и не знаю, почему он был без них, ведь он так трепетно к ним относился в молодости, т. к. это был знак веры). Разговор наш длился минут 10—15. Он спросил, чем Юля занимается, и сказал, что вот эти деньги ей на компьютер; что это всё, что у него есть — ведь они в Сирии не так много зарабатывают; причём часть денег была не в долларах, а в сирийских лирах — то, что он не успел поменять. Я спросила его, хотел ли бы он увидеть свою дочь, на что он как-то неопределённо ответил, что, мол, вот так, как меня — да. Говорить было больше не о чем, да я и не хотела больше его компрометировать своей более долгой беседой в закрытой комнате, и мы расстались. У лестницы он пожал мне руку, и это тоже ощущалось в тот момент мной, как маленькое, подаренное мне судьбой, счастье… Придя в свою келью, я в своём возбуждённом состоянии принялась писать ему письмо, в котором описывала основные события нашей с Юлей жизни; ещё я написала ему, что я его простила, но что моя мать его за Юлю не простила и на

небесах тоже не простит. В субботу (это был уже рабочий день) мы с Дианой пошли вместе в университет, я передала ей письмо с единственной маленькой фоткой Юли, когда ей было лет 15, с тем чтобы она передала это Хусейну, но чтобы он вернул фотку. Она это сделала и быстро вернулась, я её ждала в холле. Там была целая толпа студентов, и на меня все глазели, было очень неловко там находиться.

Так закончилась моя эпопейная поездка в Дамаск. Я ещё раз напомнила Хусейну о его дочери, о его большом грехе. Только я, не как граф Монте-Кристо, я не могла покарать его за его преступление, я для этого, как говорил Хоакин, «слаба сердцем»…

…Через год или два Хусейн неожиданно позвонил Юле: он был в Америке в научной командировке. Спрашивал о её делах. Она что-то отвечала. Потом ешё один раз позвонил. Но, по словам

Юли, говорили недолго: говорить было не о чем. Все эти разговоры происходили без меня, я была в Испании.

Я оставляла Юле деньги на туристическую поездку в Сирию, всё ей объяснила, где что и куда идти. Но она не поехала, а потратила деньги на очередную обновку.

В Испании позже я по международному справочному узнала его домашний телефон. И раз в несколько лет, особенно, в последние годы войны в Сирии, Юля звонит по этому телефону. Сообщила, что родился сын, Тимур. Спрашивает, нужно ли чем помочь, на что следует всегда один ответ: «Спасибо, не нужно, всё нормально». Последний звонок мы сделали вместе с Юлей зимой 2019 года, Хусейн был жив; почти не отвечал; когда Тима схватил трубку и закричал: «Здравствуй, дедушка!» в трубке ответом было молчание.

Я года четыре назад написала ему письмо — писала, как всегда, на его почтовый ящик, который он, может быть, уже и не навещает; написала, что теперь очень легко делается ДНК, не то что в 1968 году, когда он мог клеветать безнаказанно и иностранцу всё сходило с рук; и, хотя он и так прекрасно знает, что Юля его дочь, но пусть сделает свой ДНК и пришлёт его нам; и что надеюсь, что т. к. наш конец не за горами, то свой грех он не унесёт с собой в могилу, а хотя бы поведает своим детям (они у него должны быть) о том, что у них есть сестра. Не знаю, получил ли он это письмо, прочитал ли его, это осталось для меня в неизвестности…

Конец 90-х

Между тем, Фр-ко уже дважды слетал на Кубу в свой отпуск, вёз множество разных лекарств и одежды и игрушек для своих внуков. У него было двое внуков от дочери и двое от младшего сына. Дочь была пламенной революционеркой, как и её мать, но самое главное, ярой противницей меня как «соблазнительницы и угонщицы» её отца. Так она меня воспринимала.

Мне тоже хотелось снова побывать на Кубе, и в 1997 году я купила недорогой билет и полетела туда. Фр-ко написал старшему сыну, чтобы тот уделял мне внимание, а остановилась я, как обычно, у Исабель в Гаване. Я повидалась с некоторыми своими кубинскими друзьями и съездила в Тринидад. Сказать «съездила» это ничего не сказать: для того, чтобы купить билет на автобус по цене для кубинцев, а не для иностранцев, что раза в три дороже, надо было с документом Исабель прийти часов в 6 в одно единственное место, где они продаются, занять там живую очередь и подождать, когда после 8 откроется касса.

В Тринидаде я случайно увидела в магазинной лавке коллегу Пако по его работе в Тринидаде вместе со своей женой (у которой я в бытность в Тринидаде что-то шила). Его радости не было предела: он ничего не знал о Пако с момента отъезда из Тринидада в Москву, т.е. с 89 года. Он написал Фр-ко письмо и они потом ещё какое-то время переписывались. В Тринидаде я пила в баре самое вкусное мохито. Да, тогда уже понемногу стали открываться частные рестораны и бары, но в стране было очень плохо со всем, особенно с транспортом и лекарствами. Когда я самостоятельно поехала на пляж в Гаване, мне пришлось сначала час ждать автобуса, а потом ехать минут сорок абсолютно зажатой и висящей на ступеньке. Люди вокруг были раздражены, а нас, русских, считали предателями. Да, собственно, так оно и было: наше правительство предало Кубу и политически, и экономически.

А с работой было тяжело, как прежде и как обычно. Зимой работала в ресторане в Беникасиме, мыла посуду, контракт на три месяца. А больше мне на такой работе и не надо было. Платят мало, эксплуатируют много. Летом 1997 года я устроилась на работу гидом с русскими туристами на Коста Брава.

Летом 1998 года снова работала гидом, но уже на Коста Дорада, это намного ближе к Кастельону. Устроила на эту работу и Володю, одного знакомого из ла Сеу, которому повезло жениться на каталонке (других возможностей у него легализоваться не было), и мы сняли квартиру на двоих. К Володе (ввиду его специфики) у Фр-ко вроде не должно было бы быть подозрений, хотя кто его знает! Я опять, как в 1992 году, пригласила Лиану, чтоб приехала поработать и подкопить денег. Искали с ней работу три дня, и, когда она, разозлившись (характер!) собралась уезжать, нашли работу ей в одном ресторане, где она проработала успешно (молодец Лиана — ведь было трудно, много часов работы, тяжело физически и ещё без языка!) до конца сентября. Вот так и жили мы втроем в этой квартире. Фр-ко приезжал один раз, конечно, поссорились, да, точно, опять ему что-то не понравилось с Володей; я пару раз ездила в Кастельон, уже на машине.

Осенью 1998 года я, было, нашла себе работу переводчиком в одну транспортную компанию в Каталонии, в г. Тарраса, что недалеко от Барселоны. Поехала, поселилась в каком-то хостеле, вышла на работу и -О, Господи, — меня окуривали двое мужчин и одна женщина, дымившие нещадно все восемь часов рабочего дня плюс один час в ресторане, куда мы ходили обедать! Через три дня я сказала им, что я не могу там работать, честно

объяснив причину моей головной боли. Но на той же неделе я смогла устроиться на работу переводчиком у одного нового русского, который тут же сделал мне контракт с неплохой зарплатой. Господин Сергей был абсолютно косноязычным безграмотным человеком, но, заработав много денег, приехал в Испанию, в надежде заработать ещё больше, а, может, просто хорошо пожить и протратить их. Последнее ему больше удалось,.т.к. он сменял профили своего посредничества: то продукты питания, то полиэтилен, то мебель, но бизнеса было мало, а прихлебателей из испанцев развелось оччень много. Проработав у него всю зиму, я вроде уже привыкла к жизни в Барселоне: я могла ходить там и ходила почти каждое воскресенье в каталонскую православную церковь, у меня было немало знакомых из той же церкви, и русских, и каталонцев, т.е. я не чувствовала себя в такой изоляции, как в Кастельоне. Я снимала в предместье города маленькую квартирку на втором этаже двухэтажного дома, где внизу жила семья цыган. Это было самое неприятное обстоятельство, если не считать того, что мешал запах цементного завода, расположенного поблизости, и моя машина под утро покрывалась слоем влажной едкой пыли.

И вот как-то раз ко мне в гости приехал Пако. Я ушла на работу, а, когда вернулась, вижу — он какой-то странный: не ест, не разговаривает. Спрашиваю, в чём дело, а он мне: «Я самый несчастный человек на свете!» Потом объясняет, что, когда он пошёл на крышу вешать постиранное бельё, там встретил цыганку из дома, которая спросила его: отец ли он того молодого парня, что бывает у меня?» Я так и села! — Да, ко мне приходил этот парень что-то помогал при переезде и потом иногда приходил, потому что он держал в голове снять у меня одну комнату, когда приедет к нему его жена из Украины. Сам он был бывший мент из Кировограда, поэтому мы над ним часто подшучивали, и интересовать он меня никак не мог, в первую очередь, по причине своего слабого интеллекта, во-вторую, разницы лет в 25, и, в-третью, по причине моей порядочности и чистоплотности. Забегая вперёд, скажу, что, когда приехала его жена, я, действительно, сдала им одну из двух комнатенок.

Но доказать или убедить что-то Франсиско было невозможно. Ядовитые слова цыганки проникли в его душу. Наутро (а спать он лёг отдельно, на полу) я сказала ему, чтобы он шёл к психиатру, у него паранойя, а мне надоело перед ним оправдываться; я ушла на работу, а он уехал. Уехал, и опять замолк. История повторялась. Ничего поделать было нельзя.

К лету контракт с русским закончился, продлевать он его не стал..т.к. решил сменить свою деятельность и открыть вместе

с кем-то ресторан.

Я вернулась в Кастельон, но отношения с Франсиско ещё долго не налаживались. Мне кажется, что он так мне и не поверил, и жил со своими мыслями. Просто у него начались проблемы со здоровьем: начались приступы удушья, нехватки воздуха, ему тяжело было подняться по лестнице или в гору. В первый же его приступ вызвала неотложку, его положили в больницу на обследование (это было ещё в Барселоне), и врач сказал, что у него сердечная недостаточность, а не астма, что думали мы раньше.

…Между тем, Юля закончила бакалавриат (4 года обучения), а через год и пятый курс факультета. И получила диплом преподавателя русского языка и классической филологии. Я приехала в Питер и помню ту кафешку, где мы с ней скромно попили кофе с бутербродами в честь окончания образовательной юлиной эпопеи. Она вернулась в Москву, и её квартиру, все эти годы её учёбы сдававшуюся, я решила продавать и взамен купить строящуюся. Не сразу, но всё же мне это удалось, ведь я этим очень плотно сама занималась. Сама и нашла и покупателя, и новостройку. В день сделки я удачно перевезла полученные деньги за новую строящуюся недалеко от м. Академическая, квартиру в самый последний день оферты (если б не было той оферты, у меня денег на м. Академическая не хватило бы!) перед Новым 1998 годом. А в сентябре 1998 года я занималась ремонтом полученной квартиры (квартиры сдавались всегда без ремонта). Я тогда не была связана работой в Испании и много времени проводила в Москве, при этом получая пособие по безработице.

Юля сменяла места работы, ведь платили везде очень мало, если вообще платили. Поработала немного у Лещенко с Винокуром, там оклад был 120 долларов в месяц; поработала в театре на Таганке какое-то время, но там и платили мало, и заставляли работать много, включая субботы. 1998 год вообще стал годом дефолта. Всем было плохо, и только меня с Юлей спасала моя валюта…

…Осенью 1999 года решила купить себе новую машину, конечно, маленькую и одну из наиболее дешёвых. Просто очень хотелось новую. Я попросила у Рафы какую-то сумму взаймы на год. Купила Рено-Твинго, и это было здорово. Но надо было отдавать долг, и пришлось устроиться на работу на склад по упаковке апельсинов, да ещё ехать для этого полчаса на своей машине, вставая в 5 утра — смена начиналась в 6 утра. Работа была тяжёлой, а первый день вообще жуть — мы проработали до 10 вечера, т.к. нужно было обработать большое количество

собранных апельсинов, я стояла весь день на конвейере, надо было шевелиться очень быстро и даже в туалет можно было пойти только с разрешения (почему-то мужчинам делалось послабление, они могли себе позволить даже стаканчик кофе взять из автомата, а у женщин была строгая дисциплина — в туалет — с разрешения), утром я всё время посматривала на часы, а в к вечеру потеряла счёт времени и работала сама как автомат; нет, это реально тяжёлая работа, и даже более приятная работа на этом складе — упаковывать апельсины в коробки, заворачивая их в тонкую бумагу, требовала скорости, а самое главное — только один отдых на полчаса, чтобы съесть свой бутерброд. Мне сделали контракт на три месяца, но я проработала только два: мэрия города мне предложила контракт на 6 месяцев на работу уборщицей в разных общественных местах с хорошей зарплатой (благодаря ЕС, финансирующему борьбу с безработицей в Испании).

Работа была противная, конечно, и самое противное во всех этих работах есть не сама работа, а люди, с которыми приходится иметь дело: необразованные и бескультурные, вот эта среда, которая тебя окружает…

А осенью 2000 года мне повезло с работой. Один немного знакомый мне продавец плитки (от разных фабрик) вдруг позвонил мне по моему объявлению в газете и предложил работу в его офисе. Сделал мне контракт на полгода. Я успешно проработала у него полгода и, честно, считала себя малозаменимой: кроме языков у меня были знания офисной работы, ясная голова и знание Москвы, что однажды и пригодилось в командировке. Но испанец продлил мне контракт ещё на полгода, ни на сколько не повысив зарплату. Я считала, что он просто жадничал и я ушла. Я решила, что я созрела для того, чтобы самостоятельно заниматься продажей плитки в Россию. Ведь Кастельон — центр керамической плитки. Вокруг города расположена сотня фабрик.

Для начала я сняла нормальную приличную квартиру, в той убогой, влажной и холодной, где я несколько лет прожила вместе с Пако, я не могла больше жить, там даже розеток нормальных не было, да и места для компьютера. Я предложила Пако оставить эту квартиру, но он экономил — ему надо было деньги на Кубу посылать.

Рафа сказал мне: «Людмила, ты не можешь работать в подчинении у кого-либо, ты слишком большая анархистка, так займись своим делом. Я дам тебе денег. Сколько тебе нужно?» И дал мне три тысячи. У меня был налажен кое-какой контакт с дешёвыми производителями плитки в Кастельоне, в Москве я

зарегистрировалась как частный предприниматель, но мне это почти не пригодилось: я связалась с таможней (она находилась, как раз, рядом с домом на Инженерной) и поняла, что мне самой слишком дорого будет стоить растаможка плитки; тогда я договорилась с одним знакомым кубинским бизнесменом, что покупателем будет он; я, конечно, рисковала в определённой степени, но я всегда рискую, когда нет другого выхода. кубинец не подвёл, плитка была продана, и я по реализации получила деньги, небольшой, но навар.

Затем я решила сделать ещё один контейнер плитки. У меня уже был другой покупатель в России, в Твери, но сначала я попыталась создать небольшую фирму в Москве вместе с одним отставным военным, который бы держал место на рынке и торговал там плиткой. Этой идеей я была занята полгода, но, в конце концов, отказалась от неё, т.к. все мои усилия по выбору дешёвого места с помощью новых товарищей ни к чему не приводили — товарищи хотели долю, но не хотели работать и действовать; в конце концов, я поняла, что фирму надо поскорее закрыть. Я ходила по разным точкам в Москве, ездила в Минск, но ничего с покупателями не получалось, все брали только на реализацию. Я пошла на эти условия с одним предпринимателем из Твери, с которым уже была знакома, тем более что у него в Твери на таможне был контакт. Итак, мне нужно было оформить морскую транспортировку контейнера в Испании, конкретно, из Валенсии. Это должно было проходить от лица фирмы, т.к.плитка была от разных фабрик. Я позвонила одной посреднической фирме, которая оформляла Товарный Лист — так называемый коносамент по определённым требованиям фрахта, но они брали такой процент, что для меня сделка теряла смысл. Тогда я поехала в офис Рафаэля и попросила бухгалтера дать мне программу для такого Листа. Получив программу, я на компе с трудом, но смогла технически всё сделать. (Надо учесть, что в 2000 году такие вещи не были так развиты и сделать всё, как надо на компьютере, это было доступно только продвинутым бухгалтерам).

Я заказала печать со своими реквизитами, которые выглядели так: Liudmila de la Nuez, «Castellon», и представила как продавец свой коносамент в морскую компанию. Я рисковала тем, что, если бы налоговая инспекция захотела меня проверить, с моей будущей выручки заставили бы заплатить полагающийся налог с продажи. Но, к счастью, этого не произошло. Произошло другое: мой покупатель, благополучно продав плитку, но сославшись на свои долги, не спешил переводить мне деньги. Но об этом позже.

Болезнь и смерть Франсиско

Франсиско продолжал работать в качестве разносчика рекламы. На работе его очень ценили, уважали: он был самым продуктивным работником, ну и самым старшим. Но нездоровье давало о себе знать и требовалась большая сила воли, чтобы исходить в день много километров, а он это делал. Приходил с работы, разогревал себе еду, если меня не было, и поев, садился в кресло смотреть телевизор — в будние дни сил ни на что больше не было.

Летом 1999 года мы предприняли поездку в La Ceu de Urgel, что рядом с Андоррой, в гости к Соль и Володе. Я за рулём, Пако, как всегда, давал ценные указания по вождению. Очень хорошо нас принимали, мы ездили и в Андорру, и в деревню к сестре Соль, и в Puigcherda к её племяннице, усыновившей русского ребенка. провели прекрасных три дня, но одышка мешала Пако.

А весной следующего 2000 года в честь 70-летия Пако — его день рождения 22 апреля 1930 года — я решила провезти его через Мадрид в Астурию, страну басков, Арагон и дальше по дуге вернуться в Кастельон. В Овьедо мы остановились у моей бывшей туристки, с которой я изредка перезванивалась на протяжении всех прошедших лет; ночью, правда, Пако почувствовал себя неважно — не хватало воздуха; тем не менее днём все вместе поехали в ресторан и ели типичную астурийскую фаваду и она была превосходна. А город Овьедо — вообще класс! Я это уже знала, т.к. однажды, в 1988 году, побывала там. Дальше мы проехали через Астурию в Кантабрию, посетили живописный город Сантандер, затем заехали в Бильбао, потом Сарагоса, и мимо Теруэля по гористой местности, и всё это за один день. Ночь застала нас в каком-то местечке, не помню название; мы ночевали в машине, но спать было очень холодно, мы страшно замёрзли и в пять утра решили продолжить путь. Бензина оставалось мало, но запастись было негде — место было глухое. Но, т.к. путь лежал вниз к побережью, я вела машину, в основном, на нулевой передаче (теперь говорят, что это неправильно и что бензин так не сэкономишь; не знаю, не знаю, нам совсем не светило остановиться с пустым баком на пустынной дороге почти ночью). Когда подъехали к Винаросу уже рассвело и я вздохнула с облегчением: можно было заправиться и начиналась нормальная и хорошо мне знакомая национальная автодорога. Наша поездка успешно завершалась.

Осенью 2000 года у Франсиско случился очередной приступ удушья, я повезла его госпиталь, нарушая все правила движения,

очень боясь не успеть. Его положили, купировали приступ, но надо было что-то предпринимать. Врач сделал все нужные обследования и сказал, что нужно делать шунтирование — by pass, поставил на «лист ожидания». Но ожидать можно было бы, наверно, ещё очень долго. Понадобилось всё красноречие Пако, чтобы уговорить доктора, и это удалось — через день Пако повезли на операцию в Валенсию, в госпиталь La Fé. Хирург перед операцией встретился со мной, подтвердил, что откладывать нельзя. Прилетел из Мексики младший сын Франсиско (тогда ему было лет 30). Я встречала его в аэропорту Валенсии и отвезла на свою «новую» квартиру. На следующий день поехали с ним в госпиталь, чтобы увидеть за стеклом пришедшего в себя после наркоза Пако. Он увидел нас и на его глазах показались слёзы. Мы ещё приезжали к нему вместе, потом Борис поехал один навестить отца перед отлетом. И так случилось, что в тумбочке я увидела сберкнижку Франсиско, о которой я ничего не знала. Я поняла, что Франсиско дал эту книжку сыну со всеми своими накоплениями. Мне стало очень обидно: я никогда не жила на иждивении Пако, да это было бы невозможно; наоборот, еда на свои деньги, бензин на свои деньги, за свою квартиру я платила сама и сразу, как сняла её, предложила Пако переехать в неё. Но он не захотел потерять свою малюсенькую и дешёвенькую и приходил ко мне «в гости», правда это было очень близко — семь минут ходьбы. И прятать от меня сберкнижку, чтоб потом передать её сыну, мне показалось нечестно. Позже я высказала свой упрёк Фр-ко, за что его сыновья потом ополчились на меня.

Восстановление Пако проходило очень трудно. Он испытывал сильные боли, не мог лечь и спал, полусидя в кресле. Я привезла его в свою квартиру и там ухаживала за ним. Через месяц, не раньше, он решил вернуться к себе: прилетел по приглашению его старший сын, и Пако поселил его вместе с собой на своей квартире. Сыну не понравилось, что я обитаю в другой квартире, хотя было очевидно, что в квартирке Фр-ко не было ни места, ни условий ни для восстановления Пако, ни тем более для жизни втроём. Но его дети и так очень ревностно относились ко мне, а история со сберкнижкой и вовсе напрягла отношения. Врач кардиолог сказала ему, что всё идёт, как надо (хотя по рассказам других с этой операцией восстановление не было сопряжено с такими болями, как у Фр-ко) и что ему нужен щадящий режим и больничный ещё полгода. Тем не менее, в начале января Пако купил билет в Майями, где проживали его многочисленные родственники, покинувшие Кубу после революции, с которыми он не поддерживал никаких отношений, пока не приехал в Испанию

и которых (кроме сводного брата, который уже дважды приезжал в Испанию) не видел более сорока лет. Пако говорил, что Бог пока даёт ему каждый день, но может перестать их давать в любой момент, поэтому надо спешить. А ему как раз выдали испанский паспорт накануне, так что он мог лететь без визы. Обратный билет он купил на срок через три недели, он не считал возможным и правильным особенно мешать своим родственникам. А ещё он поговаривал, что, если уже не сможет работать на своей работе, то, возможно, ему придётся вернуться на Кубу, где у него копилась его небольшая кубинская пенсия; он не представлял жизни на моём или ещё чьём-то иждивении, а соглашения между двумя странами о признании стажа, как в случае Испании и России, не существовало. Мне было очень грустно и неприятно от этих слов, но ответить или возразить было нечем. Я подумала: пусть слетает повидаться с родственниками, приедет, тогда и будет виднее. Но я также видела, что после истории со сберкнижкой между нами «пробежала чёрная кошка»: у меня ещё жива была своя обида, а у него очень большая обида за то, что были затронуты его сыновья, чего он не допускал никак.

Через две недели Пако сообщил, что его везде так радушно принимают и что билет ему поменяли аж на конец марта! Голос у него был бодрый, он говорил, что очень много ходит пешком, просто очень большие расстояния. Я радовалась за него.

Я заходила к нему на квартиру и часто оставляла еду его сыну Фр-ко млдш., поскольку он пошёл работать, а я знала, что он не привык сам себе готовить (это всегда делали его последовательно три не расписанных с ним жены, от каждой из которых было по девочке, а у первой даже две).

Воспользовавшись отсутствием мужа, я улетела в Москву, где Юля огорошила меня известием, что она улетает в Нью-Йорк. Ей со второго захода удалось получить визу: она хорошо подготовилась, пользуясь моими бланками фирмы ООО «Кастельон» и печатью, что дало ей возможность отпечатать справку о работе на фирме с соответствующим окладом. На самом деле Юля занималась деланием дипломов и курсовых рефератов для гуманитариев. У нас же был компьютер, который тогда был ещё не у всех, и даже был факс. И в конце марта она отчалила в Нью-Йорк. Я дала ей адрес и телефон русского общежития, дала ей с собой двести или триста долларов (не помню), чем она была очень недовольна, так что расстались мы очень сухо, и я даже не стала её провожать до аэропорта.

Я вернулась в Испанию ждать возвращения Фр-ко. Но в конце марта, когда оставалось дня четыре до его возвращения, я

получила известие о том, что Пако в больнице, его привезли по скорой с высокой температурой. У него обнаружилась в крови инфекция. Сначала всё шло ничего: его пролечили антибиотиками, и инфекция вроде исчезла. Но обнаружилась другая беда: почки не справлялись. Голос Пако по телефону был слабым, он говорил, что у него нескончаемая диаррея. Он мечтал вернуться в «родную» Испанию, говорил, что медсестры грубые и делают уколы очень больно, не то что в Испании. 22 апреля у него был день рождения, исполнялся 71 год, и к нему в больницу пришли почти все его родственники. Я просила его разрешения прилететь к нему, но ведь мне надо было у кого-то жить, а мне не предлагали, а он говорил по телефону, что ещё немножко и его выпишут, приезжать не надо. 26го ко мне пришёл его сын и сказал, что только что сообщили, что Франсиско в реанимации.

Я не могла спать, мне было тревожно. Я решила ехать в Мадрид в американское консульство за визой. Я позвонила его сыну и зная, что тот хорошо водит машину, предложила ему ехать в Мадрид вместе. Он согласился. В половине пятого утра мы выехали, а в половине шестого позвонил брат Франсиско и сообщил, что Франсиско умер. Было утро 27 апреля 2001 года.

Мы остановили машину. Я рыдала. Франсиско младший сидел, закрыв лицо руками… Через полчаса мы двинулись дальше. В Мадрид к консульству подъехали в начале десятого утра. Я знала, что просто так в Консульство не попасть, нужна предварительная запись по очень дорогому телефонному тарифу, и у меня просто не хватит мелочи. С первой попытки у меня ничего не получилось: мне повесили трубку, как только я заикнулась о визе. Я подошла к часовому, спросила, что мне делать, и он посоветовал, как только снимут трубку, произнести слова: умер муж. Так и вышло: произнеся это меня стали слушать дальше, а потом сказали, чтобы я вошла внутрь. И очень быстро мне сделали визу, на 6 месяцев. Когда я, удовлетворённая таким быстрым решением с визой, собиралась уходить, я решила спросить про сына Фр-ко, правда, уверенная в том, что ему никакой визы не светит, и потому что он кубинец, и потому что у него и испанской резиденции ещё нет никакой. Но женщина в окошке разрешила ему тоже зайти в здание и подойти к окошку. Я позвала Фр-ко млдш., его стали спрашивать подтверждение смерти отца, связались по телефону с Майями, где им подтвердили это, и тогда ему выдали визу на 10 дней. Вот это был подарок для сыночка Пако! Он же всю жизнь мечтал, и вернее и не мечтал даже о таком! Он, который жил на Кубе пассивным диссидентом, нигде не работал, потому что не хотел работать

«на Фиделя», а тут — несчастье помогло!..

После этого мы поехали в аэропорт покупать билеты на ближайший рейс. За приемлемую цену нашли билеты у Айрфранс на следующее утро. У меня были деньги в песетах только на один билет, но были с собой доллары. Фр-ко млдш. попросил у меня деньги на билет взаймы, обещав в Майями мне их вернуть. Я согласилась, валюту поменяла и билеты купила. Привезла его к своим хорошим знакомым, у которых мы заночевали. Машину определила в один гараж за определенную плату, до возвращения. И мы улетели.

* * *

Нас встретили в аэропорту, отвезли на квартиру его сводного брата, там были уже родственники, приехавшие из Орландо и из Нью-Джерси. На следующий день было прощание в морге. Т.к. у меня не было с собой черного одеяния, (у меня вообще вещей с собой почти не было), мне его купили. В морге мне как жене предложили подойти к гробу первой. Лицо мужа было трудно узнать, его слишком заморозили и создавалось впечатление, что он как-то зловеще улыбается. Я стояла перед ним, говорила ему что-то нежное по-русски и плакала.

Потом мы были в ресторане, и родственники обсуждали проблему оплаты похорон, очевидно, делили расходы. Я была далека от всего этого: во-первых, меня захватило горе, а во-вторых, я вообще тогда плохо всё это себе представляла, т.е. то, что всё это может стоить больших денег. А Пако, как я уже поняла, никаких денег мне вообще не оставил.

Тело должны были кремировать только через десять дней, столько времени мне негде было ждать. Нас повезли на квартиру его сестры, живущей в пригороде Майями. Я всё время лежала в каком-то полубреду, почти не спала и не ела. Сестра, видно живущая очень скромно, предлагала нам еду раз в день, как-то раз я сходила в Бюргер Кинг, единственное место, которое было поблизости, предложила Фр-ко млдш. пойти со мной, угостила его. Я знала, что денег ему подкинули, но он не спешил их тратить — он вообще был полный антипод моего мужа. Потом за нами приехал какой-то родственник — адвокат, именно от него сынок собирался получить деньги за авиабилет и вернуть их мне, он повёз нас к себе, в большой красивый дом с красивым участком, там он уединился с сыном Фр-ко для очень долгой беседы, а я сидела во дворе и ждала, ждала. Денег я никаких так и не получила.

Я усиленно думала: чтО делать дальше? Возвращаться в Кастельон, зайти в пустую комнату, где столько лет прожил Пако, мне совсем не хотелось, и тем более жить вдвоём с его

сыном, который за собой даже унитаз оставлял грязным, не говоря о посуде на кухне. А контракт с хозяйкой квартиры, где я жила в последний год, скоро заканчивался, и она, по всей видимости, не собиралась его продлевать. Надо было поискать работу тут, в Америке. К счастью, телефонную карточку мне купил один из родственников (я бы и сама её купила, если б поблизости она продавалась). Я позвонила Юле, которая — по иронии судьбы — уже месяц была в Нью-Йорке и уже попросила выслать ей денег из Майями, попросила её узнать в агентствах о работе (речь, конечно, могла идти о работе домработницей с проживанием). И Юля узнала. Мне позвонили из агентства в Нью-Йорке и предложили работу в Калифорнии; потом мне позвонили из этого дома, где нужна была домработница, говорила со мной женщина, которая работала там, но уходила, т.к. выходила замуж и уезжала; она объяснила, что речь идёт о работе с ухаживанием за полупарализованной женщиной (рассеянный склероз), которая передвигается в коляске, нужны водительские права и вождение её в город почти ежедневно, кроме — само собой — уборки и готовки; оплата — 400$ в неделю, что по тем годам было прекрасно, и два выходных дня. Потом позвонил сам хозяин — её муж, разговаривал со мной по-английски, но я поняла, что он покупает мне по интернету билет в Сан-Франсиско и в аэропорту встречает. Я была согласна. Но мне надо было решить проблему с оставленной в Мадриде машиной, и, самое главное, с освобождением снимаемой мной в Кастельоне квартиры. Решить эти проблемы без сына Фр-ко, который через несколько дней должен был вернуться в Испанию, было невозможно. И я, во-первых, отдала ему ключи от своей машины с разрешением ездить на ней, пока не вернусь, и, во-вторых, попросила его собрать мои вещи и перенести в маленькую прежнюю квартиру. Он на всё это согласился очень охотно. (Если бы мне знать, чтО он затевает!) И только твердил одно и то же: «Надо же — 400$ в неделю! Будешь скоро очень богатой!»..

3 мая я вылетела из Майями в Сан-Франсиско. Лететь надо было 6 часов, и всё это время я пребывала в прострации. Я спрашивала себя: как я здесь оказалась? Куда я лечу? — На край света, всё дальше и дальше не только от Москвы, но и от Испании, и не только от Испании, но теперь и от Нью-Йорка и Майами, и лечу в сплошную неизвестность — ведь я не профессиональная сиделка с опытом. Я сидела и выписывала на листочке все основные телефоны, чтобы, если что, меня могли бы идентифицировать, позвоня Юле или ещё кому. Но я долетела благополучно. Начиналась новая история, новая

страница моей жизни. Жизни без Франсиско.

Пребывание в Америке. 2001—2002 г.г.

Началась моя работа и жизнь в американской семье. Их дом находился в 5 км от городка Los Altos в Кремниевой Долине. Моя комната находилась в бейсменте, у меня был телевизор и все удобства. Но поспать спокойно ночью не было возможности. Во-первых, я продолжала пребывать в сильном стрессовом состоянии, а, во-вторых, хозяйка, её звали Сандра, звонила мне в колокольчик пару раз ночью и потом утром часов в 6 — 6:30. Я поднимала её неподвижное тело с кровати, усаживала в коляску и трудный день начинался. Я выгуливала собаку, а после завтрака хозяйка обычно хотела ехать в город по магазинам. Она посещала много магазинов, и я каждый раз вытаскивала коляску из багажника, раскладывала её, потом вытаскивала Сандру из машины, сажала в коляску, и также обратным порядком — стаскивала её с коляски, сажала в машину, коляску собирала и помещала в багажник. А в магазинах Сандра останавливалась у каждой полки и подолгу думала (замедленное мышление), что ей купить, особенно медленный процесс был в магазине с разной — как я это называла — фигнёй: поздравительными открыточками, которые она придирчиво рассматривала, игрушками для её любимой собаки и прочей ерундой. Я в это время стояла за её коляской по полчаса на каждом месте, что мне всегда было трудно, т.к. я человек движения и действия, кроме того, страшно хотелось спать и я проклинала эту американку и вообще всех американцев, за то, что они тратят деньги на разную мишуру, т.е. «с жиру бесятся» в то время, как миллионы людей в мире голодают. Она покупала свежие овощи и фрукты, дома клала их в холодильник, а прежние, ещё вполне годные к употреблению, выбрасывала, и «гарбич», т.е. «мусор» было её чаще всего произносимое слово.

Хорошего в этой работе было то, что выходные, за редкими исключениями, были в моём распоряжении. Я садилась в предоставленную мне машину и уезжала знакомиться с окрестностями. Я проехалась по всей Кремниевой Долине, съездила в город Сан-Франсиско, очень живописно расположенный, посетила все его русские православные церкви, гуляла по прекрасному лесопарку.

Я вроде начинала привыкать к своей работе. Но однажды, в начале июля, замотанная бесконечными поездками Сандры по магазинам, в момент, когда я клала коляску в багажник, я

оступилась на бордюре и упала спиной на проезжую часть. Было очень больно, подняться самостоятельно я не могла, прохожие вызвали скорую помощь, меня забрали и отвезли в больницу. У меня оказалась сломанной рука в запястье. В больнице мне сказали, что у меня перелом со смещением и тоже на скорой отвезли в частную клинику. Там мне объяснили, что операция стоит 6000$, что существует в двух часах езды бесплатная клиника, которая уже закрыта, ехать нужно завтра, но там очень много больных и долго ждать, но я об этом и слышать не хотела, т.к. боль была очень сильной. Позвонил муж Сандры, я объяснила ему ситуацию, и он меня успокоил, сказав, что через полчаса приедет и привезёт чек. Я ждала, врач тоже ждал. Клиника закрывалась в шесть. В половине шестого я сказала очень требовательно, чтобы начинали уже, что хозяин сейчас будет здесь. И врач начал. Сделал мне пару обезболивающих и стал выправлять кисть руки. Было очень больно, несмотря на уколы. Потом, после гипсования, врач сказал, что через неделю надо сделать снимок, что кость раздроблена, и, если не срастётся, то надо будет вставлять железки. Приехал Джон (хозяин) и выписал чек на требуемую сумму. В машине я не переставала благодарить его за его щедрость и благородство, а он, очевидно устав от этого, сказал, что чек пустой, т.к. на счету нет этих денег. Я обомлела, но додумывать не хотелось: главное, что рука была вправлена и уже не так болела. Понятно, что работать я уже не могла. Хозяин нашёл на замену мне какую-то молодую филлипинку, которую, впрочем, они скоро уволили, но это было уже после моего отъезда. Но я продолжала жить и кормиться у них. Через неделю врач мне сказал, что я оказалась «very lucky», потому что кости срослись. А ещё через две недели хозяин купил мне билет, и я улетела домой, рука была ещё в гипсе.

Юля в это время пребывала также в Америке, она нашла работу интерной в одном доме, мне почти не звонила, я не уверена, разговаривали ли мы хоть раз за все два с половиной месяца, что я прожила в Америке.

В Москве в моей квартире на Инженерной жила девушка, я ей сдавала квартиру, мы стали жить вместе, но я понимала, что, как только мне снимут гипс и я пройду реабилитацию, я должна ехать в Испанию, где надо будет как-то устраиваться. К тому же уже прошёл год, как я подала на испанское гражданство и мне надо было быть там.

И вот в конце сентября я прибыла в Кастельон, пошла на прежнюю квартиру, где жили мы когда-то с Франсиско и где должны были находиться все собранные с другой квартиры вещи, и …не смогла открыть дверь своим ключом. Я поняла, что Фр-ко

младший поменял замок. Это был плохой знак. Я позвонила ему и попросила подвезти мне мою машину. Он приехал, но только где-то через час. На мой вопрос про новый замок он сказал, что я теперь богатая и могу поискать себе другую квартиру, а ему надо позаботиться о своих жене и детях, которые скоро приедут. Я ночевала у одной знакомой испанки. она поехала со мной к нему, пыталась пристыдить его, но это было абсолютно бесполезным делом. Он знал, что делал. Он был типичным кубинцем постреволюционных времен -«abuser», таких я много повидала в Москве, присасывающихся к русской женщине и живших на её полном иждивении. Всё, пусть не очень многое, что было куплено мной (Франсиско не покупал из мебели ничего), он оставил себе; мне были выданы пара пакетов с моей одеждой. Ночевать мне было, по существу, тоже негде, и я пошла в полицию. Рассказала дежурному полицейскому об этом произволе, а он говорит мне: «Да чёрт с ними, с вещами, вы вот подумайте, где свидетельство о смерти вашего мужа находится, вам же пенсию за него надо оформлять».

У меня на руках была ксерокопия этого свидетельства, где в графе «семейное положение» было написано про Франсиско — *separated*. Я вначале не очень придала этому значение. Свидетельство выписывалось со слов сводного брата Фр-ко, и он это сделал или потому, что не хотел признавать брак Фр-ко со мной, или от ненависти к «русским коммунистам» (их на Кубе запугивали коммунизмом все годы до революции). Про пенсию я вообще почему-то не думала. А тут задумалась.

Бывшая коллега по работе у Рафы Пакита любезно предложила мне пожить у неё, она жила в Валенсии, и я с удовольствием покинула Кастельон, ставший мне чужим городом. Я приходила в офис Рафы и оттуда посылала письма в Америку: и в Похоронное бюро, где выписали свидетельство о смерти, и в другой город Флориды, где находились нотариусы, делавшие апостили, но мне никто не отвечал. Тогда я решила, что мне надо лететь в Америку, и выяснять всё на месте. Начала процесс получения визы; по почте мне в визе было отказано, и я решила ехать в Мадрид, в Консульство. В Консульстве я объяснила свою ситуацию, что мне надо исправить ошибку в документе о смерти, что должно быть написано там «женат», а не «разведён», т.к. у меня есть «Libro de Familia» — главный семейный документ, где записано, что мы муж и жена, и что заочно это исправить оказалось невозможным. В конце концов, клерк в окошке мне сказала, что окей, она даст мне визу, но она знает из опыта, что подобные вопросы в Америке решить невозможно, так там всё устроено. Но визу я получила и прямо

из Мадрида улетела в Москву.

Заканчивался тяжёлый 2001 год.

В марте 2002 года я снова была в Испании, откуда и улетела в Нью-Йорк. В аэропорту меня должна была встретить дочь.

Я знала, что после полугода работы интерной она заработала немаленькую сумму денег и сняла себе в Бруклине студию, и значит, мне было, в принципе, где остановиться. Хотя, конечно, наше совместное нахождение через несколько минут вызывало у неё сильное раздражение и всё очень быстро заканчивалось конфликтом.

Я прилетела, вышла в зал для встречающих, но Юли там не увидела. После такого длинного перелёта всегда чувствуешь себя очень усталым, поэтому тот час, что я ждала, пока появилась Юля, был очень долгим. И Юлю я узнала с трудом: она была неузнаваемо худа и это особенно отразилось на её лице, оно мне показалось каким-то маленьким и сморщенным. Взгляд был напряжённый, она явно была чем-то озабочена. Она нервно повела меня к метро, по дороге со мной почти не разговаривала, мои ответы на её дежурные вопросы почти не слушала, и кому-то всё звонила по телефону и тихо разговаривала. одним словом, была не в адеквате. (У меня в голове даже пронеслась мысль: «а вдруг Юля тут села на наркотики?» Но дело было в другом, как выяснилось позднее). Дома она меня ничем не покормила, принесла матрас и простыни и указала мне на место на полу. Мысли были тяжёлые.

На следующий день она, всё время вися на телефоне, послала меня на уборку к одному американцу, сказав, что плохо себя чувствует и сама не может ехать, дала денег, чтобы я купила всё, что нужно для уборки. Я всё сделала, поехала по неизвестному мне адресу, на улице было очень холодно, а я приехала в одном жакете, надеясь на тепло в конце марта; я убралась там, но забыла забрать назад чистящее средство; Юля разразилась руганью, чтобы я ехала назад за этой бутылью или чтобы заплатила ей за неё 4$ (деньги за уборку я сразу ей отдала), что она сидит без денег, и она всё распалялась, и дошла до того, что сказала, чтобы я убиралась в общежитие для русских нелегалов, что ночь пребывания в её квартире стоит 25$, а я, видите ли, хочу на халяву тут устроиться, затем взяла мой чемодан и одежду и вышвырнула всё из квартиры на лестницу. Я плакала и просила её оставить меня в покое до завтрашнего утра; она «смилостивилась», предупредив, что, если завтра я не уберусь из её квартиры, она выбросит все мои вещи.

Ту ночь я провела, как в бреду от ужаса происходящего. Нет,

картина мне была знакома: она подобное с выгонением меня уже устраивала и в Москве, и в Питере, но я всё же не ожидала такого, после года разлуки, да ещё в чужой стране и в самом невыгодном для меня положении, когда я только прилетела и пойти мне было некуда… На следующий день я смогла устроиться в том общежитии, в квартире, сдававшейся ещё одним евреем, впрочем не самым плохим, и даже койка у меня была нижняя, стоившая 10$ в сутки. И стала жить в коллективе с разными нашими женщинами, одна из которых знала Юлю и сказала, что никогда не простит ей такой подлости по отношению к матери, другие же женщины просто были в изумлении от того, что при дочери, живущей одной в квартире, я, почти 60-летняя женщина, вынуждена искать себе ночлег.

Через несколько дней Юля позвонила в общежитие и предложила мне поехать с ней на уборку в один большой дом, сказала, что хозяин русский и хорошо заплатит; я согласилась. В том доме она практически не убиралась, приехала в хорошей одежде и на каблуках, убиралась я, но деньги она, конечно, все взяла себе (если бы она предложила мне взять половину, я отдала бы ей всё, но она и не предложила). И в тот день она мне сказала, что она беременна и спросила, чтО ей делать? Во-первых, я была очень удивлена: ведь Юля раньше мне говорила, что гинеколог поставил ей диагноз «загиб матки» с малой вероятностью беременности; во-вторых, я сказала, что раз Бог в её 33 года послал ей эту беременность, то, конечно, сохранить её. Но она стала мне выговаривать, что я идеалистка, что ничего не понимаю, что, чтобы родить и растить ребёнка в Америке одной, надо иметь уйму денег и что в её положении, когда она фактически не имеет работы, это немыслимо. Про виновника сказала, что он старше её лет на 15 и что он» мудак», ему это не надо и что она «послала его». Тогда я сказала, что, если она уже решила, что не будет оставлять беременность, то пусть это делает побыстрее, срок заходил уже за три месяца.

Это было уже начало мая. Мне помогли устроиться на работу помощницей в одну семью, к бывшей московской чете евреев, причём очень удачно, без напряга, работала я там 6 часов в день с двумя выходными, правда платили не очень много, но на тот момент меня устраивало. И вот Юля говорит мне, что она решила сделать аборт, но, т.к. она должна поработать три дня у какой-то старухи в Лонг-Айленде, то просит меня заменить её на эти дни. Ну, на выходные я могла её заменить, конечно, но нужен был ещё один или два рабочих дня, и мне пришлось договариваться со своими «хозяевами». Я поехала на поезде в Лонг-Айленд, (что было уже недёшево); старуха была препротивная; я пробыла там

два дня, а на третий приехала Юля. Я удивилась, что рано, но она сказала, что ничего не сделала. Кажется, она всё металась. Я сказала, что раз она упустила эти дни, то дальше уже поздно, что нужно успокоиться и настроиться на оставление и сохранение беременности. Она ничего не ответила.

В это самое время шли мои телефонные переговоры с Сандрой — той американкой в Лос Альтос, у которой я работала год назад. У неё в это время была помощница японка. Вообще японки лучшие помощницы, но эта 62-летняя женщина была маленькой и хрупкой, поднять Сандру не могла, и машину водила плохо. И Сандра захотела, чтобы я опять работала у них. Кажется, её муж без особой охоты, но купил мне всё же билет на самолёт, я простилась с Нью-Йорком и полетела снова в Сан-Франсиско. Калифорния меня всё же манила! И манила возможность в выходной день сесть в машину и ощутить свободу, поехав, куда хочу! Но было ещё одно немаловажное обстоятельство: нужно было зарабатывать деньги, если придется потом «поднимать» ребёнка.

На этот раз я уже быстро втянулась в работу, а Молдун — так звали их собаку, увидев меня на пороге, бросился ко мне и стал лизать меня — он вспомнил меня, и это тоже было приятно. Юля иногда звонила, она всё время говорила о безысходности ситуации, о том, что она не сможет жить с ребёнком без денег; я ей сказала, что согласна высылать ей весь мой заработок — 400$ в неделю, что я потом буду ей помогать, лишь бы она ничего уже не предпринимала, потому что уже поздно. Она жаловалась, что ей нечем заплатить за квартиру, я стала высылать ей деньги.

И вот в один из дней она мне звонит и сообщает, что была в клинике и сделала первый этап её позднего аборта — стимуляцию, и завтра идёт на чистку; что она разговаривала с Соней, и та её убедила в необходимости аборта…

Что мне было делать! Я была сокрушена безумством своей дочери. Плоду была 21 неделя!.. Мне оставалось только просить её не пожалеть завтра денег на такси после процедуры, и дома лежать, лежать. На следующий день (хорошо, что хозяева были, как раз в отъезде те дни) я без конца ей звонила, пока она не ответила мне слабым голосом, что *УЖЕ ВСЁ*, и она дома. Я, забыв все свои обиды, разговаривала с ней тем вечером часа два, её голос был слабым и добрым, и я в первый раз (!) рассказывала ей о своей беременности Юлей и о всей драме своей жизни, связанной с той беременностью. Она мне говорит: «И ты хотела такой жизни для меня и ребенка?», на что я ей ответила «Но ты же всё-таки родилась! И не договорила: «а твой ребёнок уже не родится»…

Юля не очень отлежалась и ещё долго приходила в себя…

Одним из поводов расстаться с беременностью для Юли послужило знакомство по объявлению с одним нашим эмигрантом, имевшим уже американское гражданство, и, якобы, серьёзные намерения этого кандидата в женихи, с которым Юля надеялась легализоваться и заодно сходить замуж. И вот не прошло и месяца после аборта, как этот чел приезжает знакомиться с ней лично в Нью-Йорк и затем предлагает ехать к нему в Вермонт. И моя безумная дочь поехала к нему.

Шёл август 2002 года. Я работала у американцев, с Сандрой было всё так же нудно и трудно, но мне надо было копить деньги: речь о Юле уже и не шла, но вот мой тверской компаньон, которому я поставила контейнер плитки на условиях реализации в 2001 году, продал эту плитку и по условиям договора должен был уже давно со мной рассчитаться, никак мне всех денег не переводил, объясняя это, как водится, «производственными трудностями». Но мне же скоро нужно было отдавать деньги Рафаэлю, давшему мне их на моё дело. И я не могла его подвести!..

В выходные я часто ездила в гости к своим знакомым приятельницам.

С одной из них мы ездили и на экскурсию в Лос-Анжелес и в царство нудистов в Северной Калифорнии Эль Парадис (нас туда повезли ещё одни наши знакомые) и последнее было поездкой в красивое, действительно, райское место. И я думала, ехав по красивой дороге: «Франсиско, ты даже своей смертью сделал так, чтобы мне сейчас было хорошо, и я наслаждалась неожиданно пришедшей возможностью созерцать красоту этой американской природы»…

А как-то, возвращаясь однажды после моего визита к приятельнице «домой», случилось вот что. Мне нужно было проехать по хайвею буквально до ближайшего съезда, но, так как смеркалось, я ехала довольно медленно, боясь пропустить съезд, и не сразу услышала сирену полицейской машины, и пока она не обогнала меня и не остановилась передо мной, преграждая мне путь, я никак «не доезжала», что это мне требовалось остановиться. Наконец, я остановилась, ко мне подошли двое полицейских, сказали, что я нарушила минимальную скорость 35 миль в час, т.е. ехала медленнее, и потребовали предъявить права; я предъявила свои испанские права — я знала, что могла ездить по ним в течение 6 месяцев как турист. Но им мои права не понравились, они обыскали весь бардачок, потом велели мне выйти, надели наручники и велели сесть в машину и ждать, пока они не выяснят мою личность. Так я просидела в машине

с полчаса, я задыхалась и от духоты и от стрессового состояния, в котором находилась; открыла дверцу, попросила у них воды, но они велели мне закрыть дверцу и сидеть молча. Наконец, они дозвонились до моего хозяина, который подтвердил мою личность, после чего сняли с меня наручники и разрешили ехать в их сопровождении домой. Дома объяснились с хозяином, наконец, уехали, а хозяин объяснился со мной, сказав, что только благодаря тому, что шеф полиции его знает, меня отпустили. На следующий день я по телефону договорилась о встрече с шефом полицейского участка и поехала на встречу с ним с жалобой на полицейских. Я заявила начальнику, что со своими правами я имела полное право ездить в США и что грубость полицейских рассматривала как явное превышение полномочий, т.к. они обращались со мной, как с преступницей. Начальник заверил меня, что они будут наказаны, что они позвонят и извинятся передо мной. Но никаких звонков с извинениями не последовало. И я убедилась в том, что граждане перед полицейскими у них в США вообще бесправны.

В августе я получила сообщение из Испании о необходимости интервью с представителем госбезопасности — это обычная практика на определённом этапе рассмотрения моего заявления о предоставлении испанского гражданства, это означало, что мне надо возвращаться в Испанию. Но мне предстояло ещё заняться тем вопросом, ради которого я и ехала в этот раз в США: исправлением записи в свидетельстве о смерти Франсиско. В свои выходные я сидела за компом и искала себе дешёвый авиабилет Сан-Франсиско-Нью-Йорк, затем дешёвый авиабилет Нью-Йорк-Майями, дешёвый отель на две ночи в Майями, всевозможные карты и маршруты городских автобусов в Майями (такси за границей у меня исключается почти всегда). После этого мне предстояло объявить хозяину о моём скором отъезде, но так, чтобы мой отъезд приходился на тот день, накануне которого он мне заплатит очередные недельные 400$, т.е. или в пятницу, или утром в субботу. Но обстоятельства сами облегчили мою задачу. Этот американец внезапно за неделю до этого потерял работу (он работал в японской компании Мицубиси), находился в плохом настроении, придирался ко мне, что я мало гуляю с собакой (я выгуливала её два раза в день, но, по правде, недолго), и в конце предпоследней для меня недели мне не заплатил, сказав, что заплатит позже. Мне это не понравилось, и в понедельник я заявила ему, что работать отказываюсь. В то же самое время мы с моей приятельницей — той самой, которая год назад заменила меня после моего вынужденного отъезда со сломанной рукой и которая продержалась у них совсем недолго, потому что стала

требовать нормирования её рабочего дня, — в общем она знала их и вызвалась помочь мне, — так вот мы с ней договорились, что в определённое время — по моему звонку, она подъедет к дому на машине, я выйду из выхода на моём подвальном этаже, и она отвезёт меня к себе, откуда я на следующий день еду в аэропорт и улетаю; основные свои вещи я ей уже передала раньше. А, между тем, хозяйка, которой я не отказывала в помощи — это единственное, что я продолжала делать все три дня после выходных -, давила на своего прижимистого мужа, чтобы он мне заплатил за предыдущую неделю. И вот в среду он мне приносит мои 400$ со словами, что через две недели найдёт мне замену, а это был, как раз последний день перед моим отлётом в Нью-Йорк. Я быстро звоню подруге, через полчаса она подъезжает, и я иду незаметным выходом к машине. Всё! Операция прошла успешно! Всё совпало: и моя необходимость заняться другими, ждущими меня вопросами и делами, и нежелание хозяина продолжать держать меня в их доме в помощниках.

В Нью-Йорке я оставляю свой чемодан и лечу в Майами. Добралась до отеля, переночевала и сначала поехала в пригород, в больницу, где умер Фр-ко, там нашла архив и на основании предъявленного свидетельства о браке получила несколько копий из истории болезни Пако — я хотела попытаться понять течение его болезни, его лечение и почему наступило ухудшение, приведшее к смерти (правда, не очень-то и поняла из нескольких листков то, что меня интересовало, однако, вопросы — почему ему дважды меняли врачей, по-видимому не слишком опытных, и почему переводили из одного корпуса в другой, заставляли сомневаться в качестве его лечения); потом пошла в морг, находившийся в том же пригороде. В морге я ничего не добилась, мне было сказано, что запись произведена со слов родственника и сказали то, что мне уже говорили по телефону — что теперь только с адвокатом в суд., — что, разумеется, было совершенно нереально. Вернувшись в город, я нашла какое-то местное юридическое ведомство, разговаривала (всё по-испански, между прочим) с одной толковой женщиной, и, кажется, она посоветовала мне идти в испанское консульство в Майами. На следующий день отправилась туда. И там, в консульстве мне выдали справку, подтверждающую на основании записи в Libro de Familia, что я являюсь законной женой Франсиско де ла Нуэс Марреро и в свою очередь посоветовали идти в мадридский загс со всеми этими бумагами. Остаток дня я провела на пляже и его окрестностях, сев на последний, идущий в аэропорт автобус, в первом часу ночи приехала в аэропорт и в 4:30 утра улетела в Н-Й.

Через несколько дней я возвращалась в Испанию, но до этого мне предстояла ещё одна поездка — в Вермонт, туда, где уже больше месяца Юля жила со своим «женихом». Я не видела её с середины мая и, поскольку она предложила мне приехать к ней хоть на денёк, я купила билет на ранний автобус и поехала, созерцая красоту северных штатов. Юля встретила меня на автобусной остановке, её вид мне понравился, — она уже не была такая худая, как весной, и повела меня в их съемную квартиру. Вермонт, как и большинство американских городов, в архитектурном или градостроительном аспекте ничего из себя не представлял — дома и домики на фоне зелёных гор. Вечером «жених» — довольно неприятный и грубый тип, не очень обрадовавшись моему визиту, скрипя сердце, повёл нас в какой-то убогий ресторанчик, где очень неохотно раскошеливался, так что я, как вошла туда, так и вышла голодная. (*Господи, сколько же человеческого мусора едет в Америку!)* Переночевала у них и на следующий день уезжала назад, в Н-Й. Юля меня провожала, всё было мирно с её стороны, и я даже сделала фотографию (знать бы, где эта фотка теперь!)

На следующий день я улетала в Мадрид.

В Испании после Франсиско. Возвращение в Москву. Принятие решения

Прилетела в Мадрид, и у меня начались приключения, совсем не приятные. Чемодан со мной не прилетел. А там все бумаги, чтобы идти в загс. Я-то думала, что за утро я всё успею и уеду в Валенсию. Но не тут-то было. Я, не спавшая ни минуты в самолёте, пробыла в аэропорту в багажном зале прилёта с 6 утра до вечера, без возможности сесть и постоянно ища глазами на лентах свой чемодан. Но мой чемодан, облетев полмира, появился только в 8 вечера. Я вышла с ним в зал встречающих, не зная, где искать ночлег (все старые связи были оборваны, а единственных моих знакомых, у которых я последнее время останавливалась, не было в Испании). Пока я продвигалась в поисках столика информации, ко мне подошёл мужчина-таксист, предложил свои услуги. Я спросила его, знает ли он какой-нибудь дешёвый осталь, он сказал, что да, отвезёт меня туда без проблем. В хостеле я за 20 евро получила очень простой одноместный номер, было очень душно, но я открыла нараспашку окно и тут же уснула крепким сном.

В мадридском загсе мне сказали, что надо подать все документы и ждать выдачи нового свидетельства о смерти мужа в испанском варианте, где будет запись о его семейном положении согласно Libro de Familia (Книга Семьи), несколько

месяцев. Я ужаснулась: ведь прошло уже полтора года с его смерти, и, если я имею право на получение пенсии как вдова, то сколько же ещё мне ждать. Я поднялась по лестнице в служебное помещение, вошла туда и стала просить сделать мне документ в срочном порядке. Я с горячностью и чуть не плача стала объяснять всю ситуацию с записью и то, что я предприняла поездку в США, потратив кучу времени и денег, что я не работаю, и вот я прошу вас в порядке исключения не заставлять меня ждать ещё месяцы. Кто-то мне категорически возражал — в Европе ведь строгое правило ко всем относиться одинаково и не делать исключений ни для старых, ни для малых, это касается очередей, это касается общественного транспорта, и у меня было не много надежд, на то, что мне сделают такое исключение, но, в конце концов, снизошли! Сказали — подождать полчаса, и через полчаса мне выдали искомое — правильное свидетельство. После этого я поехала в Кастельон на работу Фр-ко, где мне выдали соответствующие справки о его зарплатах. Со всем этим я пошла в собес и скоро получила первую свою вдовью пенсию; она была, конечно, минимальной, государство доплачивало, но это всё равно было богатством для меня, обеспечивающим в определённой степени мою предстоящую старость.

Однако, надо было определяться с работой в Испании. Ехать в Москву я не могла, потому что заявление на испанское гражданство находилось в процессе. Меня навестил представитель испанского кгб, в течение двух часов задавал мне вопросы по моей биографии. Интересовался, в частности, сотрудничала ли я с КГБ, работая гидом; на вопрос о возможном возвращении в Россию, я ему ответила, что нет, я останусь в Испании, там, где жил mi Paquito.

Я позвонила одной русской, знакомой мне по барселонской церкви, она жила в одной резиденции — la Cumbre del Sol, в 130 км от Валенсии к югу, таком изолированным местечке, куда приехать можно было только на машине. Машина моя была на ходу (во время отъездов я оставляла её на хранение у родителей Пакиты в одной деревне), эта знакомая предложила мне ехать к ним, что там всегда есть работа по уборке домов приезжих отдыхающих, а жить, мол, можно в доме у одного испанца, работавшего с ней в офисе в качестве водителя. Других вариантов у меня не было, докучать Паките своим долгим присутствием не хотелось, и я поехала.

У офиса, который расположен на въезде в резиденцию, меня ждал этот самый испанец, а Валентины — моей знакомой, которую я просила встретить меня, — не было, офис тоже был закрыт, т.к. было воскресенье. Испанца звали Диего. Это был

худой, скорей уже пожилой, и могущий быть довольно симпатичным, если бы не отсутствие передних зубов, мужчина. На самом деле он был на девять лет младше меня, ему было 51 или 52 года. Он повёз меня к себе, в снимаемую им там же, на Кумбре, маленькую квартирку, показал её и предложил мне место в единственной спальне, с тем, что сам он может спать на диване в зале. Деваться мне было некуда, и я пока согласилась. Он оставил мне ключ от квартиры, поехал что-то делать по работе, а я отправилась в единственный местный магазин купить поесть. Потом я приготовила салат и рис, Диего вернулся, и мы поужинали. Он открыл бутылку вина (он всегда обедал с вином), мы выпили, я немного захмелела. Дальше всё развивалось бурно. Он меня обнял, и я почувствовала, что он мне приятен как мужчина, сама при этом себе удивившись: я как-то и не рассчитывала на возможность интимных отношений, да уже, казалось, и не питала к этому интерес. Но, оказалось, что казалось неправильно. Наша ночь с ним была сумасшедшей. И через несколько дней он признавался мне в большой любви да и я, вроде, почувствовала некую влюблённость к нему.

Это происходило в октябре 2002 года. Мы хорошо прожили до следующего лета. Работы по уборке домов было мало — сезон закончился, но Диего не скупился на то, что касалось покупки еды, а я, в свою очередь, дала ему денег в долг на зубные протезы и сама повезла его к дентисту. Диего был галисиец, в разводе с женой, которая его выгнала из дома и так он оказался в тёплом курортном средиземноморском местечке, где поблизости жила его сестра. Это был малограмотный, но добродушный и совершенно безвольный человек, безотказно работавший, если попросят, то и без выходных. При этом внешне очень симпатичный, ну, а после того, как у него во рту появились зубы, просто воскресший как мужчина, ощутивший свою привлекательность. В начале лета мы перешли жить на квартиру к одному немцу, в его доме, но с отдельным входом. И это было ошибкой.

Работы уже хватало, и я снова пригласила Лиану приехать подзаработать. Правда, к её приезду наши отношения с Диего начали портиться: всё же мы были очень разные. К тому же, мне не нравилось, что он стал пропадать по вечерам, проводя время в баре за пивом в компании приятелей. Но я думала, что мой гость будет и его гостем. Оказалось не так. Во-первых, воспротивился немец, грозясь или выселить нас или повысить рент, а, во-вторых, Диего вообще стал исчезать по вечерам. И как-то мы с Лианой поехали искать его по всей нашей деревне и обнаружили его в компании у бассейна в одном доме. Я

устроила ему небольшую разборку, после которой он сказал, что хватит, он хочет жить один. В результате Лиана через две недели вынуждена была уехать, я ей оплатила обратный билет, а я ушла жить в недостроенный дом своих знакомых там же, в ла Кумбре. И надо признаться, я очень страдала по Диего, я, что называется, оказалась в сексуальной зависимости от этого примитивного, но очень приятного самца. Я искала с ним встреч, как влюблённая девчонка, и ловила каждое слово о нём. При этом, понимала всю нелепость своих чувств к «примитивному абхазу», как назвала его Лиана, но ничего не могла с собой поделать.

Наступил сентябрь, сезон работы подходил к концу, я получила сообщение о предоставлении мне испанского гражданства, подала документы на испанское удостоверение личности и в конце сентября улетела в Москву. Делать мне на ла Кумбре больше было нечего.

***

В Москве я задумалась о том, как жить дальше. Мне был 61 год, дочь в Америке, детей у неё нет, ей 35 лет и навряд ли будут у неё дети, а у меня внуки. Дела у меня тоже никакого нет — мой последний эксперимент покупки и продажи плитки по реализации показал всю бесперспективность такого бизнеса в России или с Россией для меня лично. Правда, Рафаэль предложил мне новую затею: чтобы я полетела в Кению и на горе Килиманджаро купила для него землю для постройки

там буддистского дома. (Рафа в последние годы всё больше ударялся в буддизм и открыл в Валенсии буддистский молельный дом). Он, кажется, сделал мне снова рабочий контракт на три месяца. Я должна была пойти в Посольство Кении и попросить там визу. Я не отказывалась. Я вообще не могла отказать Рафе, слишком велико было его участие в моей жизни. Правда, я совсем не представляла, что я буду делать в Кении, но и, казавшийся мне нелепым каприз Рафы, приняла, подсознательно надеясь, что я всегда что-то смогу.

Но бессонными ночами я продолжала думать о том, что я ведь ничего стОящего так и не сделала в жизни, что я не могу *просто* существовать и потом *просто* умереть, и всё чаще мои мысли возвращались к давнишнему моему желанию взять ребёнка из детского дома, которое в своё время постоянно глушила моя мама, крутя пальцем у виска и называя меня ненормальной. Но теперь, когда я не работала, была практически здорова, и у меня были две пенсии, и я могла это позволить себе, и у меня был такой сильный ресурс, как испанское гражданство, — я могла бы помочь, передать это европейское гражданство какому-

то, обделённому счастьем, ребёнку, я могла бы воспитать единомышленника, человека моей культуры! И тогда бы моя жизнь наполнилась смыслом — я бы жила не напрасно!..

И вот в один октябрьский день 2003 года, я позвонила в ближайший детский дом у м. Отрадное и сказала директору его о том, что у меня есть желание взять на воспитание ребёнка из дд и хотела услышать ее мнение об этом моём желании в таком зрелом возрасте. Она пригласила меня прийти к ней на приём. И я пошла.

Она долго говорила мне о такой новой форме опекунства, как патронаж, когда процесс воспитания идёт в сопровождении воспитателей из дд, а государство ещё платит тебе зарплату. Я поняла, что директор хочет быть зачинателем такой формы, но мне-то нужно было другое, мне нужно было усыновление, чтобы я могла распоряжаться своим ребёнком и могла вывозить его и ввозить куда захочу. Договорились о том, что я, чтобы приблизиться к дд, буду давать уроки английского языка тем школьникам, кто этого захочет. На том и разошлись.

Я приходила два раза в неделю в дд и давала уроки трём-четырём ребятам, больше желающих не оказалось, и я увидела, какой у них низкий уровень знаний, почти нулевой, и какая у них плохая память, они ничего не усваивали. Среди них была та девочка лет 12, на которую директор посоветовала обратить внимание. Но зав. библиотекой, в которой мы занимались, сказала мне, что она в контакте с бабушкой и очень любит и переживает за свою пьющую маму; ко мне девочка не проявила интереса и я поняла, что это не мой вариант.

Между тем, я пришла в отдел опеки, мне дали перечень документов, который я должна собрать, и я начала их собирать. ШПР тогда ещё не требовалась. К концу декабря я получила на руки документ о возможности опекунства, правда, не помню, указывался ли там желаемый возраст ребёнка (сейчас он должен указываться). С этим документом я поехала на Шаболовку в «базу данных» детей. Пишу это в кавычках, потому что никакой базы там тогда ещё не создалось, хотя об этом уже писали в разных сми. Мне показали несколько фотографий в разной степени нездоровых детей лет 6—8, а в компьютерную, находившуюся на другом этаже, не только меня, но и самих

чиновников не допустили. Я чувствовала большие сомнения, понимая, что с нездоровыми детьми мне уже не справиться, а что им, кажется, больше нечего мне предложить, а уезжать без результата мне не хотелось. И тут в комнату зашла женщина в форме полковника и сказала мне, что есть один хороший сохранённый мальчик в доме ребёнка, директор которого ей

звонила и просила побыстрей найти ему, желательно, полную семью, т.к. его давно уже должны были по возрасту перевести из др в дд. Я спросила, сколько лет ребёнку, мне сказали — 4 с чем-то. Это было уж слишком для моего возраста, не потому что мне не хотелось бы взять маленького, а потому, что я не успею его вырастить. Ещё я сказала: «Но я не полная семья», на что полковник в юбке (симпатичная, на самом деле, женщина) мне отпарировала: «Но директор же вас ещё не видела» — тем самым, очевидно, сделав мне комплимент. Вопросы были исчерпаны, я взяла направление в этот др, позвонила директору и договорились, что я приеду на знакомство с мальчиком Олегом через день, на праздник ёлки 24 декабря.

Ночью мне приснился сон: я слышала чей-то голос, который мне говорил: «забери Олежку, забери Олежку». Я расценила это, как голос Бога и с нетерпением ждала следующего утра. Но в то утро, 24го, у меня был талон к врачу эндокринологу на 9 утра, этот визит к специалисту был важен, т.к. у меня в процессе подготовки медсправки о здоровье обнаружили повышенный показатель гормона, и сделанное после этого УЗИ показало полную атрофию щитовидки. Поэтому я не могла пропустить долго ожидаемое посещение специалиста, но надеялась успеть к 10 часам на начало праздника в др. Но я всё же опоздала минут на 12, хотя спешила и бежала, правда, я надеялась, что вовремя вряд ли начнут. Но я ошибалась, конечно: в таких учреждениях всё организуется так, чтобы побыстрее закончить, и их утренник начался даже минут на пять раньше десяти. И директор была очень недовольна моим опозданием, т. к. Олежек уже выступил, а я не смогла увидеть его выступление. Я тоже была немного огорчена, ну, да ладно, так сложилось. Мне показали на сидящего среди других детей Олежку, он сидел с собачьей маской на лбу и в руках держал воздушный шарик и сумочку с подарком от Деда Мороза. И я поймала его беспокойный мгновенный взгляд, который он, вроде смотрящий на очередное выступление, бросил на свой шарик и сумочку: мол, на месте ли у него подарки; взгляд был очень осмысленный и он мне уже что-то симпатичное сказал о ребёнке. Потом Олежку позвали, директор взяла его на руки и познакомила меня с ним. Я увидела достаточно милого мальчика, сразу обратила внимание на его более короткую верхнюю губу (по причине неправильного прикуса), что у меня как у некоторого физиономиста создавало впечатление не слишком волевого или решительного характера. Но это было уже неважно, да и ребёнок был слишком мал, чтобы думать об этом. Для меня было важным другое: мальчик отказной, его надо спасать, и мальчик сохранный, более-менее здоровый.

В кабинете директора я ознакомилась с его историей. И стала его навещать.

Первый раз я пришла к Олежке в др 29 декабря. Мы поднялись на второй этаж и сели рисовать. Помню, я попросила его нарисовать машинку, на что он мне отвечает: «Не, я не мОжу, я исё малыська». Да, говорил он очень плохо, но я его понимала. Потом его позвали обедать и Олежка тут же, (к моему удивлению), встал и стал медленно, переставляя ножками и держась за перила, спускаться в столовую. *(Вот эту привычку — слушаться и не возражать всем казённым*

представителям, что в школе, что в общественном месте, — он сохранил в себе вообще. Хотя контрастно вёл себя дома). Я уезжала встречать Новый год в Волгоград и поэтому простилась с ним до 4 января. 4го я пришла, и мне сказали, что он ждал моего прихода. Я купила ему небольшую металлическую красную машинку, и, видно, для него это был драгоценнейший подарок: первый раз у него была *своя* машинка. Олежек самостоятельно оделся, и мы пошли с ним гулять вокруг его дома. Ему всё было интересно, и он засЫпал меня вопросами: «А сто ета? А сто ета?» Но вскоре попросился назад, в «гЛупу». Меня тогда это тоже удивило, но позже я поняла в чём дело: долго ходить этим детям было непривычно и он очень быстро уставал, ну и, кроме того, я думаю, его очень влекла новая машинка, и надо было скорей с ней поиграть.

В этот день воспитательница рассказала мне, что на предыдущее 9 мая к Олежке приходила его мамаша, которую они пригласили, позвонив ей, в надежде, что она надумает забрать ребёнка домой; что она пришла, посидела и ушла, обещав после «семейного совета» сообщить своё решение. Но так и не позвонила и больше не пришла. Директор ждала её всё лето, поэтому и не переводила ребёнка в дд, а сроки подпирали. В общем, мою кандидатуру она приняла. Мне уже нужно было оформлять в отделе опеки, относящейся к др, решение об опекунстве Олега. Но прежде я решила определить раз и навсегда отношение его кровной родительницы к своему сыну: или подтолкнуть её к решению забрать ребёнка домой, или знать наверняка, что она готова на то, чтобы его забрали другие люди.

Адрес я запомнила, когда смотрела личное дело Олега. Я поехала по этому адресу, по иронии судьбы дом располагался рядом с поликлиникой, куда я в день знакомства с Олежей ездила к эндокринологу. Я смогла проскочить в подъезд, с учащённым сердцебиением подошла к двери и позвонила, но мне никто не открыл. Я приехала на следующий день, я уже изучила, где должны быть их окна, но в окнах было темно. И вот я приехала

в третий раз, это было 6 января, в пятницу, накануне рождества, и я приехала специально попозже, уже в 9 вечера, чтобы была бОльшая вероятность застать их дома, ведь каждый мой приезд был сопряжён с глубоким нервным напряжением. И вот мне открыли.

На пороге стояла низкорослая полная блондинистая женщина с невыразительным лицом. Я спросила, могу ли видеть Сергея Николаевича (уж очень важно мне было увидеть лицо её мужа и это не было просто любопытство). Женщина крикнула: «Серёжа, это к тебе», но я тут же добавила, что я к ним обоим. Я представилась: я из собеса. Мне предложили пройти в комнату, правда Сергей Николаевич, вышедший в прихожую, обронил: «что ж так поздно приходите», на что я объяснила, что приходила и раньше, но не могла застать их дома; ну, и извинилась за поздний визит. Это был довольно высокий темноволосый мужчина с немного удлинённым лицом, костистым носом и немного обвисшим подбородком — так я успела его разглядеть. В прихожей и комнате было бедновато и как-то грязновато, но это такое смытое впечатление — я не способна была в своём напряжении что-то разглядывать и, тем более, потом удержать в памяти. Мне предложили стул, хозяйка стояла передо мной, загородив собой мужа, сидевшего на диване в полумраке, поэтому выражения его лица по ходу короткого разговора я не видела. Я объяснила свой визит тем, что мы, по роду службы, общаемся с др, в котором находится ваш сын Олег, и одни мои знакомые хотели бы

забрать ребёнка в семью; но, т.к. мне сказали, что вы приходили к ребёнку и вроде подумывали о том, чтобы его забрать, то, может быть, вы и в самом деле настроены его забрать? Женщина ответила так: «А можно вам позвонить завтра?» Я растерялась, я не готова была на такой вариант ответа, но быстро собралась с мыслями и продиктовала ей номер телефона своей хорошей знакомой. На этом разговор был пока исчерпан, я пошла к выходу, в коридоре встретив, стоявшего около ванной, симпатичного темноволосого молодого человека, их сына. (У них была ещё старшая дочь).

На следующий день я поехала через весь город к моей знакомой и пробыла у неё целый день в ожидании звонка. Она не позвонила. В воскресенье я несколько раз выходила из дома, шла две остановки к единственному работающему телефону-автомату и звонила им домой. И каждый раз трубку брал её муж и вежливо отвечал одно и то же: «её нет дома, перезвоните попозже». Часов в десять вечера мне позвонила знакомая и сообщила, что «она звонила, спрашивала ваш телефон, а я ей

ответила, что у „мамы“ пока нет домашнего телефона, и она оставила тогда свой мобильный и просила завтра ей позвонить.» Но я никак не хотела и не могла ждать ещё один день, завтра наступал понедельник, и мне надо было принимать решение, которое ждала директор. Я снова тут же пошла к телефону-автомату, как будто бы я ещё не знала о её звонке, и позвонила опять им домой. На этот раз трубку взяла она сама. Я ждала её ответа. Мною владели двойственные чувства: если они отказываются опять, то я завтра забираю ребёнка, к которому уже немножко привязалась и которого надо вызволять из казённого учреждения, а, если они решили забрать ребёнка, то моя роль была не напрасной и моё вмешательство послужит доброму делу возвращения ребёнка в семью, правда, жаль будет расставаться с Олежкой, ну что ж, главное, чтобы он был в семье.

…Она ответила: «Если семья хорошая, то пусть забирают». У меня спёрло дыхание от обиды за ребёнка. Я спросила: «Это ваше окончательное решение?» Она сказала: «Да». На следующий день я пришла в отдел опеки района др, подала заявление на опекунство над Олегом, через три дня получила разрешение. И в субботу, 24 января 2004 года приехала в дом ребёнка за своим сыночком.

Да, а визу в Кению мне не захотели дать, и вопрос отпал сам собой. Но и я сообщила Рафаэлю, что моя жизнь с этого момента резко меняется, и он на меня больше рассчитывать не может.

Новая жизнь — с сыночком

Итак, 24 января 2004 года я приехала в дом ребёнка за Олежкой. Был выходной день и руководства в др не было. Я смогла прибыть туда только после трёх, т.к. дома всё поджидала Алесю со Славой, которые, как мне сказали, купили для ребёнка удачный комбинезончик и должны были привезти его мне домой, чтобы я с ним поехала за ребёнком. Дело в том, что я до последнего момента не предполагала, что мне его будут отдавать голеньким и сама не успела подыскать ему зимний комбинезон. Поэтому я и задержалась и ребёнка вытащили из кровати ещё сонным после тихого часа. Клавдия Алексеевна (невропатолог), крестившая Олежку, как и других деток в маленькой часовенке, устроенной в др, положила его на столик и стала раздевать, а потом одевать в принесённое мной бельё, приговаривая, что Олежек, когда не выспится, бывает хмурым. Олежек и вправду молчал. Наконец, К.А. его перекрестила и он, в сопровождении сердечных напутствий присутствовавшего персонала, отправился в новую жизнь.

Сначала я решила доехать до дома на общественном транспорте: сперва на трамвае, а потом на автобусе уже до самого дома. Я думала, что так малышу будет интересней ехать — он же никогда прежде не ездил в общественном транспорте, и он отвлечётся. Но уже до трамвайной остановки дойти ему оказалось не очень легко: он то и дело спотыкался и надо было очень крепко держать его за ручку, да, может, и в непривычных сапогах ему было не очень удобно. И в трамвай нужно было поднять его полностью на руки. Поэтому, когда мы доехали до ВДНХ и вышли, я поняла, что дальше надо брать такси. И в такси мы и доехали до дома. Там нас уже часа три как ждали Алеся со Славой. Мы сели обедать, и Олежек, держа в кулачке ложку, с большим аппетитом поел щей с хлебушком. А мы смотрели на дитё и умилялись. Потом гости уехали? и ребёнок пошёл играть в приготовленный ему уголок с игрушками. Пока то да сё, наступил вечер, я позвала его ужинать, а он слегка заканючил: «я хотю исё поиглаать» и я ему предложила: «Так ты, Оленюшка, просто скажи: «Мама, можно я ещё немножко поиграю?» И он повторил за мной: «мама, а мозна я исё поиглаю?» И с этого момента стал обращаться ко мне «мама».

До ночи всё шло гладко. Но, когда, в 9 вечера я уложила ребёнка спать на детский диванчик (моя кровать стояла в той же единственной, но довольно большой комнате моей однокомнатной квартиры), улеглась сама (предыдущую ночь

от волнения я почти не спала), то, оказалось, что Олежек заснуть не может. Я ему и сказки читала, и водичкой поила, и в свою кровать взяла — ничего не помогало, и заснул он после валерьянки где-то в час ночи. На следующий день всё повторилось: днём он играл, и на улице погуляли, правда он ходил с трудом, на горку, где ребятки, не шёл, собак боялся, но мы немного подышали зимним воздухом; а к ночи началось то же самое — я положила Олежку с собой, но не помогало и он не мог заснуть никак. Я спрашиваю его: «Может, ты скучаешь по „глупе“ и хочешь вернуться?» Он мне говорит: «Да, навелно.» И я ему ответила, что, если и завтра скажет, что хочет вернуться, придётся нам вернуться. На этом он заснул. На третюю ночь я спросила его: «Ну, что, сынок, ты всё так же — хочешь вернуться?», он ответил: «Не, я больсе хоцю остаться». И заснул уже вовремя.

Три недели ребёнок был примером послушания. Трудно было мне, трудно просто физически: нужно было ходить и ездить по прописке, в милицию, в опеку, в поликлинику, сидеть в очередях, в которых малыш сидеть не привык, он срывался и начинал бегать, забегая во все кабинеты. В автобус его надо было поднимать и из автобуса тоже спускать на ручках, при том, что мне было тяжело и я боялась поскользнуться и упасть с ребёнком на руках при выходе из автобуса. (И никто, как правило, не помогал). В поликлинике надо было пройти всех врачей для устройства в детский сад, и это было уже совсем нереально, и я обратилась к зам. заведующей, и эта женщина, к счастью, помогла мне, распорядившись, чтобы меня везде принимали срочно, без записи.

В то же время ребёнок всего боялся. Помню, как мы сидели в очереди к терапевту и маленькая девочка, сидевшая рядом на стуле, держала в руках маленького игрушечного крокодильчика; Олег, увидев его, разразился громким плачем, и никакие уговоры не помогали, пришлось маме девочки уговорить её убрать эту игрушку с глаз.

Надо было устраивать ребёнка в детсад. Во-первых, я всегда считала, что ходить в детсад единственному в семье ребёнку просто необходимо, а, во-вторых, у меня должна была быть какая-то свобода, не говоря уже о том, что мне нужно было ещё отвозить какие-то бумаги в городской отдел Минобразования, мне надо было начинать ходатайство о получении визы для ребёнка в Испанию, и т. д. и т.п., и таскать с собой плохо ходившего и постоянно падавшего ребёнка я не собиралась.

Не без труда, но мне удалось устроить Олежку в ближайший к дому детский сад и даже самой поработать там с недельку

(больше я не выдержала потому, что одеть сразу двадцать ребят на улицу мне было не по силам), с меня хватило и этого — нравы обращения с детьми некоторых воспитательниц я увидела, и ужаснулась.

И ещё: одна из воспитательниц, как раз, лучшая на мой взгляд, как-то сказала мне, что мой ребёнок очень хитрый и что шкодит он исподтишка и при этом не признаётся, когда всех спрашивают. Мне же так не казалось, мне мой ребёнок казался абсолютно бесхитростным и добрым существом. И мне эта воспитательница была уже неприятна. *(А теперь вот почему-то вспоминаются её слова*).

Правда, период медового месяца прошёл, и Олежка стал вести себя более-менее, как ведёт себя всякий единственный в семье ребёнок, с капризами, и, когда это касалось покупок в магазине — он не отставал и устраивал плач, когда хотел, чтобы ему купили то, что его глазам приглянулось, и, когда надо было с улицы идти домой. Он уже ходил всё уверенней и перестал сторониться других деток.

А как-то идёт и рассуждает сам с собой: «Ну что ж, раз нет папы, будем жить с мамой вдвоём, только ещё собачку возьмём». А вообще он был говоруном и придумщиком, я слушала с нанаслаждением его придуманные истории — и про тётю, которая забирала его и возила то в Ленинград, то в Африку, а потом вернула, т.к. он плохо себя вёл, и про брата Лёшку (а ведь его брата и правда Алексеем звать) … (*Милый, милый мой ребёнок, прекрасные времена!..)*

В испанском консульстве в визе для ребёнка мне отказали, т.к. опекунский ребёнок не признавался членом семьи; несмотря на все мои протесты и мольбы мне объяснили, что только, находясь в Испании, я имела бы право затребовать воссоединение семьи и то, в порядке исключения, для чего я должна была бы идти в иммиграционный отдел с документами о том, что у меня есть контракт на работу и место проживания. И то, и другое, и третье было нереальным, и самое главное, я не могла поехать в Испанию, чтобы о чем-то там хлопотать, оставив ребёнка тут одного. В общем, это был тупик! Но и опять, как это уже бывало в моей жизни, я не сказала себе — невозможно, я стала искать выход.

Надо было ехать в Испанию. Но как оставить совсем недавно обретшего свой дом ребёнка?

На майские праздники я повезла Олежку в Волгоград к родственникам. Все ему были рады! А уж как он наслаждался залезанием на танки, стоявшие прямо перед окнами Нины, моей двоюродной сестры. Танки были экспонатами Музея Обороны

Сталинграда, расположенного напротив знаменитого Дома Павлова, так в том доме и жила моя сестра со своей семьёй. А на 9 мая мы пошли смотреть местный военный парад, и я посадила Олежку к себе на плечи — чтобы он навсегда запомнил, что не только другие дети могли сидеть на плечах у своих отцов, а и он смотрел парад сверху, сидя на плечах у мамы! (хоть и тяжеленько мне было всё ж таки)

Вернувшись в Москву, я выяснила, что существуют такие городские санатории, куда можно отправить ребёнка по каким-то медицинским показаниям или же в случае необходимости. И я решилась. Купила билет в Испанию на 3июня с возвращением 21го июня. И 1 июня повезла Олежку в этот санаторий. Я ему, как мне казалось, всё подробно объяснила: что он побудет там немножко, а я уеду в другую страну, где я жила раньше и где я хочу, чтобы мы жили с ним вместе, и скоро вернусь и заберу его домой. Олежка спокойно отнёсся к тому, что я оставила его там, даже слишком спокойно, и это породило в моей душе сомнения: а понял ли он на самом деле, что ему там надо будет оставаться?

Мне было очень неспокойно, я думала об этом всю ночь, и я решила поехать в санаторий этот снова и навестить малыша, чтобы он не подумал, что его бросили. Навещать этих детей родителям в течение всех сорока дней их смены было запрещено (ужасное правило!), но я надеялась, что под моим натиском очередной начальник не устоит, а впрочем, просто объяснила всю мою неординарную ситуацию, и директор разрешила мне подняться в группу. Когда воспитательница вывела мне Олежку, и он меня увидел, то без особых эмоций сразу подошёл к своему шкафчику доставать свою уличную одежду. Я поняла — ребёнок решил, что я пришла за ним. И сейчас, вот только сейчас наступал момент истины — мне предстояло его разубедить в этом, при этом успокоив, что я его не бросаю.

Олежек разразился рыданием, его ничем нельзя было успокоить. Я спустилась к директору и сказала, что забираю ребёнка и никуда не лечу. Но тут его воспитательница (очень неприятная хромая пожилая грузинка) спустилась и сказала, что она успокоила ребёнка и чтоб я скорей уходила и больше не появлялась. Действительно, плач прекратился, я поняла, что она сунула ему какую-то успокоительную таблетку (в том, что их там постоянно пичкали этими успокаивающими, я потом узнала от самого Олежки). Я ушла с растерзанным сердцем. Перед отъездом позвонила Клавдии Алексеевне с просьбой сходить в моё отсутствие навестить Олежку; она сходила и потом мне рассказывала, что он всё время при ней плакал, считая, что я его бросила, и её слова, что мама придёт, мало ему помогали. Ему

и в самом деле было плохо в этом санатории; он потом рассказывал мне, что один мальчик постоянно его обижал и бил, что гуляли мало и т. д. А я в Испании не спала, непрерывно думая о нём, в какие перипетии судьбы попал снова мой ребёнок, мой сладкий и уже так любимый мной ребёнок., и считала дни до своего возвращения и вызволения его из этого санатория.

В Валенсии я поселилась в одном католическом общежитии за скромную плату. И начался мой очередной «забег с препятствиями». Сначала я пошла в иммиграционный отдел, увидела там на улице огромную живую очередь, которая вся была по предварительной записи, а запись на месяц вперёд! Что делать? К тому же надо было предъявить, как я уже упомянула выше, контракт на работу. Я пошла, как и следовало ожидать, к моей палочке-выручалочке Рафе. И он распорядился сделать мне контракт на полгода. Затем, не помню уж, кто меня надоумил или прочитала в объявлении, я пошла в отдел рабочих профсоюзов (CCOO), помогавший в представлении документов на легализацию иммигрантов. Для этого надо было пойти в их ЦК, вступить в эти профсоюзы, заплатив вступительный взнос (небольшой). Затем в центре помощи я рассказала свою историю, и они постарались и сделали мне запись в иммиграционный отдел всего через 7 дней! Это было уже полдела! Кроме того, они собирались выделить мне юриста для сопровождения в день интервью. Я с нетерпением стала ждать дня интервью. В то утро я так же заняла очередь на улице к открытию иммиграционного отдела и всё ждала, когда же придёт девушка из профсоюзов, но она так и не появилась. Наконец, полицейские кликнули меня, и я вошла внутрь помещения, мне указали на стол одной из многочисленных сотрудниц. Я села, предъявила ей моё заявление и необходимые бумаги. Кроме одной, которой у меня не было и быть не могло. Вот сейчас я уже не помню, чтО за бумага эта собой представляла — то ли подтверждение посольства, то ли что-то ещё в этом роде. В общем, сотрудница моё заявление не приняла за неимением такого важного документа и закончила со мной. Я была в отчаянии. Я подошла к стойке, где сидела их главная, и громко сказала, что я отсюда не уйду, пока она меня не выслушает. И она выслушала: я ей рассказала всю свою историю, связанную с ребёнком, я сказала, что мне по работе необходимо находиться здесь, в Валенсии, о том, что я живу одна и что мой ребёнок сейчас находится один, что я оставила его плачущим и думающим, что его бросили, что у меня обратный билет через неделю и что я должна решить этот вопрос, как можно скорее. И что, отдавая себе отчёт, что мой случай исключительный, они и должны его рассмотреть в порядке

его исключительности. С чем начальница вполне согласилась. Они назначили мне придти где-то через три дня, приняли у меня заявление, сказав, что рассмотрение может затянуться на полгода. Но для меня было главным, что они его приняли. Это была уже маленькая победа.

На следующее утро после возвращения я помчалась в санаторий. Мне вывели Олежку, я его расцеловала, стала спрашивать, как поживает. Он был спокоен, а я не понимала, почему он не спрашивает меня, когда я его заберу. Наговорившись с ним и наугощав его, я сказала ему, чтоб он открыл свой шкафчик и одевался, что надо уже ехать домой. Ребёнок посмотрел на меня недоверчиво, я повторила, и тогда он стремительно открыл шкаф («вдруг я передумаю») и быстро, быстро стал одеваться и обуваться. Он, оказывается, не мог уже, бедняжка, и предполагать, что я пришла за ним и мы идём домой! На улице, помню, он на всё, что я ему говорила, твердил «ага» и так было несколько дней — ребёнок, видимо, очень хотел во всём мне угодить, а то вдруг передумаю!..

Моя эпопея с Испанией продолжалась ещё долго. В ноябре я предприняла недельную поездку в Испанию, чтобы узнать об исходе или пошевелить испанских бюрократов. Дело застопорилось в МИДе Испании в Мадриде и мне пришлось самой туда ехать, чтобы разобраться в неполученной кем-то там почте. На этот раз я оставила Олежку в семье своих прежних очень хороших знакомых Бунтовниковых. После смерти глав дружного их семейства я с ними не общалась, но зная, что одна из них Злата очень добрый человек и что у них дома тоже есть маленький трехлетний мальчик, я ей позвонила и осмелилась задать вопрос, сможет ли Олежка побыть с недельку у них. Они тогда ещё ничего не знали о его существовании, в общем, ответ был — да, привози. И у них Олежке очень понравилось. Они с Илюшей сделались закадычными друзьями на всё детство, и ещё не раз Олег с удовольствием оставался у них в доме во время моих отъездов то ли в Испанию, то ли к Юле.

В августе 2004 года Олежке исполнилось пять лет. Мне удалось определить его в другой детский садик, немного подальше от дома, но заведомо лучший, чем прежний. Перед тем, как пойти в новый садик, я предприняла поездку в Турцию, мне хотелось показать Олежке море, и чтобы он в нём поплавал. Но буквально за неделю перед вылетом произошли два ужасных терракта со взрывами самолётов, и я была в панике, даже поехала в турагентство, чтобы сдать ваучер. Но девушки меня отговорили, прибегнув даже к такому аргументу, как то, что я своей кармой, аурой и судьбой стану просто гарантом безопасности воздушного

корабля.,

В Турции я столкнулась с довольно капризным поведением моего ребёнка. На пляже, в номере отеля, где угодно. У меня Олежек боялся заходить в воду и исступлённо кричал, когда я пыталась войти с ним в море, (только у посторонней женщины с мальчиком лет восьми получалось заманить его в воду. Может, потому что был с ней мальчик? Не знаю, женщина, узбечка из Ташкента, была доброй, ну так я тоже была ласковой с сыночком). В номере тоже случалось такое поведение, что я хотела уйти в коридор, но ребёнок бежал за мной с криками, хватал меня за ноги, мне становилось неудобно перед людьми, и я возвращалась в номер. Как-то раз Олег увидел у уличного продавца машинку с пультом, и стал кричать и требовать, чтобы я ему её купила, и так продолжалось долго. Я твёрдо знала правило: ни в коем случае не потакать капризам ребёнка, но почему-то это правило не приносило результата — Олег всегда со скандалом снова и снова себе чего-то требовал, несмотря на моё правило — он его не усваивал. Как-то раз я повела Олежку к заводной машинке, в которую он мог сесть, и она начинала раскачиваться, как бы ездить на месте. Когда действие монеты закончилось, я сняла его с машинки, чтобы уйти; но он разразился таким рёвом, что в течение двух часов его никто не мог успокоить, уличные продавцы выходили и предлагали воду и т.д., но это было бесполезно. Тем не менее, в столовой отеля турок-повар и официанты его очень любили, его приходу радовались, всегда и на руки брали, и старались с ним поиграть, насколько позволяло их рабочее время. Да Олежку и нельзя было не любить — он был большой симпатяга.

По возвращении из Турции Олежка пошёл в новый садик, а я стала временно учительствовать в школе у м. Бибирево, преподавала английский язык, т.к. учителей английского по-прежнему не хватало. Дети были ужас! Особенно в 9 классе, они ничего не знали, и большинство знать не хотело. У меня, кажется, были два девятых и один шестой. С последними я ещё находила общий язык и справлялась, а со старшими почти что и не справлялась; как-то раз выгнала за дверь одного или двух, так завуч сделала мне замечание, что нельзя выставлять их за дверь, т.к. ребёнок может убежать из школы и отвечай за него потом. *(А в моём детстве это всегда практиковалось)*. Я стала ставить заслуженные плохие оценки и опять натолкнулась на недовольство завуча. Так как я замещала какую-то преподавательницу, я через месяца три-четыре ушла из этой школы и давала уроки английского частно одной из прилежных школьниц и ещё сыну знакомого зубного врача, жившего

по соседству.

Новый 2005 год мы встречали у Нины в Волгограде, и праздник был замечательный! С Дедом Морозом, Снегурочкой и подарками!

Дома я учила Оленю читать, и, надо сказать, он охотно учился и постигал буквы и слога. В 8:45 вечера слушал по телевизору «Спят усталые игрушки» и потом ложился спать, я прилегала к нему и читала какую-нибудь сказку, а иногда и сама её придумывала, правда, при этом очень быстро сама впадая в дрёму, и ещё пела разные, сочиняемые на ходу нежные колыбельные песенки. В них я полностью выражала свою нежность и жалость к этому ребёнку, так трудно начавшему, по воле родившей его недоброй или неумной женщины, жизнь.

С ней я встретилась ещё раз. Ведь я всё время (как, впрочем, и персонал др) гадала: ну, почему же они отказались от своего только что родившегося ребёнка? Ведь они не вели асоциальный образ жизни, оба работали, у них была уже взрослая дочь и выросший сын. Так почему? В чём причина? И на ум приходило единственно возможное для ума объяснение: наверно, ребёнок был не от мужа, а от случайной связи, и чтобы не разбивать семейные отношения, она пожертвовала этим ребёнком. Тогда я думала, что, может быть, эта женщина страдает? Может, она ходит в церковь и замаливает свой великий грех?.. Она дала подписку, что не будет претендовать на этого ребёнка, но, может, дать ей шанс увидеть меня и расспросить о ребёнке, что-то узнать о нём… И я позвонила ей на мобильный, опять представившись всё тем же работником собеса, и попросила о встрече. Она, ничего не спрашивая, согласилась. Я спросила, где ей удобнее, она ответила, что работает на Новом Арбате (!) и мы договорились встретиться у к/т «Октябрь». Дома я долго и тщательно готовила свои к ней вопросы, так, чтобы они звучали уважительно и ненавязчиво и на всякий случай взяла несколько свежих фоток ребёнка (а вдруг я проникнусь к ней и захочу их ей показать в ответ на проявленное страдание матери).

Но это было слишком наивно с моей стороны. Мы встретились, и я предложила ей пройти в кафе, которое предварительно нашла сразу за кинотеатром. Я объяснила ей свой интерес во встрече тем, что «мои знакомые, те, что взяли вашего ребёнка, очень хотели бы узнать, каковы истинные причины его оставления вами. Может, у вас в роду есть какие-то сложные заболевания?» — «Нет, у нас все здоровы и физически и в психическом плане». Второй вопрос: «знаете, у персонала сложилось мнение, что, возможно, этот ребёнок не от мужа и в этом причина вашего отказа от него?» Усмехнувшись, она

сказала, что ребёнок, конечно, от мужа, но что просто она слишком поздно узнала о своей беременности, но, узнав об этой неприятной неожиданности (на самом деле — ведь ей было 45 лет!), она, тем не менее, ничего не предпринимала для избавления от беременности. И на третий, последний вопрос, захочет ли она увидеть ребёнка или попытаться вернуть его, было сказано, что они с мужем были осведомлены о том, что не смогут притязать на ребёнка после попадания его в семью, что они законы знают, так же, как их дети, «которые все с высшим образованием» (её старшая дочь также подписала отказ, ей было в тот момент 23 года, сыну 15 лет). И что она надеется на то, что это наша последняя встреча. Ну что ж, всякие наивные мысли были рассеены, я расплатилась за кофе, и мы расстались.

Прошёл год, как Олежек был дома, и инспектор отдела опеки подняла вопрос об усыновлении. Она, конечно, блюла интересы государства не платить пособие на ребёнка, хотя в то время оно было и так небольшое, но и рациональность в том, что в подростковом возрасте не усыновлённый ребёнок почувствует себя более уязвимым, имела место. Я и сама об этом уже думала. Когда я ещё только думала о приёмстве, я не знала, как всё пойдёт, я только очень хотела, хотела сделать что-то стОящее в жизни. Теперь же наша жизнь с Олежкой была налажена и можно было сказать, что адаптация прошла успешно. (Если бы это было не так, может, я и оставила бы статус опекуна, но до 18 лет, конечно, воспитывала бы ребёнка, как могла). Но всё было, в общем, хорошо, и я любила своего Олежку. Тем более, что я думала об Испании. Инспектор подготовила ходатайство в суд, который был назначен на апрель 2005 года. (*За год до этого социальный работник дома ребёнка подавала в суд на лишение мамаши материнских прав, и в первый раз я пришла на суд, а она не явилась, во второй раз меня не было на суде и меня представляла соц. работник, а третьего заседания уже не было, т.к. бывший в те времена уполномоченный по правам ребёнка А. Головань разослал во все соответствующие учреждения циркуляр о том, что родитель, официально отказавшийся от ребёнка, в свои родительские права не вступает, а, следовательно, лишать его прав, которых у него нет, излишняя и бессмысленная процедура. Таким образом, я была в полном праве усыновлять такого ребёнка.)*

Судебное заседание было быстрым, и вопрос об усыновлении был решён положительно. Дальше нужно было, прождав 10 дней, идти в загс и оформлять новое свидетельство о рождении с изменением фамилии и отчества ребёнка. Фамилия, естественно, была моя, т.е. моего отца, я её никогда не меняла,

и отчество тоже было от моего отца, так же, как и у Юли. Так у меня появился законный сын Олег Викторович Быстрых.

И надо же так случиться, что в это же самое время мне звонят из испанского консульства и сообщают, что вопрос о визе для ребёнка Сазонова Олега решён положительно (Министерство Иностранных Дел Испании дало свой положительный вердикт) и я могу прийти за визой. И виза была выдана на Олега Сазонова. Ну что ж, значит поедет в Испанию с прежним свидетельством о рождении.

В это же самое время Юля подняла вопрос о продаже своей квартиры у м. Академическая. Квартира сдавалась, но я денег Юле высылала немного, т.к. за счёт аренды гасились её долги. Она решила покупать себе жильё в Нью-Йорке на деньги от продажи квартиры в Москве. Я предложила ей оставить для нас её квартиру и продать тогда мою квартиру на Инженерной ул. Хотя эту квартиру я очень любила, она была большая и удобная, с паркетом, с большой лоджией и стенным шкафом в прихожей, с отделанными собственной, привезённой мной из Испании плиткой, ванной и туалета, но территориально она проигрывала — находилась и далеко от метро, и на окраине в непрестижном месте. И летом я выставила свою квартиру на продажу, а Юля перевела на меня свою квартиру. Я стала потихоньку перевозить мелкие вещи на Академическую, после того как освободила её от жильцов. Квартиру на Инженерной я продала за незаслуженно низкую цену, но что было делать: рынок жилья был в упадке, покупателей почти не было, а нам с Олежкой надо было ехать в Испанию: ему исполнялось 6 лет и надо было идти в школу, ещё год сидеть в России в детском саду я не планировала.

Мы улетали в Испанию 24 августа 2005 года, улетали в новую жизнь, и всё остальное уже не имело значения!..

* * *

..Не знаю, буду ли я описывать на этих страницах мою дальнейшую жизнь с сыном. Ведь об этом есть несколько книжек моих дневниковых записей, правда они обрываются на возрасте Олега примерно в 15 лет, когда отношения с ним вошли в кризис. Скажу только, что я была абсолютно счастлива с моим сыночком в его детском возрасте. Но по мере его взросления радости убавлялось, а огорчений прибавлялось. Страсть к телефонным, а затем компьютерным играм, враньё и грубость начались и росли лет с одиннадцати. Радовала только его учёба, его внутренняя дисциплинированность в отношении к школе (и тут всегда вспоминаю его послушное спускание по лестнице на зов обедать,

тогда, в 4 годика, в др, когда я его навещала в первый раз). Да, Олег дисциплинированный и законопослушный, он всегда готов подчиниться старшим по званию или посторонним. Но не дома и не со мной. Мы давно живём с ним параллельными жизнями, несмотря на то что его жизнь меня интересует, но я о ней почти ничего не знаю, кроме того, что касается учёбы. А моя жизнь (и тем более, моё самочувствие) его не интересуют вообще.

Педагоги считают, что воспитывать надо личным примером. И я воспитывала: я никогда не врала, всегда была честной и открытой с ребёнком, я вообще не вру, и он это знает. Но к нему это не привилось.

Я люблю читать и много читала Олегу, но сам он читать не любит, и не то, что классиков, а даже, всеми подростками любимые «Три мушкетёра» или «Граф Монте-Кристо», ему читать скучно. И фильмы про войну он тоже не любит, предпочитает вымышленные сюжеты типа звёздных войн.

В итоге мы по натуре с ним совсем разные люди. Я понимаю, что я вообще особенная личность, не в положительном смысле, а просто, не такая, как большинство. Я, с обострённым чувством справедливости, не могу пройти мимо несчастий, и открыта людям, несмотря на то что строго сужу их. Кроме того, как правило, действовала в жизни скорее по эмоциям и слишком бесхитростна. И ещё — я в определённой степени авантюрный человек.

Олег совершенно не такой. Когда надо ему, лучше смолчит. Очень приспособляемый к людям и обстановке. Возможно, он сегодня хороший товарищ для друзей. Но ко мне — никакой привязанности, не говоря о любви и заботе. И от меня ничего не взял и не собирается: я для него без авторитета.

Недавно я узнала о РРГ — реактивное расстройство привязанности, типичное для ребёнка, проведшего первые годы своей жизни в системе. Может, это есть и у Олега. Может быть. Но он уже достаточно взрослый для того, чтобы не на базе привязанности, а на основе простых и элементарных человеческих качеств быть, если не сострадательным, то хотя бы более уважительным.

Может, я не совсем права, и Олег лучше, намного лучше, чем я его здесь описала. Но мне-то это неизвестно! Я и другие видели, за редким исключением, его сплошной эгоизм, нечестность и полное ко мне, реальное, по факту безразличие.

И меня сегодня беспокоит его личность в плане его отношений в будущей семье (надеюсь, она будет). И мне думается, дети с таким неблагополучным началом жизни, всегда несут в себе особую печать раннего сиротства, и таким людям

необходимо решать свои личностные и моральные проблемы с психологами. С хорошими психологами!

,

Да, я решила продолжить описание моей жизни с сыном и всего, что сопутствовало нам в эти годы

Первый этап жизни Олежки в Испании

Мы прилетели в Валенсию и поехали на квартиру одной знакомой латышки, у которой я оставляла свои вещи, а, главное, машину. Задерживаться в этой коммуналке я не планировала, поэтому стала искать жильё и устраивать Олежку в школу. Олежка не понимал, что он в другой стране, думал, что приехал в другой город. Сразу поехала подавать на документ — вид на жительства на Олега. Но приемлемой по цене квартиры я не находила; позвонила своей старой знакомой Росе в Беникасим, и она стала говорить, чтобы ехали туда, что можно снять жильё подешевле. И мы поехали в знакомый мне Беникасим. Сняли комнатушку с отдельным входом и устроили Олежку в хорошую школу в Беникасиме, там же училась и дочка Росы.

Учебный год уже начался, а я привела Олежку в первый раз в первый класс 6 сентября. Конечно, он ничего не понимал, ни одного слова по-испански. И на второй день никак не хотел идти в класс, плакал и вырывался из рук учительницы. На третий день история повторилась. И только на четвёртый я приложила все усилия к уговорам, и Олежек обещал идти в класс без слёз. И так как у него появился дружок, с кем он мог играть — румынский мальчик, также не говорящий по-испански, то Олег уже ходил в школу без проблем. Я возила его на машине, также и забирала. Учительница была более-менее молодая, звали её Марица и она полюбила Олежку. Обнимала и целовала его, правда, ребёнок был очень сладкий. Вскоре отметила, что Олежек умненький и любознательный мальчик. Я с ним занималась дома: немножко математикой и английским, а, в основном, русским языком. Конечно, ребёнок ныл и отлынивал, но я строго сказала, что русским будем заниматься обязательно. Мы жили в трехста метрах от пляжа и осенью и весной, конечно, много времени проводили на море. В выходные дни мы обычно выезжали на машине в окрестности или в город (Кастельон), где были какие-то развлечения для ребёнка.

Так как наша комната находилась на низком первом этаже, то было очень влажно и холодно, и я еле дождалась конца декабря, чтобы полететь в Москву, на зимние каникулы. По пути на несколько дней заехали в Памплону к моей давнишней

знакомой Марине, с которой работали в Торгпредстве Кубы, и которая тоже готовилась стать приёмной мамой. В Москве мы ходили на ёлки, в цирк, катались на ледянках на Ленинских горах (за цирком), Олег был у Илюши в гостях и не хотел от них уезжать. Ко второму полугодию Олег уже понимал и разговаривал на бытовом испанском. Поведение его было нестабильным. Возвращался из школы улыбающийся и приветливый, но скоро начинал канючить: хочу в магазин, (где много чего), хочу в библиотеку (где компьютер и можно поиграть в комп. игры), только домой не хотел. Может, и правда — наше маленькое помещение угнетало его, так же, как и в некотором роде одиночество. Однажды, уже во втором классе, Олег вернулся из одного красивого частного дома, где был у одноклассника в гостях, и стал плакать, что у него нет ни папы, ни брата, ни такого дома. Я говорила, что, когда вырастешь, сам построишь себе такой дом или ещё лучше, но он таким ответом не

воодушевился и отвечал, что хочет сейчас, а то, когда вырастет, то, может, не сможет такой дом купить. И так было постоянно в Беникасиме: идём мимо чалетов, и он канючит, что хочет такой дом или вот такой… Претензий было много, я только не понимала, откуда их «ноги растут», в чём причина? Ведь я жила с мамой в детстве в малюсенькой комнате без удобств, иногда мечтала жить в лучших условиях, но одновременно принимала наши условия как данность, и самым главным в жизни тогда была мама.

Как-то Олежек высказался, что «скучно живём», ему, казалось, всегда было нужно какое-то увеселение и развлечение. (И я, между прочим, узнавала в этом Юлю маленькую). Однажды, это было в его шесть лет, ночью вдруг проснулся и стал говорить, что что-то шевелится, что рыбки на занавесках хотят его съесть; я с трудом успокоила его; встревоженная, рассказала об этом детскому педиатру, она дала лекарство от галлюцинаций, но больше, к счастью, такого не случилось, и лекарство не пригодилось. (Но для меня осталось загадкой — как и отчего у вроде здорового ребёнка случились единичные галлюцинации).

Ещё как-то тёплым вечером в начале второго класса пришли с Олежкой с моря домой, но он не захотел входить в наше жилище, сел у порога и стал говорить, что жить на Земле не хочет, хочет улететь на Луну…

Я твёрдо решила, что после окончания Олегом второго класса, при условии готовности документов на его испанское гражданство, мы вернёмся в Москву на несколько лет, чтобы он продолжил учёбу в русской школе. Это было важно: нужно было нагнать русский язык, изучать литературу и читать русские

книжки и повысить уровень математики и английского — всё-таки в испанской начальной школе он недостаточно высок. Ещё нужно было почувствовать себя россиянином, а то Олежек стал уже охотней разговаривать со мной по-испански. И, в конце

Весь второй год учёбы Олега я занималась его документами. Для того, чтобы ему дали гражданство, необходимо было получить документ о международном усыновлении. А это был долгий процесс. К нам приходили с обследованием условий проживания, потом поехали в школу встретиться с ребёнком, где он просто очаровал молодых чиновниц своей разговорчивостью. концов, квартирные условия в Москве были несравненно лучше и платить за рент было не нужно. Когда я получила искомый документ, я перевела и проставила апостиль на российский документ об усыновлении и вместе со свидетельством о рождении Олега Быстрых поехала в Мадрид подавать на гражданство Олега, и ещё около года ждала результата. Было много нестыковок, ошибок испанского загса, лишних поездок в Мадрид, но, в конце концов, как раз, к лету второго года пребывания в Испании, мы получили все испанские документы.

Московские школы Олега

Недалеко от нашего дома на Б. Черёмушкинской находилась какая-то экспериментальная начальная школа, в которую, как я поняла, попасть можно было лишь «по блату». Но через работника районного отдела образования я смогла определить туда Олежку. О чём впоследствии пожалела. Во-первых, директор запросила большой взнос, и мне пришлось половину его заплатить сразу во-избежание лишних придирок к ребёнку. Во-вторых, я их не избежала. Потому что учительница просто насела на Олежку: не так пишет цифры, надо дома всё переписать; не такой почерк — надо всё переписать и т. д. Задавала вообще очень много уроков, особенно, внеклассного чтения. Ребёнок делал уроки до десяти часов вечера или позже, и вскоре начались тревожные симптомы: ночью во сне он садился на кровати и, как сомнамбула, раскачивался и не реагировал на мой оклик. Кроме того, его стали обижать ребята. Я пошла с ним к невропатологу, ему сделали энцефалограмму, врач сказала, что у ребёнка выявляется большое мозговое напряжение и назначила один день отдыха посреди недели.

У меня с лета зрела мысль о продаже этой квартиры и покупке более дешёвой, с тем чтобы вложить разницу в цене в строящуюся однокомнатную квартиру в ближайшем Подмосковье для Юли. И ввиду неудачи со школой я форсировала вопрос продажи и покупки. И в конце декабря, продав свою квартиру у м. Академическая на Б. Черёмушкинской ул., я собирала вещи, чтобы переехать в купленную малогабаритную двухкомнатную квартиру в Бескудниково. И одновременно вложила деньги в строящуюся квартиру в с. Марушкино (недалеко от аэропорта Внуково).

В Бескудниково после зимних каникул Олежка пошёл в самую обычную среднюю школу, где нас приняли очень приветливо, у Олега была замечательная учительница Мария Прохоровна, уже пожилая, но красивая женщина, о которой мы храним светлые воспоминания. Кроме того, каждую неделю был бассейн. В общем, Олег успешно закончил там третий класс, а потом четвёртый. По русскому языку сначала у него были тройки, но потом он твёрдо перешёл на четвёрку. Математика и английский — пятёрки.

Денег у меня после вложения в Марушкино не осталось никаких. И я стала думать о работе. Рядом находился Институт глазных болезней им. Фёдорова, и я смогла устроиться туда переводчиком, правда, в основном, с английским языком,

в котором я была и не сказать, чтобы сильна. Т.е. вполне справлялась с письменной документацией, но пасовала перед устным переводом для какого-нибудь англоговорящего пациента.

Летом мне удалось получить бесплатную путёвку вместе с Олегом в санаторий в Анапу. И ещё в поезде мы познакомились с многодетной мамой Сашей и её тремя младшими мальчиками, с которыми Олежа подружился и строил на пляже прекрасные сооружения из песка. С этой семьёй общение наше не прекращается до сих пор.

А в январе 4 класса мы поехали в Сочи, где мне дали бесплатную путёвку в санаторий от собеса, и провели там прекрасные две недели, съездили на экскурсию в Сухуми и в Красную Поляну.

17 марта 2009 у меня в Нью-Йорке родился внучок Тимур. Юля была уже замужем. Её мужем стал Жасур, узбек из Самарканда, приехавший в США по выигранной им грин-карте. Это было невероятное, ошеломляющее событие! Ведь я уже не ждала никаких внуков. И вот — такое счастье! И на майские праздники я полетела на несколько дней в Нью-Йорк, увидеть бэбичку, оставив Олежку, как всегда, у Златы. Тимоша, как и Юлюня, родился с тёмными волосиками и вообще был похож на неё родившуюся.

Бескудниково, конечно, был плебейским районом, далеко от ближайшей станции метро, чтоб доехать до которой, нужно было преодолеть в автобусе ужасные пробки, и иногда это занимало час времени, т. е. выбраться куда-то было непросто. Но сам район был обжитый, а самой большой удачей была музыкальная школа им. Баха, находившаяся в пяти минутах от дома. Красивое пятиэтажное здание с прекрасным актовым залом! И я повела Олежку в эту школу, где его приняли в класс флейты. Проучился он там половину третьего класса и весь четвёртый, таким образом, окончив два класса музыкальной школы. Ходил на уроки сольфеджио, сдавал экзамены по инструменту — всё это наполняло нашу с ним жизнь дополнительными заботами и, конечно, приятными эмоциями. Учителя были замечательные, особенно душевной оказалась преподаватель фортепьяно Ольга Михайловна. Таких школ за границей нет! Но, к сожалению, и у нас, наверно, скоро ни таких школ, ни преподавателей уже не станет. Ведь учились там дети почти бесплатно и учили их опытные профессионалы.

После окончания начальной школы Олег прошёл тесты на поступление в недавно открывшуюся в Бескудниково гимназию с преподаванием английского и испанского языка. Поступил.

Но тут пришло удручающее сообщение от Юли: у неё на работе в только что начавшемся бизнесе приключилась беда, нужны были деньги на адвоката, и ещё она попросила срочно приехать. Я купила билеты, и мы с Олежкой полетели к ней. Олега мы сразу устроили в Нью-Йорке в школу, где практически не задавали уроков. А с Юлей было много неприятностей. Юля пребывала во взвинченном состоянии — сыночку было несколько месяцев, а тут навалились серьёзные проблемы. От меня нужны были только деньги и в никакой другой помощи Юля не нуждалась. Через месяц мы с Олегом улетели в Испанию.

Мы приехали в Беникасим, остановились на пару дней у Росы. Я сняла квартиру, только уже не у моря, а в пуэбло. Я хотела, чтобы Олег вернулся в прежнюю школу, но на этот раз не получилось — по месту жительства нам предназначалась другая школа. Я была разочарована и не напрасно: уроков почти не задавали, друзей у Олега там не нашлось. Мы полетели, как обычно, на зимние каникулы в Москву и в Москве Олег заявил, что в Испанию возвращаться не хочет, что остаётся, и пойдёт в 5 класс новой гимназии, в которой он всё ещё числился, несмотря на полугодовое отсутствие.

Олег стал ходить, вернее ездить две остановки на автобусе в эту гимназию. Возобновил учёбу в музыкальной школе. Учился хорошо, а в отношениях с ребятами всякое бывает в этом возрасте. Стало особенно заметно его пристрастие к играм на телефоне. С ним становилось сложнее. Приходилось обращаться к психологам, но особенного эффекта не замечалось.

И я стала подумывать о том, чтобы отдать его в кадетский корпус. Долго проходили медкомиссию. Я нашла в Москве кадетский корпус с дипломатическим уклоном. Правда, информация о нём была противоречивая, а самое плохое, что он находился очень далеко от нас. Конечно, ребята там находятся на пятидневке, но в понедельник там нужно быть к 8 часам утра, а это значит, что с нашими пробками нужно выйти из дома в 6 утра. Тем не менее, я добилась принятия Олега в этот корпус, но, когда мы вышли с ним от директора, Олег стал умолять меня не отдавать его туда. Он сказал, что только что подружился с мальчиком из своего класса, с которым хотел дружить давно и что для него это очень важно; что будет слушаться меня и т. д. и т. п., и что, в конце концов, устал менять школы. Насчёт его послушания я взяла с него письменное обещание, которое очень скоро он, конечно, нарушил.

В общем, он пошёл в 6 класс своей гимназии. Кое-кто мне говорил, что я сделала большую ошибку, послушав его. Но дело

в том, что, если бы это был мой кровный сын, мне было бы проще принимать волевые решения, а при нашей ситуации, вопрос был деликатней, ведь Олег мог думать, что, засунув его в очередное казённое учреждение, я хочу избавиться от забот о нём.

С другой стороны, я уступала возможным манипуляциям сына. *(И это была не последняя аналогичная ситуация*).

Олегу было 11 лет. После уроков он оставался на продлёнку. И вот как-то я столкнулась с первым крупным обманом сына, когда он, придя домой уже в 6 часов вечера, сообщил мне, что оставался в школе на конкурс по испанскому языку и занял там призовое место. Я его похвалила и уже не могла ругать за столь долгое отсутствие и за то, что не позвонил мне. Но вечером звонит воспитательница по продлёнке и говорит, что, если ваш сын вам сказал про то, что задержался на конкурсе, то это неправда. Я её выслушала, но не могла поверить, что мой сын так может врать. Назавтра я пошла в школу, чтоб спросить учительницу испанского языка про конкурс, я услышала, что никакого конкурса не было, а на моё недоумение о том, как же мой сын мог так врать, она засмеялась, спросив, неужели я в этом возрасте не врала. Да, я не врала…

В том году я стала часто болеть — усилилась гипертония, начались проблемы с сосудами головного мозга. Я дважды попадала в больницы, Олег в это время или был в лагере, или оставался со знакомыми. (Кстати, когда Олежек перешёл в 6 класс, я смогла достать ему путёвку в лагерь в Болгарию, где ему очень понравилось).

Я подала на инвалидность, и медкомиссия присвоила мне вторую группу инвалидности с диагнозом — ишемическая болезнь сосудов головного мозга. А весной у меня случилась беда с глазами, вернее, с левым глазом. Неожиданно, обнаружилось отслоение сетчатки, да не простое, а с большим отёком, с изменением пигментного пятна, т.е. я стала видеть этим глазом, как в кривом зеркале, да ещё с изменением цвета предметов. Стала высиживать очереди в Институте Фёдорова; диагнозы были неутешительные; мне назначили уколы под глаз, которые не помогали, да и не могли помочь, потому что это была почти профанация. Моя бывшая начальница (я уже тогда в этом Институте не работала) сказала, что при моём диагнозе в какой-то степени могли бы помочь уколы лусентиса, но каждый такой укол стоит 80 тысяч рублей.

Я подумала, что надо лететь в Испанию, идти там к врачам и, может, там смогут делать такой (или такие) укол (ы) бесплатно. И я полетела. Приехав в Кастельон, пошла сразу в госпиталь, отсидела положеннное по срочности время до приёма, врач

принял и мне было сказано, что да, мне нужно несколько таких уколов, и что, несмотря на разразившийся в Испании кризис, их пока ещё делают бесплатно. За лето нужно было сделать три укола. И дважды я специально для этого летала в Испанию. А на третий укол, назначенный в августе, я уже прилетела вместе с Олегом. Я приняла окончательное решение вернуться в Испанию, подстёгнутая своим резко ухудшимся зрением и плохим прогнозом на дальнейшее.

И снова Испания, теперь уже надолго

Жарким августовским днём 2011 года мы с Олежей прилетели в Испанию. Мне надо было делать в кастельонском госпитале укол в левый глаз, уже третий по счёту, и мы остановились у Росы. Но надо было срочно искать жильё в Валенсии — я хотела, чтобы Олег пошёл в школу в большом городе. На следующий день после укола я поехала в Валенсию, зашла в русский магазин, посмотрела объявления и в тот же день мне удалось снять комнату у одного крымчанина, проживавшего в снимаемой им самим квартире. И на другой день мы перебрались в Валенсию, в эту комнату. 15 августа Олежке исполнялось 12 лет, мы скромно отметили его д.р., пойдя в знаменитый валенсийский Биопарк.

Август в Испании самый тяжёлый месяц в смысле жары и духоты, и в городе остаются в это время только те, кто не может пойти в отпуск и уехать, т. е., в основном, иммигранты. Город становится грязнее, чем обычно. В общем, Олег ходил по городу и плевался Испанией — всё ему не нравилось, и он сказал, что останется тут на полгода или максимум на год — ради меня. От жары мы спасались на море или в кинотеатрах и кафешках. В конце августа надо было определять ребёнка в школу, он должен был пойти в первый класс среднего уровня (ESO). Но в ту школу, в которую я хотела его определить, не было мест, и мне дали направление в какую-то дальнюю, в которую я не хотела отправлять ребёнка.

И тут Юля предложила Олегу лететь в Нью-Йорк и поучиться в ньюйоркской школе. Мне эта мысль понравилась — ведь так Олег опять сможет практиковать свой английский, не говоря о том, что условия нашей жизни с Олегом в квартире с соседом не были предпочтительными. Был ещё один фактор — мне не нравилось поведение Олега, и я надеялась, что жизнь у Юли в семье что-то поправит. Правда, самое большее, что он мог находиться в Америке без визы, было три месяца. С 12 лет Олег некоторыми авиакомпаниями мог лететь один, и я стала искать ему билет. Олег полетел в Нью-Йорк из Барселоны, очень хорошо, что в самолёте летело ещё несколько подростков, сопровождаемых стюардессой. В Нью-Йорке через неделю пошёл в школу.

А я продолжала своё лечение, теперь уже в Валенсии; после укола глаз видел получше, но потом опять наступало ухудшение.

Забегая вперёд, скажу, что в общей сложности мне было сделано в течение трёх лет 12 уколов лусентисом и три лазерные фотодинамики, после чего отслоения сетчатки, отёка и кровоизлияния в глазу больше не выявлялось, но макула глаза атрофировалась, и вижу я, в основном, за счёт правого глаза, на который я буквально молюсь.

Между тем, стройка в Марушкино, куда я вложила деньги на квартиру для Юли, зашла в тупик, и давно уже стало ясно, что надо забирать деньги. Я полетела в Москву и после долгих переговоров мне это удалось — я забрала у застройщика свои деньги и даже с процентами штрафных и стала искать возможность купить квартиру в Валенсии. И я нашла строящийся в том же районе дом VPO, т. е. бюджетный дом с дотацией от государства. В течение нескольких месяцев я платила взносы по 500е и ждала квартиру к лету следующего года.

Через три месяца, в конце ноября вернулся из Америки Олежек. Мы с ним ходили в бассейн и занимались по программе его русской школы. В конце декабря вместе полетели в Нью-Йорк, где после каникул Олег опять пошёл в ньюйоркскую школу, а я вернулась в Валенсию. Правда, ходил он в неё уже неохотно, называл её дебильной, и, наверно, особого стимула у него там учиться не было. По этой причине поссорился с Юлей, даже подрались, и я сказала, что раз так, пусть возвращается, Юля поменяла ему билет и в начале февраля Олег прилетел назад, в Испанию и сказал, что устал летать и больше никуда не полетит.

Я пошла к директору школы, в которую хотела, чтобы Олег ходил, стала просить

принять мальчика. Но директор не вольна была решать эти вопросы; если в классах был полный комплект — 28 человек, то вопрос решало Министерство, а оно не давало разрешения, посылало в другую школу, где был недокомплект. Я уже не знала, что делать и готова была возвращаться в Москву, — ведь Олегу надо было учиться, а в московской гимназии он по-прежнему числился, — несмотря на продолжающееся лечение и строящуюся квартиру, но решила на всякий случай ещё раз зайти в эту школу. И секретарь, увидя меня, обрадовалась, сказала, что не знали, как меня найти, и я поняла, что появилось место — уехал один мальчик. Меня попросили тут же прийти с ребёнком, и мы с Олегом пошли, и с ним разговаривали директор и завуч. Они сказали, что уровень испанского у Олега вполне сносный (хотя он, конечно, стал язык забывать), что надо купить форму, и послезавтра пусть приходит в школу.

На следующий день мы купили почти всё, что было нужно,

оставалось купить синий джемпер. И тут Олег объявил, что в школу эту не пойдёт, потому что в последней испанской школе к нему как к русскому плохо относились. Я не знала, что мне делать. Я всё-таки уговорила его пойти со мной в большой магазин, чтобы купить джемпер. Он пошёл, но продолжал твердить, что в школу не пойдёт. Я уговаривала Олега весь вечер. И утром он встал и пошёл, а я перекрестилась. Мы пошли в школу. Я предупредила завуча о беспокойствах Олежки, но он меня заверил, что проблем не будет, что первое время к нему будет приставлен мальчик из класса, который будет его во всём опекать и всё, что нужно объяснять. Так и было. Олежек вернулся из школы довольный и я вздохнула с облегчением.

Несколько слов о школе. Это был частный католический колледж, финансируемый государством. Директором этой школы с названием «Esclavas de Maria» была монахиня, а завучем — мужчина, очень хороший, по всей видимости, человек; обстановка в школе была доброжелательная — никто никого там не травил, и никто из учителей ни к кому не придирался. Уровень дававшихся знаний для Испании был достаточно высок. И не было такого, как в государственных школах, что ничего не задают на дом, здесь всегда задавали.

Олег закончил тот учебный год с хорошими оценками. И сказал, что остаётся в этой школе, остаётся в Испании и больше школу менять не будет. Появились друзья, что для Олега, кажется, вообще самое главное в его жизни. И в этой школе Олег проучился до окончания бакалавриата, т.е. до поступления в Университет. А мы в мае того, 2012 года въехали в новую квартиру, и о нашей дальнейшей жизни — следующая глава.

Отношения с сыном. Разное другое

Итак, мы въехали в совсем небольшую — 50 кв. м, но новую и нашу (!) квартиру в том же районе, недалеко от школы Олега. Банк согласился дать мне условную ипотеку под мои 35 тысяч евро, что я внесла после возвращения мне марушкинских денег (это кроме начального взноса), ипотека была на 10 лет с возможностью закрыть её через пять лет (что я и сделала в дальнейшем, закрыв ипотеку в 2017 году и рассчитавшись полностью с банком).

Приобрели недорогую и самую необходимую мебель. Спальня была одна, и сначала в ней находился Олежек, а я — в общей комнате. Но через год я соорудила в этой большой комнате маленькую студию, и Олег стал спать и заниматься в ней, а я перешла в спальню.

И всё бы было хорошо, но с поведением Олега становилось всё больше проблем. Ещё, когда ему было 11 лет и мы летали в Лондон, его поведение там было не самым лучшим (хозяин хостела, где мы останавливались, пытался объяснять это Олегу). В конце того же лета ездили в Палангу (когда в Москве была жара 35 гр. и горели торфяники); там Олег подружился с двумя мальчиками-братьями из хорошей дружной семьи и как-то пришёл в номер и стал опять плакать оттого, что у него нет такой семьи. *(Как тогда, в 7 лет в Испании*).

Теперь он был старше. Слушаться он не хотел, помогать не хотел, только хотел играть в комп. игры и играл. Когда я протестовала, кричал: «ты мне никто, чтоб меня лишать — то ли компа, то ли телефона, ты мне тётка чужая!». Да много чего он мог сказать обидного!

Мне было очень больно от этих слов, у меня поднималось давление, мучила бессонница.

После первого года учёбы в колледже мы летом поехали в Москву. Надо было решать жилищную проблему, уже в Москве. Дело в том, что Юля, в связи с возникшими у неё в Америке проблемами, думала возвратиться в Москву. Квартира в Бескудниково была маленькая — 38м2, и я стала думать, как вместо одной квартиры заиметь две. Это было бы возможно, если, продав эту, приобрести две квартиры в Подмосковье. Я стала искать строящиеся квартиры. Наконец, нашла — одну маленькую, но в Новой Москве и с отделкой, а другую — большую — по Рижской ж. дороге, в 25 км от МКАДа. К концу лета я продала свою бескудниковскую квартиру, отвезла мелкую мебель в бокс на хранение до следующего лета — когда маленькая квартирка,

которая для нас с Олегом, должна была быть готова -, и мы вернулись в Испанию. Не могу не отметить, что во всех сделках и оформлениях продаж и покупок мне помогала и выручала меня Ольга — первый мой риэлтор, с которой я до сих пор поддерживаю тёплые отношения. Но, конечно, все хлопоты, (а их было много, чего только стоила мне выписка Олега и наша временная прописка в Калужской области), лежали на мне.

На следующее лето — 2013 года, мы, действительно, прилетев в Москву, смогли въехать в нашу новую квартирку 34,5 кв. м, в ЖК Новые Ватутинки. Олегу было почти 14 лет. Но он совсем ни в чём не хотел мне помогать. А дел в новой квартире, как известно, всегда много. Но он или лежал, или уезжал к Илюше. Как-то нам должны были привезти кое-какую мебель из Икеи и её выгружали у подъезда, а потом мы сами должны были её поднять; Олег знал об этом, но спокойно сел и уехал к Илюше. Ехать в гипермаркет со мной за продуктами он тоже отказывался (поблизости нормальных магазинов ещё не было). А как-то раз я ушла от его грубости на кухню, было высокое давление, я легла там на надувной матрас, так Олег пришёл, сел на матрас и стал сдувать его — издевался так.

Да, это было уже что-то худшее, чем враньё…

В 2014 году летом я уже принимала построенную квартиру в Новых Снегирях. Но её нужно было полностью отделывать. Делала я это постепенно, по мере поступления пенсионных денег. Зимой 2014—2015 г.г. дважды ездила в Москву из Испании, чтобы проследить ход ремонта и обнаружила, что тот мастер, которому я оставила ключи и доверила ремонт, меня подвёл — вместо себя поставил какого-то подмастерья, и сделано было всё очень плохо, а материалов потрачено слишком много. И летом следующего, 2015 года нужно было много чего переделывать, но не всё было уже возможно. В конце концов, с отделкой, в основном, было закончено, был куплен кухонный гарнитур и кое-какая дешёвая мебель (вопрос о приезде Юли был уже как бы не совсем актуален, и тратиться всерьёз не имело смысла, да и денег).

Планировка этой квартиры мне очень нравилась, я по приезде стала останавливаться в Новых Снегирях, а квартиру в Новых Ватутинках, где мы с Олегом были зарегистрированы, сдавать.

В 14 лет Олежек получил свой первый российский паспорт. Так что теперь у него их было два, нет, даже три (два российских).

Возвращаюсь к Испании: Какое-то время Олежек возобновил учёбу игры на флейте, мы ходили в ближайшую музыкальную «школу», если можно так назвать маленькое помещеньице

в нижнем этаже. Потом и это прекратилось. Любил играть в футбол. Но ни в какую спортивную секцию ходить не хотел, там нужна была дисциплина и постоянство, чего у него, очевидно, не было.

Компьютерные игры всё больше затягивали Олега. И тогда его поведение было совсем неадекватным. Пришлось обращаться к психологам, но, как я уже упоминала, социальные психологи помогали мало. Нужен был специальный психолог по работе с такими детьми, но где его в Испании взять? Там же нет отказных детей с диагнозом «Реактивное расстройство привязанности». Я и сама-то об этом диагнозе узнала года три назад. Если б знала раньше, то, возможно, не так сильно реагировала бы на поведение Олега.

А я в минуты отчаяния думала о том, что Олега надо определять в интернат для проблемных детей. Роса, моя знакомая, убеждала меня в этом, говорила, что свою неуправляемую дочь тоже отправила на семестр в закрытое частное учебное учреждение. Но я не располагала деньгами для частного заведения. А Олег написал мне записку о том, что, если я его туда отдам, то он, уже побывавший в детстве в казенной системе, будет очень страдать. И опять я не знала — это крик души травмированного подростка или манипуляции, на которые он тоже был способен.

Как-то раз — Олегу было 14 лет — он задрался со мной, выкручивая мне руку, — отнимая компьютер, я упала, поранила ногу. Вызвала неотложку. Но так как пришлось объяснить, что произошло (в Испании очень остро блюдётся вопрос о домашнем насилии), неотложка приехала вместе с полицией. Олега увезли. Я всю ночь не спала. Утром позвонила директору школы, рассказала, что произошло, и что не знаю, где сейчас Олег. Она по своим каналам узнала, что он находится уже в специализированном учреждении, позвонила мне, спросила, поеду ли я с ней вызволять Олега оттуда. Я, конечно, согласилась, я уже не рада была, что так всё обернулось, и мы поехали за Олегом. Там мы очень долго беседовали с психологом, Олега привели, он был очень напуган; мы сели в машину директора, и Олег схватил мою руку и не отпускал. Я плакала — мне было жаль ребёнка, и думала — ну, вот, теперь, может, будет счастье. Но через небольшое время всё вернулось на круги своя. Правда, Олег месяца два выдержал и не играл в компе (он дал слово директору), но потом возобновилось ночное сидение в играх и в связи с ними наши ссоры. Олег был вменяем только, когда готовился к контрольной работе или к экзаменам. Игры же вышибали адекватность полностью.

В 15 лет Олег начал «salir», как говорят в Испании, т. е. в обязательном порядке ходить на гульбища (дискотеки и пр.) в конце недели. Возвращался иногда поздно, часа в два ночи, а то и в 4 утра. Суббота для занятий пропадала, а в воскресенье он играл в комп. игры. Уроки иногда не делались. Отметки были разные, нестабильные. Мы ссорились. И я наблюдала, что наши ссоры дают Олегу свободу делать всё, что он хочет — ему было невыгодно мириться со мной, это налагало определенные рамки поведения, а он этих рамок, как раз, не хотел; он мог сказать мне: «вот я захочу и буду делать то-то и то-то, и что ты мне сделаешь?»

В 2015 году в июне на летние каникулы я отправила Олега к Юле, а от неё он поехал в американский православный лагерь в монастырь Джексонвилля. В 2016 году Олег поехал в тот же лагерь; там, на удивление, он выполнял все указания, посещал молитвы, постился и т. д. И все были о нём самого хорошего мнения. И так было везде, кроме дома. Саша, у которой он часто бывал, была о нём самого лучшего мнения, ставила в пример своим мальчикам! И только те, кто видел Олега дома (например, моя хорошая знакомая Исабель, которая несколько раз оставалась с Олегом в моё отсутствие), знали, как Олег может врать, обманывать, и им это претило так же, как и мне. Правда, никому кроме меня он не хамил.

В 2015 году мне сделали операцию по удалению косточки наа ноге. Мне надо было купить лекарства. Я попросила Олега сходить в аптеку. Но он этого не сделал, наврав, что аптека была закрыта и уехал к приятелю на два дня. Пришлось просить соседку из дома. А Олегу было, как он говорил, «всё равно».

В конце 2016 года мы прилетели на Новый год в Москву, в один день прилетел и Тимоша, в первый раз на самолёте, в первый раз в Москву. Ему было 7 лет. Я купила обоим билеты на ёлку в Кремль (она, правда, не произвела впечатления ни на одного, ни на другого). Тимоша не отходил от Олега, он был уже и раньше очень привязан к нему, называл своим героем. Олег иногда снисходил к племяннику, но, в основном, не обращал на него внимания. За два дня до отлёта Тимоши у меня разболелось плечо, и кроме острой боли бездействовала рука, и Тимоша мне помогал одеться и обуться. И говорил всё время, что не хочет уезжать от меня. Но он улетел, а через два дня и мы с Олегом возвращались в Валенсию. Плечо сильно болело и на следующий день по прилёте я пошла в госпиталь. Меня оставили там, т.е. положили в больницу, т. к. кроме боли была высокая температура. После того, как нашли причину боли стали лечить антибиотиками и боль стала уходить. Я ещё оставалась в больнице, когда узнала, что в эту же больницу привезли Олега

в невменяемом состоянии опьянения, упавшим на асфальт и ударившимся головой. Так весело он в моё отсутствие проводил время в нашем доме — ребята пили до утра. Правда, всё обошлось и на следующий день Олега выписали домой. Я его не ругала, я подумала, что это само по себе должно стать ему уроком. Гораздо больше меня удручало его наплевательское отношение ко мне — он ни разу не пришёл меня навестить…

В 17 лет Олег заканчивал бакалавриат. Собрался поступать в Политехнический Университет на факультет архитектуры. Уже несколько лет, как Олег говорил, что хочет быть архитектором. И такое постоянство в желании стать им радовало.

Задолго до лета я стала готовиться к совместной поездке с ним в Италию — в качестве награды за успешное окончание школы. Купила авиабилеты, купила билеты на поезда, забронировала отели в трёх городах, которые решили посетить — Рим, Флоренцию и Венецию. Позже, когда мы с Юлей решили, что прилетит в Испанию Тима, пришлось докупать билеты и перебронировать отели на трехместные номера. И вот прилетел Тима. Я поехала встречать его в Мадрид и мы вместе с ним прибыли в Валенсию. Олег, конечно, воспользовался моим отсутствием, чтобы погулять, как следует.

Через три дня мы улетали в Италию, а Олег вещи не собирал и всё время где-то пропадал. Накануне отъезда тоже ушёл гулять. Такси за нами должно было приехать в пять часов утра. Олег появился в полпятого утра. У меня уже были плохие предчувствия и я убрала роутер. Позвал меня и сказал, что с нами не летит, мол, отношения у нас не слишком тёплые. Уговаривать его не было времени да и не считала нужным. Я была оскорблена таким подловатым поступком. Ведь было уже потрачено на него 350е, а, кроме того, он предавал Тиму, который прилетел через океан, чтобы побыть в компании Олега. Хорошо ещё, что Тимоша не заплакал, а сказал: «Ладно, бабушка, поедем без него». И мы уехали. Олег просил оставить ему денег, но я не ответила, я видеть его не могла.

В Италии стояла жара 35 градусов. Мы с Тимошей, в основном, ходили по городу, смотрели всё, что можно было увидеть без ужасных очередей на жаре. Так же было и во Флоренции, где мы были один день. А в Венеции мы, в основном, катались на вапоретто, что очень нравилось Тимоше, были, конечно, на площади и соборе Св. Марка; ездили на море (Эгейское, кажется), в общем неплохо провели три дня и вернулись в Рим, где посетили Собор Св. Петра, Колизей, Форум и ещё пару церквей и музеев.

Через 8 дней мы возвращались в Валенсию. Дома я

обнаружила Олега спящим в глубокой отключке, а ещё — пропажу сейфа. Я позвонила своей недавней, но очень хорошей знакомой — Сандре, она вызвала нам такси, и мы с Тимой поехали к ней домой. А перед этим я забрала ключи Олега от квартиры. Я рассказала Сандре обо всём происшедшем, она сразу поняла, что Олег принимает наркотик, скорей всего марихуану (о чём я и раньше догадывалась), купила в аптеке тест на марихуану и дома предложила Олегу пописать в стаканчик, от чего он, конечно, отказался. Всё было понятно с ним. Из сейфа (сломанного и выброшенного) было взято им сто евро, он купил новый роутер и наушники, остальное проел и пропил.

Оставаться с Олегом дома мы с Тимой не хотели, и Сандра предложила Олегу пожить в квартире её брата. Ключей от нашей квартиры у него уже не было, и он вынужден был поехать с нами, посмотреть ту квартиру. Но, в результате, он отказался пожить там, и сказал, что договорился у кого-то переночевать. Утром мы с Тимой приехали от Сандры в поликлинику, что рядом с домом, и я увидела Олега на улице в 8 утра. Оказалось, что он ни к кому не ходил, а ночевал на нашей лестнице. Лицо его было измученное, и я сказала, что пущу его в дом до отъезда Тимы с условием, что он не будет гулять ночами, будет общаться с Тимой и после его отъезда уйдёт жить в снятую для него комнату. Он, конечно, на всё это согласился, потому что хотел спать и есть.

После отъезда Тимоши мы с Сандрой стали искать комнату для Олега, недалеко от университета. Ведь он уже почти поступил туда, сдав выпускной и вступительный экзамены с хорошим результатом, надо было только дождаться приказа о зачислении, выходившего после 17 июля. До этого Олег категорически отказывался жить вне дома, в какой-то чужой квартире, хотя Роса давно мне рекомендовала поселить его отдельно. Но теперь, с помощью Сандры (она, к тому же, была психологом и умела разговаривать с подростками) Олег согласился жить в снятой для него комнате. Перевезли его вещи и 14 июля я улетела к Юле — я никогда не оставалась на жаркое лето в Испании. 17го он должен был пойти в университет, увидеть себя в списках и записаться в группу, но он этого не сделал. И пришлось мне из Америки по телефону улаживать вопрос, в какой группе будет учиться Олег. Вот таким жарким было лето 2017 года, когда Олегу исполнялось 18 лет.

Деньги на расходы пришлось давать Олегу через тесты на травку, и, когда он от них отказывался, или они были положительные, деньги практически не выдавались, а продукты приходилось покупать по интернету с доставкой их на дом

из магазина. И Олег всё время сидел

в играх. Из квартиры через несколько месяцев его попросили — за то, что не убирался в своё дежурство и за то, что ночью играл на компе в коллективные игры и что-то орал, мешая спать соседям. В январе я нашла ему другую комнату, уже подороже. Опять перевозили его вещи с помощью Сандры. А в конце мая его попросили и с этой квартиры — опять не убирался в своё дежурство, не мыл за собой посуду и т. д. Олег вернулся домой. Я вроде нашла ему работу на лето на стройке. Я улетела в Москву, туда прилетал Тимоша, и у нас с ним была обширная программа: поездка в Ленинград, потом на теплоходе на Валаам, потом возвращение в Москву и отъезд в православный лагерь, (в котором дважды побывал Олег) на недельку, потом уже снова Москва и отъезд. Олег должен был прилететь в Москву в начале августа. Билет ему был куплен. Но он не прилетел — сказал, что из-за забастовки такси не смог попасть вовремя в аэропорт!? Мы с Тимой чуть не плакали от досады! Тима продолжал любить Олега, несмотря на холодное к Тиме отношение того… Все эти денежные потери — и за Италию, и за Москву, я потом вычитала из стипендии Олега, которая выплачивалась раз в год (это точнее не стипендия, а некое пособие для студента). Но всё равно это било по моему карману. Итак, Олег оставался в Валенсии, немножко работал на компе для Юли, в общем, обходился. И гулял. Гулял много, моя квартира превратилась в место сбора всех его дружков.

Я ничего не могла поделать на расстоянии. У меня была запланирована поездка в Сибирь, в г. Бабушкин, на родину отца и дяди Быстрых*ов*, были куплены билеты на самолёт. Поездка состоялась. Меня гостеприимно принимала Марина Мелешевич — заведующая краеведческим музеем города Бабушкин, расположенного на берегу Байкала. Мы встретились с ней в Иркутске, она организовала поездку на остров Ольхон, где мы пробыли два дня, затем вернулись в Иркутск, сели на поезд и доехали до г. Бабушкин. Там я ещё несколько дней находилась в гостях у Марины, её дочки Луции и мужа Андрея, к сожалению, простудилась и чувствовала себя не очень бодро. Улетала я из Улан-Удэ, где мне устроили экскурсию по городу авторы документального фильма о Борисе Быстрых. А в самом городе Бабушкин по инициативе военного прокурора РФ, бывшего родом из Бурятии, предполагалось открыть бюст Бориса Быстрых, — что через год и было реализовано в торжественной обстановке.

Вернувшись в Москву, я ещё успела слетать на пять дней в Крым. Очень уж мне хотелось побывать там. Ведь после посещения Крыма вместе с Хусейном прошло 52 года, и я там

больше ни разу не была. А теперь, после того как Крым стал Наш, особенно тянуло туда. Я остановилась в Коктебеле, у знакомой моей памплонской Марины; потом проехалась в Ялту и оттуда в Симферополь и домой.

Олег пошёл на второй курс. На этот раз я устроила его в общежитие при университете с полным пансионом, очень недешёвое, но другие были ещё дороже. И Юля обещала оплачивать половину. Так я по-прежнему стремилась дистанцировать Олега от компании в нашем районе. И создавала ему все условия для успешной учёбы. И, действительно, оценки у него на втором курсе были выше, чем на первом курсе.

Когда Олег перешёл на третий курс, мы вдвоём полетели в Нью-Йорк, к Юле. Олег стал работать у неё в офисе, она ему платила, немного, но справедливо. Так он проработал у неё полтора месяца, заработал примерно тысячу долларов и сказал мне, что в этом году не будет просить меня денег. Я подумала — взрослеет сынок, как это хорошо! Но — увы, уже в сентябре стало ясно, что все деньги им потрачены, -как он сам сказал — на гулянье!

Да, Олегу уже пошёл 21й год, а взросления так и не наступает.

…В 2017 году во время моего пребывания в Москве я решила поехать на квартиру к кровной сестре Олега, т.е. на ту самую, в которой я когда-то побывала. Почему я решилась на это? Потому что, видя психологическое состояние сына, его отчуждение от меня, стала думать, что надо бы попробовать наладить контакт с его кровным братом, не участвовавшим в отказе от ребенка в силу своего несовершеннолетия, — единственного мужчины, который — а вдруг? — мог бы поправить психику Олега. Конечно, это была больше иллюзорная идея, но я все время думала об Олеге, о том, чтоб не свихнулся, не ушел совсем в наркотики, о каком-то спасительном варианте, о его становлении как мужчины (а мужчины, как мне видится, остались только в России, в Европе это всё какой-то унисекс, там даже руку подать они не способны по-мужски). Ещё я думала о том, что Олег в силу своего характера — пассивного, нерешительного, но в то же время, очень самолюбивого, сам никогда не станет предпринимать никаких шагов, чтобы встретиться со своими биородственниками, что не означает ни отсутствия, ни присутствия интереса к ним. Т..е. я опять решила проявить активность пока жива. Ещё раньше Оля Соболькова звонила в их квартиру, спрашивала Алексея (брата), и сестра ей отвечала, что он там не живёт. Так мы поняли, что живёт там

старшая сестра. И мы с Олей поехали к ней. Поднялись на нужный этаж и не успели нажать на звонок, как сама женщина вышла из искомой квартиры и стала подниматься на лестничную площадку с сигаретой, т.е. чтобы покурить. Мы сказали, что мы, как раз, к ней. Она насторожилась и сказала что-то неприветливое. Ольга сказала, что мы по поводу ее брата. Она ещё больше насторожилась. Тогда я объяснила ей, что в свое время разговаривала с ее матерью, что теперь, когда Олегу исполнилось 18 лет, открывается возможность связаться с братом Алексеем, и, что, если у этого Алексея есть желание, то семья Олега хотела бы с ним наладить контакт. Ольга дала Наталье (сестре) свой телефон и сказала, что, если будет желание, пусть позвонят. На этом мы закончили наш короткий разговор и ушли. Нам обеим казалось, что Наталья не позвонит. Но она позвонила Ольге на следующий день и попросила меня позвонить ей, оставив свой номер. Я была на экскурсии в Ярославле и, вернувшись, ей позвонила. Мы договорились о встрече, я попросила, при возможности, прийти с братом, она ответила, что это невозможно и при встрече объяснит, почему. Мы встретились у МкДльса на Пушкинской. И она объяснила: оказывается, брат ничего не знает о существовании Олега!? Вот сам по себе этот факт так много характеризует это семейство! Скрытность, осторожность, законопослушание в сочетании с моральным преступлением…

Наталья, однако, очень нервничала, когда рассказывала о причинах оставления новорожденного ребенка. Правда, я плохо поняла ее сбивчивые объяснения; в основном, всё сводилось к тому, что в 90-х родители потеряли работу и т. д. Но Олег родился в самом конце 90-х — в 99году. Одно я поняла — и это было важным открытием — Олег и Наталья похожи, а значит, он сын обоих Сазоновых, а не какого-то мужчины на стороне. Так тем тяжелее то, что сделала эта женщина, отказавшись от своего ребенка; то, что сделал этот мужчина, ее муж, отказавшись от своего ребенка; и, наконец, сама Наталья, также написавшая отказ от рождённого брата, хотя ей можно было бы сделать снисхождение ввиду ее тогда молодого возраста, — 23 года. Да, это были очень поздние роды — Олега родили в 45 лет. Но разве это достаточное оправдание?.. Наталья сказала, что очень волновалась о судьбе брошенного братика. Услышав, что с Олегом

всё в порядке, была рада. Я решила сказать ей, что это я и есть его мама, она ахнула и стала спрашивать о том, где мы живём и можно ли узнать телефон Олега. На этот вопрос я сказала, что спрошу Олега.

Олег не сразу, но разрешил сообщить ей свой номер. В остальном он никакой активности не проявил. Наталья стала посылать ему поздравления с праздниками, с днём рождения, он благодарил, но и только. Мне он сказал, что она для него, как незнакомый человек с улицы.

В мои последующие приезды в Москву я ещё два раза встречалась с ней, в том же МкДсе. С одной стороны, она мне кажется симпатичной, но, честное слово, есть у нее, как и у ее родителей, разумеется, какой то моральный изъян: она успокоилась тем, что Олег «в хороших руках», но ее не гложет сознание того, что они травмировали, а, может, погубили душу ребенка своим предательством.

…На примере воспитания Олега я совершенно убедилась в том, что отказ матери от новорожденного ребенка — это преступление. Потому что отсутствие теплых любящих рук и глаз, отсутствие вот такого защитного «панциря» для родившегося ребенка настолько пагубно влияет на его сознание, подсознание и развитие, что становится травмой на всю жизнь. И никакие самые благополучные и любящие новые родители, а тем более один такой родитель, не в состоянии стереть до конца эту травму. Он будет жить с ней, и она, эта травма будет определять или — в лучшем случае — влиять на его жизнь.

Но я всё же верю, что потенциал Олега и то, что я заложила в любимом сыне, помогут ему выйти в правильном направлении на широкую дорогу жизни, быть счастливым и создать счастливую семью.

Тимур

Мой внучок Тимурчик родился, когда я уже его не ждала: ведь Юле было 40 лет. У неё была непростая предистория. Несомненно, Бог благоволил к Юле и дал ей и нам всем прекрасное созданье.

В Тимуре 50% узбекской крови и по 25% русской и арабской.

Он красив той же пленяющей красотой, как был красив его арабский дед. (Пусть папа не обижается, но узбек в Тимуре внешне практически не просматривается). А характер, возможно, и папин.

Несмотря на баловство, задаривание подарками, этот ребёнок чрезвычайно добр и отзывчив. И меня беспокоит многое в его воспитании, что может привести к срывам и кризису в его пубертатном возрасте.

С ранних лет, нет, с самого рождения Тимоша — прихожанин церкви. Он не садится есть, не помолившись, или хотя бы, не перекрестив еду. Но форма религии это не есть её содержание и глубокий смысл. Как он справится с этим в сознательном возрасте?

Много сомнений и даже тревоги вызывает и отношение Юлии к своему сыну — неровное: то слишком требовательное и грубое, то слишком невнимательное, а то и попустительствующее.

Я очень беспокоюсь за Тимошу, он живёт в противоречивой и иррациональной семье.

Я очень люблю его так же, как любила маленького Олежку.

Будь счастлив, мой маленький дружок!

Мысли о себе

Как видно из моего повествования, я, во-первых, мятежная натура и анархистка, не признающая подчинения; я отказываюсь подчиняться негуманным и, что ещё хуже, глупым законам, руководствуясь своими представлениями о справедливости. Конечно, так не могут жить и думать все. Но я — не все. Бог меня наградил острым чувством справедливости, здравого смысла и хорошими способностями в логике. Во-вторых, я всё же родилась под какой-то звездой или созвездием, которые сберегли меня, несмотря на постоянные рисковые ситуации, в которые я попадала, особенно, в молодости, но, конечно, сейчас у меня, как у всех старых людей очень ощутим страх смерти и инстинкт самосохранения.

Дальше: Бог и мои родители наделили меня светлой головой и разными способностями в учёбе. И ещё — целеустремлённостью. именно, благодаря ей я чего-то добивалась в жизни.

Как я уже сказала, у меня очень логический, можно сказать, неженский ум, да вообще, надо сказать, в моей натуре много от мужских качеств. Например, я очень независима, я честолюбива, у меня ооочень развито чувство собственного достоинства, мне не присущи такие типично женские черты, как любопытство и зависть, и кокетства во мне немного — будучи максималистом, я всегда считала, что меня должны полюбить без прибегания меня к кокетству, а флирт как таковой мне был не нужен. Я всегда считала, что завлекать мужчину вертением задом это низко, пОшло и меня недостойно.

Я политизирована и, когда я слышу победные марши, я думаю, что я под эти марши могла бы броситься на амбразуру врага.

Мои политические взгляды с годами менялись, и сегодня меня нельзя отнести ни к левым, ни к правым. Остался только патриотизм, т.е. любовь к своей исторической родине, к характеру наших людей, несмотря на известные наши недостатки, особенно, людей нашего героического прошлого. Прекрасен Роман» Тихий Дон», раскрывший две правды — правду красных и правду белых (хотя я, воспитанная на идеях большевиков, всё же им больше симпатизирую). И прекрасны повести Василя Быкова о последней войне, раскрывающие психологию поведения простого человека, оказавшегося в условиях нечеловеческих испытаний.

И ещё — я очень хорошо разбираюсь в том, что происходит

в мире, и я правильно анализирую вещи. Почему я знаю, что правильно? — Потому, что время потом это подтверждало. Я во многих своих взглядах и прогнозах его опережала. Если бы я была влиятельным политиком — а я могла бы им быть при другом стечении обстоятельств — то я была бы на своём месте, т.е. я могла бы принимать стратегически правильные и обязательно честные решения. (Франсиско считал, что я могла бы быть президентом, если бы не излишние нервы, но это уже преувеличение — президенту нужно иметь дипломатический характер. А я могла бы быть его помощником).

Да, я очень честный по натуре человек. И я не могу поступаться со своей совестью, мне тогда было бы очень плохо, потому что я перестала бы себя уважать и быть достойной своих честных родителей и дедов. (*Моя приятельница Галя при каждой встрече не преминет сказать: «Люд, не перестаю удивляться с тех пор, как познакомилась с тобой — почему ты такая честная? разве так можно — быть такой честной?»)* Но уточню — моя честность — в отношениях с людьми, а не с государством; с государством — только, по справедливости. (Если оно меня обманывает, требуя платить за гипотетический капитальный ремонт через 40 лет в новом доме и в мои за 70 — то я ему в этом отказываю.) Я отказываюсь быть овцой в стаде — ни в коем случае не отношусь к молчаливому большинству.

Я всегда готова прийти на помощь, или, если меня попросят, или, просто, когда я вижу, что человек в ней нуждается. Сколько раз этим пользовались, но я не могу изменить своей натуре.

У меня очень доброе великодушное сердце. И, хоть наш род не голубых кровей, мы все, и я, в том числе, наделены благородством.

Я искренняя, открытая и бесхитростная — я не несу никакой опасности для коллег и соперниц. (Франсиско всегда признавал: «no tienes maldad ninguna, pero hay que conocerte»).

Я не могу предать. И никого никогда не предала ни в большом ни в малом.

Вот я перечислила то, что считаю своими достоинствами. Многие или все они — это не мои личные достоинства, а это качества, которые мне перешли по крови. Личных, вновь приобретенных достоинств, было, я думаю, не так и много. Правда, не всегда легко отделить перешедшее по наследству с собственными достижениями.

А теперь перейду к моим недостаткам.

Я не выдержанная, нетерпеливая, даже резкая, могу

действовать спонтанно по эмоциям.

Я, особенно, в молодости, хмурая и даже угрюмая, и в детстве очень упрямая и обидчивая.

Я, будучи максималистом, очень критична к людям. С возрастом стала гибче (личное достижение или больше физиология?), но, всё-таки, я настолько критична к людям, что просто разочаровалась в этом мире: сколько веков существуют религии, а люди лучше не стали! Мне непонятно, но вполне уже очевидно, что зла в мире больше, чем добра, что подлости больше, чем верности. Иначе не было бы войн. Т.е. я по натуре скептик, никак не оптимист.

У меня ооочень чувствительная нервная система, в прямом и переносном смыслах. Я могу быть склонна к панике (особенно в самолёте или в закрытом пространстве).

У меня несильная воля. Я не могла и не могу заставить себя заниматься, например, гимнастикой, или посещать, не пропуская, какие-то тренировки или бассейн.

И я не уверена, смогла бы выдержать пытки, какие привелось выдержать молодогвардейцам и другим героическим людям. Мне вообще страшно представить всё это.

Теперь об отношениях с мужчинами.

У меня много их было (по прежним меркам, сегодня это, может, уже и не много). Но только раз или два в жизни я целенаправленно искала знакомства для секса, я всё-таки была очень темпераментной. Ещё два-три раза я уступала: сначала боялась обидеть (как же — я ведь принимала ухаживания за чистую монету), а потом было и поздно.

Все остальные кейсы были основаны на том, что я искала любовь, я искала прочные отношения, в которых была бы верной и преданной женщиной.

Т.е. я могу уверенно сказать, что, несмотря ни на что, я внутри всегда оставалась чистой и чистоплотной женщиной. А о каком-то бесстыдстве или женской корысти не могло быть и речи..

…Очень долго человек себя не знает, и только в совсем пожилом возрасте всё становится яснее. Например, то, что человек соткан из противоречий; что характер человека, как палка о двух концах: на одной стороне его достоинства, а на другой — его недостатки, но не любые, а именно те, что являют собой обратную сторону его достоинств. Например, человек хмурый и грубоватый может иметь доброе сердце, не подвести и быть верным товарищем, а человек бесконфликтный может оказаться трусом и подлецом. И, если человек кричит и грубит, то надо ещё разобраться — может,

у него душа болит о чём-то. И поэтому, нельзя судить по форме, надо рассмотреть содержание. (Кстати, вот это — судить по форме — присуще испанцам, как, наверно, и другим европейцам, которым нравится пустяшный подарок обязательно завернуть в красивую блестящую бумажку).

И ещё: я, как бы, физиономист. Видя внешность человека, я в первом приближении могу иметь представление о нём, вернее почувствовать или симпатию или антипатию или безразличие к нему. И я убеждена, что наши черты лица отражают наше нутро.

Я читала много книг о войне и сделала ещё один вывод: есть характер, проявляющийся героизмом на войне, но в мирной жизни человеку с таким характером может быть очень некомфортно и трудно. В мирной жизни нужен другой характер — бесконфликтный, осторожный, расчётливый. Герой войны в мирное время может легко оказаться маргиналом, а трус — вполне успешным человеком.

Я уже писала про Франсиско, что такие люди больше не рождаются. И насчёт себя тоже думаю, что отношусь к исчезающим особям. И мои подруги Лиана и Ниночка — то же самое, — они, возможно, ешё честнее меня.

Я уйду, так и не познав тайны происхождения Вселенной, а ведь в молодости я надеялась на то, что при моей жизни будут разгаданы такие понятия, как Начало и Конец. Сегодня мы понимаем, что Вселенная бесконечна, но постичь этого мы не в состоянии. Я не в состоянии!

Что касается религии, то я легко допускаю, что не всё в этом мире материально, что есть Высшие Силы, или Высшая Сила — Бог, который и руководит нашими поступками, и оставляет нас, если мы оказываемся недостойными… Но в загробную жизнь я не верю, может, просто потому, что не снизошла на меня благодать Божья. А, может, потому, что это не увязывается с моим логичными мозгами, и я рассуждаю так: наше тело, как всё живое рождается и умирает, и мозг — это часть тела, а дух — это нейроны мозга.

Человек испокон веков боялся смерти, потому и рождались религии. А церковь родилась, чтобы сохранять христианские устои, помогать и поддерживать слабых духом, но сама она очень далека от безусловной христианской любви…

И, наверное, в заключение:

Я не могу считать себя реализованным человеком. Я стремилась к вершинам, но их не достигла. Хотела иметь трёх детей — не получилось. Хотелось оставить заметный след

на земле — не состоялось. Большая часть жизни проходила в страстях и страданиях. Так случилось, что тот потенциал, который был во мне заложен, реализован не был. С тем я и уйду…

…И всё-таки, — несмотря на всю мою критику, — у меня хорошие, в смысле — добрые к людям дети! *(А их отношение ко мне — это, в определённой степени — бумеранг!*).

И дай, Боже, им здоровья и долгой жизни!